Амулет Святовита. Вторая часть

Амулет Святовита - 2

Роман Валентинович Мискин

SHOUT
SHARE
IT

•

ГЛАВА 1

СИНЯЯ ПУЩА

У каждого дремучего леса есть такое свойство - едешь по нему днем, и не знаешь, который час. То ли утро еще гомонит на всю округу, то ли жаркий полдень уже наступил, то ли вечер крадется неслышно. Всегда полумрак серый вокруг, всегда приглушенная тишь. Ни тебе птичьего щебета, ни дуновения ветерка. Кругом нетореной тропы стоит незыблемо стена замшелых древесных столбов, а солнце и небо отделено от путника густыми зелеными сводами, с которых свисают мохнатые бороды седых лишайников. Будто в княжеской зале какого лесного владыки находишься - только позаброшена давным-давно эта зала, сильно обветшала и заросла. И что вперед посмотришь, что назад - всё едино: будто время остановилось, и весь мир сузился до тесной кромки сумрачной лесной дороги.

Тропа виляла, словно вздорная речка, и осторожно обходила раскоряченные корневища лесных великанов с растрескавшейся корой. И углублялась в чащу всё дальше и дальше, будто заманивая в ловушку. А суровые, искореженные временем деревья лишь недобро усмехались, разбуженные путниками, иногда потрескивая и поскрипывая, а иногда издавая какой-то глухой глубинный стон.

Нехорошие предчувствия навевала эта бесконечная серая тропа в лесной чаще, тоскливо и сумрачно было на душе. Скребет сердце неясная боль, хватает своими острыми коготками, впивается и не отпускает. Бередят внутри горькие воспоминания прошедшей беды, что свалилась внезапно, будто ком на голову - и неясное ощущение еще большего лиха, что скрывается там, впереди за поворотом.

"Ой, пришли черные годы, разлились красные реки!" - почему-то стучит в висках погребальный плач.

И встает перед глазами огромное поминальное кострище вчерашней тризны, доставшее пламенем само небо, и уносят туда жаркие языки огня души павших в лютой сече барздуков. И нет ни одного рода славного племени земников, коего бы миновала эта злая участь. Вскрикнет громко и страшно затем на том или ином лесном хуторе не одна барздучиха-мать или молодуха какая, потерявшие в битве своих сыновей, братьев или суженых. А суровые ратники-бородачи, что принесут эту черную весть, только будут глядеть на нее бессловесно, крепко сжимая свои кулаки да играя желваками.

"Ой, да приплыло по тем рекам горькое горе", - будто

издалека, снова слышатся жалобные слова плача.

Молча ехали путники по лесной дороге, каждый думая о своем. Ехали, не обращая внимания на глухие скрипы и стоны корней, и углубляясь всё дальше и дальше в дремучую глухомань - и в свои мрачные воспоминания.

Первый трусил на маленьком пони и временами тревожно оглядывался по сторонам, ежась с опаской. А второй, казалось, целиком ушел в себя и понуро подремывал в седле, а оттого мерно клевал носом с каждым шагом своего коня.

Глянуть со стороны, то всем своим видом эти путники разительно не походили один на другого. Первый был маленького, в половину людского, роста, с волнистой бородкой, которая лишь кучерявилась по щекам. И своими трехпалыми птичьими ногами он плотно сжимал бока упитанного пони. Закутан путник был в зеленый, старинного покроя плотный плащ, из-под которого топорщился короткий узкий меч. Да сзади на крупе мохнатого лошака были приторочены дорожные сумы. Посмотреть сторонним оком - ни дать ни взять юный отпрыск какого-то земниковского семейства отправился по своим купеческим делам.

А вот второй путник, наоборот, был несколько высоковат даже для обычного человека, не говоря уж про земников. Одет он был ярко и дивно, как для этих глухих мест, словно знатный шляхтич богатого рода - в широкие, словно море, темно-синие штаны, да расшитый золотом и серебром черный кафтан, поверх которого была накинута мохнатая бурка. Высокая шапка была лихо заломлена набекрень, а из-под длиннющих и черных смолистых усов попыхивала едким дымком трубка-носогрейка. Да-да, то был тот самый знаменитый витязь с юга, дивный волшебник Мамай.

Чародей и земник - совсем невероятно смотрелись они вместе, в этой затхлой сырой чащобе, совершенно разные, так не похожие, но скованные отныне одним общим бременем. И нести ее, эту тяжкую ношу, теперь им выпало только вдвоем.

Нелепы, а порой и откровенно жестоки повороты судьбы - и также непредсказуемы, как извивы заросшей лесной тропы в бездорожье чащобы. Мог ли маленький земник еще пару недель назад думать, что всё сложится именно так? И что суровая доля забросит его в эту круговерть кровавых событий, заставив сразу повзрослеть? Что помимо его собственной воли вложит ему в руки судьбы мира, даже не спрашивая его желания? И сможет ли он, земник, распорядиться древним оберегом верно и безошибочно? Сумеет ли пройти по самому острию бритвы? Это богам лишь и ведомо...

А витязь-чародей с далекого юга, что спешил на помощь собратьям-волхвам, мог ли себе он представить, что с ним судьба сыграет такую шутку? Вряд ли...

Неисповедимы пути божьи, неподвластны они разуму ни обычных людей, ни чародеев, ни волшебной нелюди. Что там, впереди, скрывается за поворотом? А за следующим? Бог весть - лишь только душу стискивают туманные предчувствия.

А потому и Мамай после тризны, когда отгорели последние угли поминального огня, проходя ненароком возле Лиго, указал на рдеющую заколку.

- Спрячь-ка ты ее от греха подальше, - сказал чародей. - Да так, чтобы в глаза она не бросалась, и чтобы никто ее не видел больше без надобности.

А затем тихо добавил:

- Будь готов, мой друг - уйдем тайком, чтобы никто не знал...

И растворился в темноте звездной ночи.

А задолго до рассвета тихонько растолкал барздука и, напустив свои чары на стражу, покинул с ним вместе спящий лагерь. И сгинули оба бесследно во мраке, под сенью темных сводов Синей пущи.

Ехали почти целый день - или это только так показалось? Ведь время остановилось в этой глухой и дремучей тиши, заснуло навеки. И только мерный перестук копыт вторгался в вековечную дрему лесных великанов, заставлял скрипеть корнями и что-то невнятно шуршать корой. Но лишь исчезали за поворотом странники, как снова крепко засыпали деревья, бормоча напоследок всё тише, и тише, и тише.

- Поедем тайными тропами Синей пущи, - сказал Мамай земнику. - Так и путь значительно срежем, и следов за собой не оставим.

- А Бирюк? - с опаской спросил земник. - Ведь он же бродит в глуши Синей пущи?

- А что Бирюк? - странно усмехнулся чародей. - Со мною тебе ничего не грозит, Лиго.

А затем, пыхнув своей трубкой, загадочно добавил:

- Да и есть тут у меня еще одно дельце, в этих краях, прежде чем мы доберемся до Медейны...

И замолк надолго.

И лишь на первом привале, когда уже слегка развиднелось сквозь густые кроны деревьев, земник осмелился спросить:

- А кто такая Медейна, сударь?

Мамай посмотрел на него задумчиво, словно не понимая вопроса.

- Что-что? - спросил, встрепенувшись, чародей.

А затем, покачав головой, со странной полуулыбкой ответил:

- Ах, Медейна... Это, Лиго, провидица великая лесная, которая поможет нам узнать судьбы извилистые тропы. Ведь смертным не дано богов узнать предначертанье - лишь только избранные ими могут заглянуть вперед...

И снова, задумавшись, задымил трубкой.

- Но как? - не унимался Лиго.

- Есть чаша дивная в том крае заповедном, что стережет его от зла Медейна, - словно в полусне бормотал Мамай, закусив чубук. - Мы заглянем в родник, что видит души насквозь - он скажет нам, достойны ль мы к той чаше обратиться, которая покажет нам судьбу. Медейна прорицает долю при помощи той дивной чаши - и даст напутствие в дорогу, как лучше поступить...

И снова углубился в свои мысли. И как ни старался его дальше разговорить земник, ничего у него не выходило.

После привала ехали молча, каждый углубившись в свои мысли. Вокруг была всё та же дремучая пуща, блекло освещенная призрачным серым светом. Сколько прошло времени - было ли немного за полдень, а может, уже близился вечер - было совершенно неясно. Как во сне вокруг стояли скрюченные от тяжести веков деревья, выпускали под ноги свои корявые корни и норовили задеть по лицу своими хлесткими ветвями.

Так и ехали молча, тоже, будто во сне. Глухо били копытами кони в прошлогоднюю сырую листву, устилавшую плотным влажным войлоком лесную тропу.

"Туп-туп-туп" - мерно топали кони, а земник и чародей также мерно клевали носами в полудреме. Трубка чародея погасла совсем и уже больше не дымила. Всё вокруг дышало каким-то тяжелым сном, что склеивал веки и дурманил голову, убаюкивал размеренной поступью и шептал колыбельные песни тихим шорохом листвы.

А тропа уводила всё дальше вглубь, заманивала в густую чащу, обволакивала колдовскими чарами. И вот уже ни слов, ни образов, ни проблесков мыслей не осталось в головах. Только тяжесть, покой и сон, да тихий шепот ветвей древней пущи.

А меж тем тропа, выдав пару крутых петель, неожиданно свернула вниз, в глухой и темный распадок с замшелым бревенчатым мостом, брошенным через лениво текущий лесной ручей. Осклизлые позеленевшие колоды уже порядком покосились и разъехались в разные стороны, изрядно попортились от времени, норовя вот-вот рассыпаться вовсе в гнилую труху и мокрый прах. Но, натужно и тихо скрипнув, выдержали и маленького пони земника, и большого белогривого коня, которые сонно процокали по ним.

Сомкнулись над головами странников густые ветви, и поглотили их, убаюканных обманчивой дрёмой. И когда исчез в плотной тени древних деревьев даже самый слабый отзвук мерно топавших копыт, по лесу вдруг пронесся как будто неслышный стон, а сами лесные великаны затряслись и задрожали в тихом и злорадном смехе.

***

- Где Лиго? - задал свой вопрос в очередной раз Прок Пеколс Мартину, сонно протиравшему глаза, а оттого глупо таращившемуся на старого земника.

- Да проснись же, Мартин, - тормошил за плечо молодого ратника Пеколс. - Лиго исчез!

Но Мартин промычал что-то маловразумительное, в котором лишь очень отдаленно угадывался вопрос.

- Что? Ты спрашиваешь, где он? - теребил дружинника старый слуга. - А я почем знаю. Пропал - и всё тут! Просыпайся!

И снова затряс Мартина изо всех сил.

Но тот, открыв глаза и несколько раз непонимающе хлопнув ими, вдруг снова широко и заразительно зевнул, сладко потянувшись. И, оттолкнув старого земника, перевернулся на другой бок, опять укладываясь на своем седле вместо подушки.

- Да что же это такое! - возопил Пеколс и побежал за водой.

И лишь плеснув ключевой, обжигающе холодной влагой в лицо ратнику, Прок добился того, чего хотел.

- Уф! - подскочил, как ужаленный, Мартин, и осоловело уставился на Пеколса, сердито почесываясь.

- Ну что, все свои сны досмотрел? - ехидно осведомился Прок.

- Тебе чего, старый оболтус? - поёживаясь от утренней свежести, хмуро спросил дружинник и широко зевнул.

- Где Лиго? - внятно и четко снова спросил старый слуга.

- Что-что? - словно не поняв вопроса, удивленно поднял брови Мартин.

- Я говорю, Лиго исчез, - повторил Пеколс. - Вот и спрашиваю тебя, дурья твоя башка, где он?

Мартин сидел некоторое время, словно соображая, что да как. А затем вдруг резко вскочил на ноги.

- Как исчез? Давно? - громко вскрикнул он, озираясь вокруг.

- Тише ты, весь лагерь перебудишь! - зашипел на него Пеколс, зажав ему рот.

Мартин мотнул головой, освобождаясь от хватки старого слуги. Сон как рукой сняло.

- И давно он пропал? - спросил дружинник.

- Я вот проснулся, глядь - а Лиго уже и нет! - развел руками Пеколс. - Хотя еще только-только светать начинает.

Мартин мельком глянул на небокрай, за которым узкой светлой каймой розовели первые утренние проблески.

- Так это что ж получается, что они ночью еще ушли? - хмыкнул дружинник и озадаченно почесал взъерошенную голову.

- Как это, ушли? - удивился Пеколс. - И кто это они?

И вдруг его словно молнией прошибло.

- О боги! - охнул старый земник. - Это ж хозяина этот лукавый чародей сманил-таки! С собой сманил - и увел на юг!

И горестно хлопнул себя по коленям и осел вниз.

Мартин стоял и смотрел на него.

- А ты что, так ничего и не знал? - удивленно спросил дружинник.

- Что именно? - встрепенулся старый слуга.

- Что Лиго собирается уходить, - сказал Мартин.

- Как? Что? - вскинулся Пеколс, округлив глаза. - Почему я об этом ничего не знаю?

- Ну... - почесал в затылке Мартин. - Про это было решено на совете - мне Лиго сам вчера говорил. Правда, я и сам не думал, что так скоро они соберутся - и уйдут сегодня ночью.

- Ох, - только и вымолвил старый слуга.

Ведь он-то не видел толком своего хозяина уже давно - и весь вчерашний день после битвы провел в хлопотах по уходу за ранеными, коими его озаботил Куреяс. И не было времени у старого слуги даже перекинуться парой слов с Лиго. Пеколс и так был счастлив тем, узнав, что Лиго жив остался после той ночной лютой сечи. Но ослушаться наказа грозного волхва не посмел, и вместе с ним до самого вечера ухаживал за ранеными барздуками и людьми.

Но сейчас сердце старого слуги тоскливо сжала обида и боль - ведь его Лиго бросил, оставил здесь, словно какую-то ненужную вещь. Не счел возможным даже предупредить или хотя бы намекнуть на свой уход!

И Пеколс сжал от горя кулаки и посмотрел вперед невидящим взглядом. Кому, кому он здесь нужен будет? Владыке Куреясу? А заберет ли он его с собой в Ковно в вайделотскую школу? А может, пригодится он Брылю Бирзулису в Пригорках, где будут его вечно шпынять? Или же он в качестве кашевара да травника останется при дружине у самого воеводы Бортня? Но спрашивал ли хоть кто-нибудь, а чего хочет сам Прок Пеколс?

"Ну уж нет, - решил вдруг Пеколс. - Будь что будет, но я обязательно найду и догоню Лиго! И я пойду вместе с ним до конца - или пусть он сам тогда меня прогонит!"

И, полный решимости, вскочил и побежал в шатер владыки Куреяса.

- Эй, Прок, ты куда вдруг сорвался? - только и успел вдогонку крикнуть удивленный Мартин.

А затем, пожав плечами, огляделся по сторонам.

Но укладываться спать было уже поздно - вокруг ворочались разбуженные разговором земники. Да и утро уже вступало в свои права.

"Пожрать, что ли", - почесался Мартин и, зевнув еще разок, отправился к ручью умываться.

***

- Иди ты к ляду, Пеколс! - орал спросонку владыка Куреяс. - Что за тарарам ты здесь устроил?

А Пеколс юлой метался по шатру волхва, собирая вещи Лиго и не обращая внимания на грозные крики волхва. Только пыль столбом стояла.

- Вот я тебя, старый пройдоха! - рявкнул, свирепея, Куреяс. - Ты что, меня не слышишь вовсе?

Прок замер на мгновенье, а затем в упор посмотрел на волхва и дерзко сказал:

- Вы, сударь, хоть в лягушку или камень меня превратите - но не пытайтесь, слышите, даже не пытайтесь разлучать меня с Лиго! Я за ним сызмальства ухаживал. Он у меня, можно сказать, на руках и вырос. А вы...

- Да как ты смеешь, земник? - взревел вдруг Куреяс.

Но слуга лишь махнул на него рукой:

- Эх, вы, сударь...

И снова стал метаться по шатру.

Куреяс удивленно вскинул свои мохнатые брови, а затем вдруг расхохотался:

- Вот тебе на! Да кто ж тебя с твоим хозяином разлучать-то собирается?

- Вы, - коротко бросил на ходу Пеколс, не сбавляя шагу.

- Я? - изумился волхв. - Хм, и как же это? Что приставил тебя за ранеными смотреть?

- Вовсе нет, - отрезал земник.- Это большая честь для меня.

- Так в чем же дело? - сердито спросил волхв.

- В чем дело, сударь? - остановился на мгновенье Лиго. - Ну да, ну как же! Вы, конечно же, не знаете, что и к чему!

И, отвесив с дерзкой ухмылкой явно издевательский поклон, снова стал метаться туда-сюда.

- Ты можешь наконец-то объяснить, в чем дело? - снова заорал Куреяс и, изловчившись, схватил Пеколса за шиворот и хорошенько встряхнул его.

- Ты мне, Пеколс, не дерзи, - грозно сказал чародей. - Я тебя в миг в кого хошь превращу, чтобы поделом тебе было!

- Ну, так превратите меня в быстрого коня, сударь, чтобы я мог догнать своего хозяина и заодно дружка вашего тоже! - хмуро сказал земник, глядя снизу на волхва. - Все вы, чародеи, одним миром мазаны - только и горазды, что на обман!

- Что-что? - вдруг опешил Куреяс. - Какого это еще моего дружка? Ты что несешь, Пеколс? Не с той ноги, что ли, встал?

- Мамая этого, чародея с юга, - хмуро ответил старый слуга и, резко вырвавшись, сердито поправил кафтан.

- Подожди, Пеколс, не хочешь ли ты сказать, что... - вдруг протянул Куреяс и изумленно вскинул брови вверх, - что Лиго и Мамай уже ушли? Но когда?

- А я почем знаю? - пожал плечами земник. - Вам же, сударь, и видней. Это у вас, чародеев, есть такая привычка тайком сматываться ни свет, ни заря! Один такой уже смылся, оставив эту заколку, будь она неладна!

- Цыц! - гаркнул Куреяс и сердито сверкнул глазами. - Не навлекай на себя мой гнев, Пеколс, своими неразумными речами!

- А второй вот тоже решил смыться, да еще и Лиго с собой прихватить, - не унимался земник.

- Да помолчи ты хоть минуту! - топнул ногой Куреяс и, глянув на него, щелкнул пальцами.

И старому слуге вдруг дыхание перехватило, будто кто воздух в горле перекрыл. Пеколс закашлялся.

- Так говоришь, они ушли? Хм... - проговорил Куреяс.

И волхв задумался, насупив брови.

Пеколс откашлялся натужно и, вытерев с глаз невесть откуда навернувшиеся слезы, глубоко вдохнул полной грудью, намереваясь снова что-то сказать. Но волхв сердито глянул на него и покачал своей головой, словно просил не мешать. Земник осекся и замолчал, удивленно глядя на волхва и ожидая разъяснений.

А спустя пару минут лицо волхва вдруг просветлело и он, улыбнувшись, сказал:

- Так значит, просишь, не разлучать тебя со своим хозяином? Ну-ну, мой друг, так тому и быть!

И, резко поднявшись, сказал:

- Идём-ка, дружок, к воеводе!

- Это еще зачем? - округлил глаза старый слуга.

- Да потому что тебя одного я вслед за Лиго не пущу, хоть ты тресни! - сказал волхв. - Да и вдвоем вы быстрей его найдете!

- Вдвоем? - совсем опешил земник. - Это еще с кем?

- С Мартином, мой разлюбезный, с кем же еще? - улыбнулся владыка. - Кажется, так его зовут, этого вашего дружка, с которым вы вместе в кабачке в Земьгороде в историю вляпались?

И, внимательно посмотрев на старого слугу, волхв добавил:

- Раз уж вместе кашу эту заварили - вместе теперь и будете ее расхлебывать, уж не обессудь! Да и три земника - всегда лучше, чем один! Не так ли?

И, подмигнув барздуку, легонько подтолкнул того к выходу.

Так и оказались Прок Пеколс и Мартин Бубилас вдвоем на той же самой тропе, которая уходила вглубь таинственной Синей пущи, поглотившей под своими сводами Лиго с Мамаем.

***

- Ну, что? - спросил Пеколс у Мартина, который спешился и внимательно разглядывал поверхность тропы, укрытую толстым слоем опрелой листвы. - Что-нибудь видно?

- Следы ведут туда, - сказал ратник и махнул рукой, указывая направление. - И, если им верить, проехали они здесь совсем недавно - всего несколько часов назад!

- Слава богам! - сразу повеселел старый земник. - Как думаешь, нагоним их до темноты?

Мартин пожал плечами.

- А кто его знает, Прок, - ответил он. - Может, и догоним - ежели кто чарами своими не помешает...

И, недобро усмехнувшись, вскочил на своего лошака.

Пеколс невольно поежился и опасливо оглянулся вокруг.

- Думаешь, этот чародей за собой следы заметать будет? - тревожно спросил он.

- Кто? Мамай? - оглянулся Мартин и помотал головой: - Нет, Прок, думаю, ему в этом толку никакого нет вовсе. Разве что тому, другому?

И дружинник многозначительно глянул на Пеколса.

У того только брови полезли наверх.

- Ты думаешь, горбуну этому? - с ужасом спросил старый слуга. - Колдуну лесному, что нам на опушке привиделся?

Мартин кивнул головой.

- Ну да, он-то и бродит только чащей этой дремучей, чары свои сонные навевает, - сказал ратник и оглянулся вокруг.

- Бррр, - стало не по себе Пеколсу, и он шепотом спросил: - Как там бишь его звать-то? Бирюк?

И при этих словах вдруг тяжкий вздох пронесся по лесу и зашуршала листва.

- Тихо! - зажал Пеколсу рот ратник и сердито зашипел: - Не накликай беды на голову - этого еще шатуна нам тут не хватало!

Но лес пошелестел немного, поскрипел ветвями - и вскоре затих.

- Не упоминай здесь больше его имени, Прок, пока из чащи этой не выберемся, - хмуро сказал Мартин. - Хотя, думаю, и без

стариковых чар эта пуща все следы скоро сама схоронит.

- Как так? - удивился старый слуга. - Здесь же, кроме нас, вроде и нет никого!

- Ага, вроде, - мрачно кивнул ратник. - Только, боюсь, к вечеру здесь не только других, но и наших собственных следов не будет - уж поверь моему слову. Затопчут их, старательно сотрут с лика земли.

Прок испуганно оглянулся.

- Думаешь, еще кто вслед за нами отправился? - спросил он.

- Да нет, Прок, больше нас и догонять-то никто не будет, - ответил Мартин. - Но только мы в этой чаще совсем не одни. Видишь, как недобро глядят?

И Мартин указал плетью вокруг.

Пеколс посмотрел по сторонам - со всех боков нависали замшелые корчеватые ветви, кое-где подернутые седыми узорами паутин.

- Да вроде ж нет никого, - поежился Пеколс. - Кругом одни деревья.

- Вот именно, Прок, - приглушенно сказал ратник. - Они-то и глядят за нами, наблюдают с самого начала пути, как въехали мы под своды пущи. Древний это лес, таинственный. И деревья здесь живые тоже - только вроде как спят крепко. А мы с тобой их сон вековечный и нарушили.

- Так ты думаешь, что они и следы наши сотрут? - охнул старый слуга, с ужасом вспомнив свои ночные приключения в лесу.

И при этих словах чаща будто надвинулась со всех сторон на земников, а ветви снова нехорошо зашелестели.

- Сотрут или затопчут - не всё ли едино? - пожал плечами Мартин. - Я думаю, здесь не один прах под старыми корнями схоронен навечно. Так что гляди в оба, Прок - сгинуть здесь плёвое дело!

И тронул поводья. А затем, немного повременив, когда пони уже трусил рысцой по извилистой тропе, сказал вполголоса, будто самому себе:

- Одно вот меня только смущает - почему же лес этот следы Лиго до сих пор не стёр?

И задумчиво почесал затылок.

Но старый слуга услышал последние слова ратника и вздрогнул.

- Думаешь, заманивает? - шепотом спросил он дружинника.

Тот оглянулся.

- А я почем знаю? - развел руками Мартин. - Может и так, а может, и нет вовсе. Только следы были еще совсем свежие, а

другой тропы здесь не проложено. Так что посмотрим, куда она нас выведет - другого выхода у нас нет.

- А выведет ли? - испуганно спросил Пеколс.

Но ратник только криво усмехнулся.

- Ты, Прок, ежели такой пугливый, сидел бы себе сейчас в шатре у владыки Куреяса и горя бы не знал, - сказал ратник. - А то устроил бедлам ни свет ни заря, всех на ноги поднял - а теперь у самого душа в пятки ушла. Или вернуться хочешь?

- Нет, - упрямо мотнул головой старый слуга. - Куда ж я без Лиго?

- Ну, тогда и не ворчи, - сказал ратник. - Заварил кашу - теперь изволь откушать. Смотри-ка лучше по сторонам, не зевай да помалкивай. Лес бдительных любит, а вот болтливых - нет!

И пришпорил своего резвого лошака.

Так и ехали дальше молча, примечая каждый шорох в обступившей чаще и временами поглядывая назад.

Шуршали копытами пони в прелой листве, поскрипывали недобро вокруг узловатые ветви. Свисали с них липкие бороды мхов и лишайников, норовя попасть то в глаза, то залезть за шиворот. Подкрадывались под ноги перекрученные ненастьем и веками бугристые корни, в щелях которых набилось немало столетнего сору и сгнившей трухи. И ни шороха зверья в этой чаще, ни пенья птиц - только ленивое перешептывание сонных деревьев, да таинственный перестук замшелых коряг, да тихий стон в корневищах.

А тропа юлила и извивалась скользким ужом под сумрачными сводами древней чащи, уводила в неведомую глухомань. Взбиралась вверх на лесную кручу и затем снова спускалась вниз, в темный распадок, обходя по самому краю глубокий овраг с гнилым буреломом и старым валежником. Вила свои хитрые петли тропа, заковыристо крутилась меж древесных могучих колод, мельтешила под старыми ветвями и обходила стороною темные клубы густых кустов. И казалось временами, что тропа эта живая и недобро насмехается над усталыми путниками, коварно водит их за нос и кружит на одном месте. И когда она внезапно оборвалась у широкого лесного ручья, земники от неожиданности чуть не свалились в воду.

- Гляди! - радостно воскликнул Мартин и указал рукой на полурассыпавшийся бревенчатый мосток.

На осклизлом густом зеленом мху явно отпечатался конский след, уже затянутый насочившейся мутной жижей.

И, спешившись и взяв пони под уздцы, ратник осторожно приблизился к сгнившему перемостку.

- Да, так и есть, - довольно хмыкнул он. - Это след от копыта -

такие оставляют только наши, земниковские лошадки. Лиго был тут совсем недавно!

И глаза ратника радостно заблестели.

- Значит, мы идем верно? - оживился Пеколс, дотоле настороженно сидевший на своем лошаке, словно нахохлившийся воробей.

И широко улыбнулся.

А Мартин вдруг отвесил щедро низкий поклон до самой земли и громко сказал:

- Спасибо тебе, пуща, что пока не подвела нас!

И словно в ответ среди ветвей пронесся тихий шум и шелест.

Но перебраться через ручей оказалось совсем не так просто - осклизлые бревна норовили выскочить из-под ног и натужно скрипели, когда по ним попытались провести пони. А влажный мохнатый мох жадно чавкал, затягивая отпечатки копыт. Снизу вдруг ни с того ни с сего разволновался лесной ручей, нагнал холодную волну и разбрызгивал белую пену, кусая за пятки земников студеной темной влагой. И когда копыта пони коснулись другого берега, замшелые бревна вдруг громко затрещали - и посыпались вниз.

Двое земников со своими лошаками еле успели выскочить на скользкую землю, норовя свалиться в воду и удержавшись на берегу из последних сил.

- Фух, - только и вымолвили они, шумно выдохнув.

А когда оглянулись, ручей уносил вниз остатки бревенчатого моста, кружа его в пенистых водоворотах.

- Ну, вот,- сказал Пеколс, - теперь дороги обратно точно нет!

- Еще неизвестно, куда бы она нас вывела, эта обратная дорога, - мрачно заметил Мартин. - Ведь у каждой лесной тропы есть такое нехорошее свойство - вроде бы возвращаешься по ней обратно, ан нет, только еще больше заблукаешь и забредешь в такую глухомань, откуда и выхода-то нет вовсе.

И хмуро посмотрел назад.

А с той стороны ручья тропа уже дымилась белесым туманом, который расползался во все стороны и медленно затапливал лесную чащу.

- Знаешь что, Прок, как-то мне не по себе здесь, - вдруг тревожно сказал Мартин, глядя на этот туман. - Давай-ка пошевеливаться. Чем быстрее мы смотаемся отсюда, тем лучше для нас будет!

И твердо двинулся вперед, под темные своды деревьев.

Но лишь только хвост последнего пони скрылся в плотной тени лесных великанов, по всей чаще вдруг пронесся тихий и злорадный хохот. Ветви вдруг настойчиво зашумели, зашуршали,

зашептались, стали раскачиваться во все стороны и грозно скрипеть. Пуща вдруг навалилась на земников всей своей мощью и стала сгущаться вокруг. А когда земники оглянулись, то к своему ужасу увидели, что тропы позади них больше нет - её всю плотно заступили деревья.

- А-а-а! - вдруг заорал Пеколс, вытаращив от ужаса глаза.

И, сломя голову, понеся на своем пони вперед - туда, где еще был просвет в лесной тропе. А следом за ним сорвался с места и обезумевший от страха лошак Мартина.

- Стой! Куда?! - кричал молодой земник, изо всех сил стараясь удержать своего пони.

Но испуганные лошадки неслись вперед по тропе, которая тут же смыкалась за ними, как будто её и не было вовсе. Хлестали злые ветки по лицу, хватали снизу цепкие корни, а с боков наползали густые тени склонившихся деревьев. И вокруг этого буйства безудержно и неумолчно хохотал в своем злорадстве древний жуткий лес.

И лишь выкинув пинком на затерянную в необъятной глуши поляну двух перепуганных путников, пуща стала утихать, грозно шумя ветвями.

Свечерело. Вокруг сумрачно кололи небо резные верхушки старых елей, прорезавшиеся в последних отблесках зыбкого света. А на другом конце поляны, под старой корчеватой ветлой, натужно скрипевшей кривыми ветвями, стояла покосившаяся ветхая избушка в порослях мха меж толстых бревен. И в слюдяном оконце этой затерянной лесной хижины слабо мерцал огонёк.

И вся избёнка эта была какая-то перекошенная, собранная словно сикось-накось и невпопад. И стояла она под старой-престарой, покосившейся от времени и древности перекрученной ветлой. И когда последний луч заходящего солнца вспыхнул в вышине, словно по наказу перестал шуметь лес и деревья вокруг замерли, окошко вдруг внезапно отворилось - и оттуда выглянул древний, перекошенный годами горбатый старик с одним глазом. И страшным голосом закричал:

- Дорога на лес!!!

И жутко расхохотался.

А лес вокруг словно взорвался хлопаньем совиных крыльев и уханьем филинов, скрипом ветвей и старых корневищ, вторя страшному старику.

Ужас обуял земников. Дико заржали, закусив удила, пони. А затем вздыбились, и стали брыкаться, норовя скинуть своих хозяев. А те просто оцепенели от страшного вида старика и обливались холодным потом, мертвой хваткой вцепившись в

гривы своих лошаков.

Взлохмаченный седовласый горбун, высунувшись из окна, хохотал и сердито грозил корявым когтистым пальцем.

- Тресветлое солнце! Это ж сам Бирюк, будь он неладен! - выдохнул в ужасе Мартин, и закрыл глаза.

- Дорога на лес!!! - еще раз прокричал горбун и снова жутко захохотал.

Но в этот миг раздался звонкий и знакомый голос:

- Дорога на поле!

И затем, громко рассмеявшись, добавил:

- Иди ты в пень, Бирюк! Хватит тебе озорничать - и так до смерти перепугал наших друзей!

И вслед за стариком из окна выглянул чародей Мамай и весело пыхнул трубкой. Словно по мановению затих лес и ухающие совы, и даже пони вдруг замерли на месте.

А дверь перекошенной избушки отворилась - и в светлом проёме мелькнула маленькая фигура, которая приветливо махнула земникам рукой.

Барздуки опешили, не веря своим глазам, а затем заорали что есть мочи:

- Лиго!!!

И ринулись ему навстречу.

ГЛАВА 2

БИРЮК

Весело трещали сучья в очаге, разливая вокруг приятное тепло, отгонявшее ночные тревоги. А на костре совсем по-домашнему пыхтели котлы, булькали горшки и шипели сковороды. И даже громадный филин, сердито сидевший на своем высоком насесте, не казался более таким страшным, как в самом начале.

Барздуки сидели за столом, болтая ногами - а по горнице метался, оживленно суетясь, маленький горбатый старичок.

- Вот, судари мои, грибочки солёные, а вот яблочки моченые, - тарахтел дедуган. - А вот пироги с рыбой и с перцем, а вот с рубленым сердцем. А сейчас подам щи - ух как горячи! Кушайте, барздучата! Отведайте стариковской стряпни.

И подавал на грубо сколоченный дубовый стол одну миску за другой.

Земники уплетали за обе щеки, и глаза их сыто и довольно блестели. Запивали узваром и хлебным квасом из деревянных корчаг, причмокивали от удовольствия и утирались рукавами.

А напротив суетился милый косматый старичок - и не верилось вовсе, что это и есть тот самый грозный Бирюк,

наводивший ужас на всю округу.

- Ну, что? Ну как? - спрашивал Бирюк, сложив руки на расшитом узорами переднике. - Сыты? Или, поди, голодны еще?

- Ой, дедушка, спасибо огромное, - отозвался Лиго и нечаянно рыгнул, густо покраснев.

Мартин с Проком хитро хихикнули, и продолжали уминать дедовские пироги.

- Слышь, Мамаюшка, - позвал горбун, - присел бы к столу. Ведь, поди, с утра и маковой росинки-то во рту не было!

- Не было, - согласился из угла горницы Мамай, примостившийся в огромном плетеном кресле и вытянув ноги к очагу. - Но прости, старина, я уж лучше подожду твоё лучшее блюдо!

И, пыхнув трубкой, чародей улыбнулся.

- Ай, хитрец, - лукаво погрозил ему пальцем старичок. - Откуда узнал?

- Так ведь пахнет, - рассмеялся чародей. - Наверное, пригорело уже!

- Ох ты, боги лесные, духи болотные! - подскочил старичок и бросился к очагу, где весело подпрыгивала и шкварчала огромная сковорода.

И когда с нее сорвали крышку, по всей хижине пошел сытный дух жареных грибов, густо приправленных пряностями и травами.

- Грибы? Жареные? В начале лета? - изумился Лиго. - Откуда?

Бирюк только глянул на него смешливо из-под своих кустистых бровей и хитро сказал:

- Мне, малыши, тут не только грибы покорны - а и вообще всё, что в лесу этом произрастает! Вот как!

Мамай хохотнул:

- Это уж точно, старина! Думаю, мои друзья земники уже успели это заметить. Особенно, как ты с деревьями управляешься!

И подмигнул Проку с Мартином, которые от смущения зарделись и закашлялись.

А дедуган тем временем, прихватив огромную сковороду старинным медным чапельником, ловко и быстро подал ее к столу.

- Ну, ради такого случая, пожалуй, и я не откажусь, - сказал Мамай и, выбив трубку о каблук, подсел к столу.

- Эй-эй-эй, - закричал ему старичок, глядя, как чародей быстро опустошает своей ложкой сковороду. - Малышам-то оставь, прорва ненасытная!

- Малышам - или тебе? - смеялся Мамай, налегая на жаркое.

Но земники, хоть и были уже сыты, от чародея отставать вовсе не собирались - только стоял стук от деревянных резных

ложек, мелькавших над сковородой.

- Ну, услужил, так услужил, - наконец откинулся на спинку Мамай. - Куховарить ты всегда был мастак, старина. Помнишь-то хоть былое?

И подмигнул горбуну.

- А чего там горёвое время вспоминать, - насупил брови Бирюк. - Было - да и прошло, и быльём поросло!

И отмахнулся сердито. А затем, глянув на стол, сказал:

- Смотрю, хоть вы и лопали вовсю - а едоки из вас никакие вовсе. Придется подмочь!

И, достав из-за голенища свою щербатую ложку, принялся уминать стряпню. Да так ловко и быстро стал уплетать за обе щеки остатки блюд, что земники только присвистнули.

- И куда оно только в тебя лезет, Бирюк? - хохотнув, поддел его Мамай.

- Это в мертвого кус не идёт, - огрызнулся старик, - а я помирать как-то еще не собираюсь!

И, отставив последнюю миску, громко икнул.

- Лихо ты справился, - подмигнул ему чародей. - Смотрю, полопать ты губа совсем не дура!

- Ты на чужой роток не зарься, Мамаюшка, - улыбнулся ему на удивление крепкими зубами Бирюк. - Ешь, пока рот свеж!

И блаженно потянулся.

А земники, сыто откинувшись, только весело смотрели на беззлобные шутки да забавные прибаутки Бирюка и Мамая. И выходило так из всей этой потешной перепалки, что встретились за столом давнишние друзья-сотоварищи, не видевшие друг друга чуть не добрую сотенку лет.

- А что, старина, помочить нутро будет чем? - осклабившись, спросил чародей. - А то сухой кусок горло дерёт.

- Будет, аспидова душа! - ухмыльнулся старик. - Только, чур, пусть малыши сперва испробуют. А то ведь после тебя, брюхо прожорливое, разве что кошкины слезы и останутся!

И полез к очагу, доставая из огня ухватом огромную глиняную кринку.

А когда содрал с нее почерневшую хлебную корку, по горнице разлился такой удивительный медовый дух, что у земников аж слюнки потекли.

- Нате вот, родимцы, отведайте - сбитень-кипяток, в нем имбирь и медок, - приговаривал старичок, разливая пенистый душистый густой напиток. - Залазь кружкой в ведро - да погрей себе нутро!

А затем, подняв свою резную чарку, сказал:

- Выпьем, братцы, богам во славу - а себе во здравие!

И опрокинул её всю себе в рот - только золотистые капли по бороде побежали.

- Хорош, хорош сбитень - нечего сказать! - похвалил Мамай, утирая свои смолистые усы. - Здесь ты даже себя переумнил, старый черт!

И подмигнул горбуну.

- Ну, обогрел, приютил, ужином накормил - за это тебе честь и хвала, старина Бирюк! - сказал чародей. - Теперь вот самое время и про дело потолковать. Как считаешь?

- А почему бы и не потолковать? - улыбнулся старичок. - Не зря же ты в глухомань такую притащился, да еще из дальних далей Дикого Поля. И не один ты - чудь лесную из сказок с собой прихватил. Видать, дело-то нешуточное вовсе! Обсказывай, что да как.

Мамай достал снова свою трубку и протянул расшитый бисером кисет:

- Не желаешь ли?

- Э, нет, - замотал головой старик. - Ну её в куст да под колоду, забаву эту глупую! Пока её почистишь, пока её распалишь, да пока её раскуришь - рак на горе свистнет! Хоть и душистый у тебя табачок, Мамай, а моя понюшка лучше будет!

И Бирюк полез в карман, откуда извлек причудливую табакерку - и, заложив щепоть крепкого табаку себе глубоко в нос, звонко и громко чихнул: даже филин с перепугу дёрнулся на своём насесте.

Мамай пыхнул трубкой и начал свой рассказ.

***

- Да уж, дела... - протянул Бирюк после рассказа чародея, поглаживая свою длинную косматую бороду.

Очаг почти погас - только немногие багровые угли тлели в нем, причудливо заселив загадочными тенями утонувшую в полумраке горницу. Земники сидели тихо, словно мыши, слушая рассказ чародея так, будто и не про них он был вовсе.

- А вы что же, гуси лапчатые, молчите-то? - спросил их Бирюк. - Не про вас ли сказ этот?

- Да что уж тут говорить? - развел руками Лиго. - Мамай всё уже и рассказал - будто сам при всем присутствовал.

И чародей при этих словах согласно кивнул головой и затянулся трубкой, озарившей его задумчивое лицо.

- Ну, всё - да не всё, - вдруг отозвался из-за стола Мартин Бубилас. - Мы ведь видели вас, дедушка, не далее как на днях на опушке. Помните?

- Когда это, говоришь, было? - вскинул брови старик.

- Да вот в день Вечевого Сбора и было, - почесал затылок

Мартин. - Мы с Проком вот по дрова пошли, да и наткнулись на вас на поляне, когда забрели дальше, чем надобно, в пущу эту. И вы там нас так застращали своими виденьями, что мы бежали сдуру, не помня себя.

- Виденьями? - засмеялся старик. - А что ж за виденья-то были, птица? Не упомнишь ли?

Мартин помрачнел.

- Волки то были, - тихо ответил он. - Будто в воду вы глядели, дедушка, да и накликали беду...

- Ну-ну, полегче, родимец! - огрызнулся вдруг Бирюк. - Накликали, накаркали...Ишь, учить меня будут! И кто? Лесные птахи малые!

И старик обиженно надулся.

- Ты не прав, Мартин, - вдруг отозвался из своего угла Мамай. - Виденья те мороком называют - и каждый видит в нём то, что сам захочет или предчувствует. Беда носилась вокруг черным вороном - вот вы и углядели её заранее. А Бирюк здесь вовсе не при чем, хоть и слыл он среди нас известным заморочником и химородником...

- Среди нас? - удивился вдруг Прок Пеколс. - Это ж среди кого хоть?

- Ты вот сиди, не высказывайся, - вмешался Лиго, и ткнул локтем Пеколса в бок. - Уж кто бы говорил, да вот только не ты. Сам ведь, как Бирюк, по лесу ночью бродил - пока тебя не изловили!

И земники с Мамаем рассмеялись - историю эту чародею воевода Бортень уже не раз пересказывал.

- Это еще как? - не понял шутки старик. - А ну-ка, выкладывайте, кто там еще ко мне притёрся на лесных тропах? Ужо я этому самозванцу жару задам!

И Бирюк пригрозил своим корявым пальцем.

- Не надо, дедушка, уже задали ему жару, - рассмеялся Лиго.

И стал рассказывать случай на Каменной Росстани.

Бирюк слушал внимательно, весело хлопал себя ладонями по бедрам и улыбался одними глазами.

- Ай да озорники! - расхохотался старик. - Такие-сякие, солёные-перчёные! Повеселили меня на славу!

И лишь Пеколсу было явно не до смеха - он в который раз переживал события той страшной ночи в лесу. Тем более, что воспоминания эти наслоились на недавние ужасы в самой Синей пуще.

- Ну, сударь, кому смешно - а кто страху-то и натерпелся от этого кедра, - сердито сказал Пеколс. - Сами-то ведь еще недавно помирали, небось, со страху в пуще-то этой! Как вы сюда

добрались-то? Ужель без приключений?

- А вот представь себе, - улыбнулся Лиго. - Задремали только по дороге - сон веки смежил. А деревья эти да листва знай себе шуршали весь путь, навевая дремоту и сон. Я и не помню толком, как сюда нас тропа и вывела. Проснулся, глядь - а старик вот он уже. И челомкается с Мамаем, как старый знакомец!

- Конечно, знакомец, - отозвался чародей, выпустив кольцо плотного сизого дыма. - Мы в Диком Поле с Бирюком не один год вместе промышляли, пока судьбина нас не расшвыряла...

- Будет тебе, Мамай, - хмуро перебил его старик. - Не хочу эти воспоминанья бередить...

И махнул рукой.

- Ну-ну, прости, старина, - сказал Мамай, вынув чубук изо рта.

Земники только переглянулись между собой. Видимо, была какая-то тайна недосказанная, почему старик этот оказался так далеко от знойного и полного опасностей Дикополья, в самой глубине неманских дремучих лесов.

- Так вам, сударь, тогда и не понять вовсе, какого страху мы с Мартином натерпелись, - гнул своё упрямый Пеколс. - Я уж думал, удавят нас в лесу деревья эти. Будто живые они!

- Так они живые и есть, - отозвался старик. - И я вот за ними здесь и приглядываю, чтоб не натворили они каких пакостей. За ними токмо глаз да глаз и нужен!

Пеколс хмуро глянул на горбуна и с вызовом спросил:

- А не наоборот ли? Не от ваших ли проделок, сударь, все эти страхи ночные?

У Бирюка от возмущения вздёрнулась борода - и он уже открыл было в гневе рот, чтобы ответить дерзкому земнику, но его опередил Мамай.

- Ты, Пеколс, лучше с больной головы на здоровую не переваливай, ежели не разумеешь чего! - сердито оборвал земника чародей. - Не понимаешь сам - так спроси!

- А что тут понимать? - пожал плечами Пеколс. - Как поглядеть, кривой черт - да и только! И чары свои наводит...

- Ах ты, окаянный! - взорвался Бирюк. - Мало тебя старый кедр застращал в лесу? Так я тебя и сам сейчас же в мелкие щепы разнесу, балда стоеросовая!

Но на Пеколса уже зашикали и Лиго, и Мартин.

А Мамай примирительно сказал:

- Прости его, старина - не со зла он околесицу несёт эту. Переживает ведь за своего хозяина. Душой болеет...

- Уж больно дерзок он на язык, как я погляжу, - буркнул Бирюк. - Проучить бы малость не помешало.

И, отвернувшись, стал раздувать огонь в очаге.

А когда пламя снова вспыхнуло и стало весело лизать своими жаркими языками охапку брошенного хвороста, Бирюк повернулся к Мамаю:

- Ладно, побалагурили - пора и за дело браться. Так чего припожаловали, судари мои? За какой такой надобностью лесного отшельника потревожили?

И лесной старик пристально уставился на чародея.

- Да дело-то у меня к тебе непростое, Бирюк, - сказал, вынув трубку, чародей. - Мне Медейну повидать надо, хозяйку Заячьего леса. А ведь дорогу к ней далеко не каждый и знает - не всех к себе пускает лесная провидица.

И подмигнул старику.

Но тот только ахнул.

- Медейну, говоришь, повидать надо? - покачал головой Бирюк. - Не простое ведь это дело, братец мой любезный. Ой, какое непростое!

- Да уж не за простотой я к тебе и шел, Бирюк, - отозвался чародей. - Ну, так что, поможешь? Или я сам буду путь к ней искать?

- Мёж трёх сосен-то? - замахал руками старик. - Лучше не смеши меня, Мамай!

И закашлялся от смеха.

Но чародей сердито сверкнул на него глазами.

- Гляжу я, Бирюк, ты в лесу своем и вовсе от рук отбился! - грозно сказал южный витязь. - Ни к тебе с просьбами не достучишься, ни от тебя помощи не дождешься! Думаешь отсидеться в своей пуще, пока черная волна не схлынет? Так ведь и тебя, ежели что, мрак поглотит - никуда ты от него не скроешься! Не раньше, так позже - помяни мои слова!

И Мамай сердито стал дымить трубкой.

- Ах, вот как! Помощи, значит, не дождешься? - всплеснул руками, возмутившись, старик. - А кто этих твоих колобродов с юга здесь у себя постоянно привечает? Не я ли? Недавно вон трое, почитай, неделю здесь отлеживались, в карты весь день-деньской дулись. Да ушли, слава богам, в Земьгород этот, народ баламутить да к вам в Дикое Поле подбивать - в самосбройцы вольные!

- Да ежели б не запороги, Бирюк, уже б людоловы своими ордами дикими вырезали бы всё вплоть до Лесистых гор - а то и сюда бы припожаловали! - рявкнул Мамай. - Не было бы здесь давно уж этого Княжества Великого, если бы не Сечь на юге! Подпёрли бы с двух сторон Сигурдовы рати да Гримуаровы полки эти земли - надолго ли, думаешь, силёнок бы хватило у местного

люду? Щёлкнула бы, как орех, земля Неманская - и сгинула бы навсегда, как некогда Русколань. А ведь та держава не чета этой была - упиралась она в целых два моря, и сама, как океан, широко расстилалась! И где она теперь, Бирюк? Не уберегли! А эти два волка ненасытных, Сигурд да Гримуар, сцепились бы здесь, в пущах Великолесья - и места бы живого здесь не оставили! И всё из-за него, из-за драконова наследья, будь оно проклято в веках!

И чародей в сердцах махнул рукой.

- Уже... - буркнул старик.

- Что? - не расслышал Мамай.

- Уже, говорю, его прокляли, - глухо сказал Бирюк. - Причем давно и до нас...

Чародей быстро глянул на старика и засопел, молча грызя чубук.

Земники сидели, будто мыши, боясь проронить хоть слово. Отзвуки далеких, но грозных событий вдруг нахлынули на них неотвратимой огромной волной - и в сумраке лесной горницы перед их глазами вдруг пронеслись орды диких пришельцев, выжигая огнем древние страны и лязгая железом лат и мечей. Или это только им показалось? И не было вовсе конского ржания и криков боли? А был всего лишь свист сырых поленищ в очаге да треск сучьев?

- Ну и надымил ты здесь, Мамай, своим куревом, - заворчал старик и искоса посмотрел на чародея.

- Прости, Бирюк, - сказал Мамай, помогая разогнать клубы плотного дыма. - Наговорил я тут тебе в сердцах лишнего. Поверь, не со зла - просто времена больно тяжкие настали.

- А когда они были легкими, эти времена? - ответил ему горбун и, лукаво подмигнув, поскреб себе взъерошенную бороду.

- Так уж и быть, Мамай, - повременив, сказал старик. - Подмогну я тебе найти дорогу в Заячий лес к Медейне. Хоть и не любит она, когда ее смертные беспокоят по чем зря - ну, да тут, как я погляжу, случай особый. Раз в столетье позволяет она удачливым да настойчивым странникам попасть в ее владения - и открывает ворота к своему источнику ровно на одни сутки. Узнать бы только, где на этот раз находится вход?

И старик почесал лохматую голову. А затем, обернувшись к земникам, улыбнулся и сказал:

- Ну что, птахи лесные, испужались поди наших рассказов? Совсем застращали мы вас, как я погляжу. А давайте-ка лучше еще хмелю медового выпьем - да развеем тоску-кручинушку!

И Бирюк, вскочив, спросил:

- Ну? Кто тут из вас самый боевой да расторопный? Кто подможет старику?

И в упор посмотрел на Мартина.

Тот, почему-то покраснев и чувствуя себя неловко, заерзал на стуле.

- Я смотрю, ты вроде только с виду хват - а в деле ероха-воха! - покрутил головой старик. - Ладно уж, сиди - мне вот этот сударь разлюбезный поможет, не так ли?

И Бирюк посмотрел на Лиго. И тот, к своему удивлению, соскочил на пол и кинулся помогать старику.

Быстро раздули огонь в очаге, снова накрыли стол - и, когда опять стали пениться чаши, старик вдруг неожиданно, как бы невзначай сказал:

- А дай-ка мне эту безделицу свою, малыш, что ты с собою таскаешь!

И протянул руку.

И Лиго вдруг как-то легко и беззаботно вытащил спрятанную заколку и положил ее на ладонь старику.

Заколка полыхала ярким пламенем, разливая вокруг себя тепло.

Бирюк вдруг хитро прищурился, внимательно посмотрел на нее, покрутил пару раз в руках и даже слегка подбросил в воздух, словно взвешивая на ладони. А затем вдруг взял и попробовал на зуб, словно что-то проверяя.

- А ведь и воистину перунит! - хмыкнул старик и, еще раз оглядев заколку, добавил: - Ишь, хитрая задумка какая!

И протянул оберег Лиго. Тот, будто завороженный, спрятал ее на груди.

Остальные земники и Мамай сидели, как вкопанные - так быстро и неожиданно всё произошло, словно во сне пригрезилось.

- Ну что, братцы, - подмигнул им старик. - Еще посидим малость - да и на боковую? Мне вот еще с лесом потолковать надо, что да как. Вызнать, где вход в Заячий лес к владычице Медейне. Да и вам поутру тоже в дорогу собираться снова - путь ведь неблизкий!

И, кивнув им, Бирюк улыбнулся и опрокинул в себя пенную чашу.

***

- А кто такой на самом деле этот Бирюк? - спросил Лиго у Мамая, когда спустя время земники улеглись, расстелив свои плащи на охапках душистого сена.

Огонь еле мерцал раскаленными угольями в очаге - и в горнице царил плотный полумрак. Старик ушел в ночь - и где-то там, за стеною и окном, скрипел и шумел таинственный древний лес, не желая выдавать все свои тайны.

Чародей сидел у очага сгорбленной тенью, закутавшись в

свой плащ, и не сразу ответил на вопрос барздука.

- Бирюк кто такой? - переспросил витязь с юга и выпустил кольцо дыма. - Бирюк - хозяин Синей Пущи. Но был им не всегда...

И снова задумался. Но потом, будто очнувшись и мотнув головой, продолжил:

- Когда-то он пришел сюда из далекого и знойного Дикого Поля - оттуда, куда мы с тобой, Лиго, и направляемся.

- А там что, Мамай? - снова спросил земник.

- О-о-о, Лиго! - слабо улыбнулся Мамай. - Кто не видел жаркого Дикого Поля с его необъятными просторами и высокими травами, кто не слышал грохота порогов Непры-реки и не пробовал ее воды ключевой, кто не ступал по землям Великого Луга и не пьянел от его вольного воздуха - тот, почитай, и не видел-то ничего в своей жизни! Там, в этих далеких южных краях после падения Русколани свили себе гнездо последние вольные орлы из ее витязей, что защищали кордоны той древней державы. И оттого нас называют дикопольскими рыцарями. А еще самосбройцами вольными - ибо нам никто не указ: когда хотим, тогда и за меч свой беремся и трубим в поход. А еще войском славным и низовым - ибо гнездо наше внизу прославленной в песнях Непры-реки, что катит свои воды в суровое Чермное море. А еще кличут нас лугарями и камышниками - потому что сидим мы в Великом Лугу, и луг тот порос камышами обильно. А еще называют сечевиками и запорогами ясновельможными - ибо ставим мы свои крепости за порогами Непры-реки, и зовём их засеками. Неразумные люди кличут нас бродниками - кто оттого, что сидим мы на бродах речных и блюдем переправы. А кто и потому, будто считает, что бродим мы по белу свету и покоя себе найти никак не можем! И много еще других у нас имен и прозвищ - все и не перечесть!

- А за что же вы воюете-то? - удивился Мартин, который, как и Лиго, тоже заворожено слушал Мамая, привстав на своей постели.

Чародей глянул на него и улыбнулся:

- За то же, что и славное племя барздуков - за белый свет, за вольную землю, за право жить и дышать в этом мире подлунном. Ибо все мы одного корня - мы дети и внуки Святовита, Вышнего бога. А потому и должны противостоять злу - так начертано на роду нашем!

- Ну, эдак под эту гребенку, почитай, каждого можно подвести, - подал голос Прок Пеколс. - Но ведь есть же у вас цель какая-то ныне, после падения Русколани? Неспроста же ведь вы засели на порогах Непры-реки и держитесь крепко тех земель.

- Есть такая цель, Пеколс, ты прав, - кивнул Мамай. - Ибо в тех местах проходит ужасный Черный шлях, по которому людоловы дикие гонят невольников на рынки Лукоморья у Драконьих гор. И выложен тот страшный шлях костями и черепами погибших, а воздух пропитан болью и невыносимой мукой. И хотя нет уж и в помине великой и славной державы Русколани - но не пропало, не исчезло в веках ее светлое рыцарство. И хоть невелики наши силы, крепко стоим мы на страже старинных кордонов и по мере сил очищаем их от всякой нечисти и нелюди черной. Как орлы из поднебесья бросаются на жертву, так и мы выслеживаем караваны невольников - и освобождаем пленников из лютых лап людоловов.

- А кто ж они такие, эти людоловы? - спросил Мартин.

Чародей помрачнел челом и тихо выдохнул:

- Торки да обры, исчадья ада и прислужники Змея, что кочуют своими лютыми ордами по Дикому Полю... Не дай нам боги оказаться в их жестоких руках!

И сердито закусил чубук. Но затем мотнул головой и улыбнулся:

- Но это дела далекие, Мартин, и вам с Пеколсом знать их не надобно! А уж Лиго я как-нибудь уберегу от хищных взоров людоловов.

- Ну, как знать, - буркнул Пеколс. - Вы, сударь Маркисуат, хоть и витязь знаменитый и чародей вроде тоже ничего - а так и не уразумели, какая такая шальная страсть нас с Мартином в эти чащи дремучие завела.

Мамай вытащил трубку изо рта и с интересом посмотрел на старого земника, хитро улыбнувшись.

- Ну почему же не знаю, Пеколс? - сказал чародей. - Я сразу ведь догадался, что вы не хотите Лиго одного со мной отпускать - и что решили идти до конца с нами вместе! Но это, сударь вы мой милый, зависит не от вас и не от меня - а от судьбы. Как будет ею предначертано, так и случится всё! Никто не сможет обойти ее велений!

- Поэтому мы и идем к Медейне, лесной провидице? - спросил Лиго.

- И да, и нет, - ответил чародей. - То есть да, мы к ней идем, чтобы заглянуть в волшебный родник судьбы - но не только ради вас, милые вы мои друзья! Хочу я с глаз туман и пелену неясности убрать - и спросить совета, куда нам лучше с даром Святовита свой путь направить! Родник Медейны нам подскажет, как лучше поступить!

- Ну а Бирюк? - не унимался Лиго. - Он-то здесь при чем? Неужели без него не сможешь ты найти дорогу к лесной

провидице? И, кстати, кто он такой, этот загадочный старик?

Мамай вдруг посмурнел весь, нахмурился - и, быстро глянув на земника, глухо спросил:

- Ты действительно хочешь знать, кто он и откуда?

И пристально глянул Лиго в глаза.

Земник медленно кивнул.

- Ну что ж, - вздохнул чародей. - Тогда подай-ка мне мою дорожную торбу, мальчик мой. Возьму я свои гусли - и сыграю вам одну старую песню, что поют ее люди за отрогами Лесистых гор по всему Дикополью до самого Чермного моря. А вы уж, птахи лесные, сами разгадывайте, что там и к чему.

А когда из-под рук чародея тихим звоном брызнули медные струны и его глубокий красивый голос заполнил горницу, земникам показалось, что притих даже лес, вслушиваясь в грустное предание:

Из-за гор, из-за солнца,
В слюдяное оконце
Черный ворон закрячет,
Тихо стонет и плачет.
Черный ворон расскажет,
Как туманы вставали,
Из тяжелой неволи
Трое братьев бежали.
По степи двое старших
На конях ускакали -
Ну а младшего брата
Пешим гибнуть бросали.
Как бежал младший брат
По степи одиноко,
И над ним только ворон
Кружил в небе высоко.
"Ой ты ворон могучий,
Что паришь выше тучи,
Что ты видишь, играя,
За чертой небокрая?" -
Так взмолился брат младший,
Солью слез обливаясь,
И к пророческой птице
В вышине обращаясь.
"Вижу братьев твоих
У черты небокрая", -
Хрипло каркнула птица
Свод небес рассекая.
"Вижу также погоню,

Как по Дикому Полю,
Волки серые рыщут,
И следы ваши ищут", -
Так сказал черный ворон,
Навсегда умолкая,
И, взмахнувши крылами,
В синь небес улетая.
Зарыдал тут бедняга,
Очи вверх поднимая,
И лихую судьбину
Навсегда проклиная.
Только старшие братья
По степи всё скакали,
И ни стона, ни плача
Его не услыхали.
"Чтоб не знать вам покоя,
Разлюбезные братцы,
Чтоб всю жизнь вам теперь
От людей укрываться!" -
Так в сердцах крикнул младший,
Руки к небу вздымая,
И проклятье его
Вышина услыхала.
Грозно хмурилось небо,
Тучи темно клубились,
А у младшего брата
Ноги в кровь уже сбились.
"Ой ты Дикое Поле,
Несчастливая доля,
Видно, жизнью своею
Расплачусь я за волю.
Видно, в этой степи
Суждено мне погибнуть..." -
Так сказал младший брат,
Задыхаясь от хрипа.
На высокий курган
Горемыка поднялся,
Оглянулся вокруг -
И с душою расстался...
Тут орлы налетали,
Очи парню клевали,
Молодецкое тело
До костей разрывали.
По оврагам и балкам

Волки жалобно выли,
На свой лад по-звериному
Беглеца хоронили.
Из-за гор, из-за солнца
Птица черная мчится,
В слюдяное оконце
Весть лихая стучится.
Как туманы вставали
Над степною могилой,
И росой умывали
Кости младшего сына...

Тихо потрескивали последние уголья в очаге, и плотный мрак затопил лесную горницу. Гусли чародея затихли, издав напоследок жалобный звон. Земники сидели не шевелясь, потрясенные до глубины души старинным преданием. А за окном, казалось, даже лес перестал шуметь.

- Так что же это получается? - еле слышно прошептал Лиго, тайком смахивая навернувшиеся на глаза слезы. - Бирюк этот - один из тех братьев, что в песне? И поэтому он прячется с тех пор от людей в лесах?

Мамай молча кивнул.

- А он какой из них? - в свою очередь тихо спросил Мартин.

И в этот миг вдруг мышью скрипнула дверь.

- Старший...

Земники вздрогнули от неожиданности и оглянулись - в дверях молча стоял Бирюк.

ГЛАВА 3

ТАЙНА ЛЕСНОГО ОТШЕЛЬНИКА

- Старший я из этих братьев, - угрюмо повторил Бирюк.

И прошел в горницу.

Все затихли - было как-то неловко.

- А что это вы без света здесь сидите, птицы-селезни? - спросил старик. - И очаг, смотрю, вовсе потух. И спать не спите - и без огня сидите?

И весело хмыкнул. А затем, оборотившись к чародею, Бирюк хихикнул:

- Это что ж у вас, как в присловье прямо выходит: и петь Мамай уже не поёт, но и вздремнуть не даёт?

- Ты уж не обессудь, Бирюк, - ответил чародей, отставляя в сторону гусли. - Прости, ежели разбередил старые раны.

- Да что уж там, дело-то давнишнее, - отмахнулся старик как будто ни в чем не бывало. - Как говорится, было, да сплыло, и быльём поросло. Только вот песню ты малость-то переврал, вот

что я тебе обскажу. Поначалу-то она намного длиннее была - уж мне-то и не знать? Да видать, за давностью лет она сократилась...

- За Лесистыми горами и длиннее поют, - уклончиво ответил чародей.

- Да? - встрепенулся старик, а затем улыбнулся: - Ну да, знаю ведь конечно - захаживают тут всякие, гостят подолгу, бренчат на гуслях, а иной раз и так поют. Так что песен и тутошних, и тамошних я наслышался всяких.

И затем, без всякого перехода, вдруг спросил:

- Так и будем во тьме сидеть, на потухшие уголья любоваться?

И, не дожидаясь ответа, стал раздувать очаг.

А когда языки пламени вспыхнули и стали с треском пожирать ветви и хвою, горница словно пристыжено раскраснелась и вынула из тени неловко молчавших земников.

- Что, птахи лесные, задела вас песня, как я погляжу? - спросил Бирюк.

А когда барздуки кивнули, старик улыбнулся и сказал:

- Так ведь это, я ведь ее и сочинил в свое время когда-то - вот оно как!

- Как - вы? - вдруг вырвалось у земников, и они удивленно воззрились на горбуна.

Бирюк довольно заулыбался.

- Да, я. А вы как думали? Ветер ее, что ли, людям напел? - подмигнул им старик. - Посидишь тут в лесах - от скукотищи не только песни слагать начнешь. А гости мои затем и разносят их по разным землям. Не так ли, старина?

И Бирюк весело посмотрел на Мамая. Но чародей даже бровью не повел.

- Эту я слышал от дивов, - невозмутимо произнес он.

- От дивов? - ахнул старик и рассмеялся. - Ишь ты! Только вот что-то слог больно простецкий в ней для дивов-то! Они ведь еще те мастера великие обычные словеса в хитромудрые узоры заплетать.

А затем, повернувшись к земникам, весело сказал:

- Видите, гуси лапчатые, как оно бывает - сложишь песню, да поделишься ею с захожим человеком. А он понесёт ее дальше. Проходит время, приходят к тебе новые гости - да и напевают тебе твою же песню! И говорят еще, что неведомо кто и сложил ее! Вот как!

И Бирюк довольно крякнул.

- Простите, сударь, а что за гости? - набравшись храбрости, вдруг выпалил Лиго.

- Чего? - воззрился на него старик.

Лиго от его пристального взора стало как-то не по себе, и он сник.

- Ишь ты, хоть и малая птаха - а любопытная, - усмехнулся горбун и, снова обернувшись к Мамаю, спросил: - А что ж ты, такой-сякой, ветром битый, дождем политый, малышам не всё про меня обсказал? Раз уж начал - давай и заканчивай!

- Лучше уж ты сам, старина, - вежливо отказался чародей. - Я вот лучше трубочкой побалуюсь.

И Мамай полез в очаг за пылающей веткой.

- Да, паря, ты завсегда хитрованом был, - хмыкнул старик, глядя на Мамая.

А потом, покачав головой и пару раз цокнув языком, повернулся к притихшим барздукам и, подмигнув им, начал:

- Песню эту, как вы поняли, я и сложил когда-то давно - в память о своем пропавшем брате. Было нас трое у отца-матери - и промысел наш был прост и незатейлив: полевали мы в степях, охотились, значит. Да и угодили в ловушку сами, даже не уразумели как. Так, птахи, иногда случается - что охотник сам в капкан попадает. Вот и мы попали в лапы к людоловам этим.

Старик притих на мгновенье, пожевал губами и продолжил:

- Погнали эти нелюди нас к самому Лукоморью, в отроги Драконьих гор. А туда ведь кто попадет - уже всё, дороги назад вовек не будет. Так и сгинет там. Это вот только пройдоха этот, Мамай, туда дорожку себе протоптал тайную - всё выведывает да высматривает, что там нечисть творит да замышляет.

И Бирюк покосился на чародея.

- Ну, мы и поняли тут, что всё, каюк нам, сердешным, приходит - сгинем втроём ни за понюшку табаку! - рассказывал дальше горбун. - И порешили бежать во что бы то ни стало. Или пан - или пропал! Так и сделали - дождались безлунной ночи, удавили часового этого, на коней вскочили - и айда в степь широкую! Уноси бог ноги, как говорится! А чтобы погоня нас всех не догнала, рассыпались мы кто куда - кто направо, кто налево, а кто и просто так, прямиком поскакал...

И старик замолчал, прикрыв глаза, словно переживая былое.

Когда же тишина несколько затянулась, земники заворочались, кашлянули, и Лиго робко спросил:

- А дальше-то что?

Старик встрепенулся и открыл глаза:

- А дальше, синицы мои любопытные, через три дня мы с братом средним в степном овраге пересеклись. Сидели там тише воды, ниже травы еще три дня, погоню пережидали да младшего всё высматривали. Да только вот и не дождались. И что с ним - богам только то и ведомо. Одно знаем точно - в лапы этим

нелюдям он больше не попал, это уж точно. Да только вот и к людям не вышел...

Бирюк тяжело вздохнул.

- В Диком Поле две недоли... - глухо отозвался из своего угла Мамай и пыхнул трубкой.

Горбун мельком глянул на него и кивнул:

- Да уж, это точно: в Диком Поле две недоли - безводье да бесхлебье. Есть и третья недоля - попробуй-ка выбраться из Дикого Поля! Вот и не выбрался-то братец наш младший - сгинул в степи где-то. Но только нашей вины в том нет, вот что я вам скажу.

- А как же песня? - спросил Мартин.

- А что в ней такого? - вскинул брови старик. - Чем жалостливей слог, тем больше нравится людям - вот оно как. Хотя кто знает, как оно было на самом деле? Может, именно так и погиб наш брат - потерял коня, да пёхом-то из Дикого Поля и не выбрался. А люди уже затем всё перекрутили да приврали - бросили, мол, двое третьего в степи самого помирать. Эх...

И Бирюк махнул рукой.

- Ну а что за гости-то у вас бывают? - снова спросил Лиго.

- Экий ты хват, как я погляжу, - хмыкнул старик. - Всё тебе вынь да положь.

И улыбнулся в свою бороду.

- Ты токмо вот не пужайся - не из-за проклятия я тут сижу, в лесу этом. А то мы с Мамаем совсем вас сказками на ночь-то застращали, птахи малые! Ты про химородников-то слыхал? Или отродясь с таким дивом не сталкивался?

Тут уж настала очередь улыбнуться земников.

- Ты бы, дядя, заливал бы себе дальше, - встрял в разговор Прок Пеколс. - Да вот только не на таких нарвался!

- Ух ты! А что такого? - усмехнулся старик.

- Да вот Лиго вам и сам мастак про чародеев да химородников рассказать, - рассмеялся Мартин. - Он-то ведь и сам школяром был в школе вайделотов еще недавно!

- А ведь и верно, башка моя дырявая! - хлопнул себя по бедрам старик и рассмеялся. - Рассказывал ведь не далее, как сегодня, Мамай про ваши приключения.

И, повернувшись к Лиго, спросил:

- Стало быть, оттрубил ты у старика Куреяса цельных девять лет за чародейской наукой?

Лиго кивнул и покраснел.

Бирюк окинул его взглядом и сказал:

- А сам-то умеешь чего, селезень?

И, заметив, что этим вопросом еще больше вогнал Лиго в

краску, вздохнул:

- Эх, молодо-зелено... А вот в Диком Поле чародейству учат сразу и безо всяких девяти лет. Не так ли, Мамаюшка?

Но Мамай только хитро улыбнулся и снова затянулся трубкой.

- Хотя да, - продолжал тарахтеть старик, - к тебе это не относится. Ты же в далекой и волшебной стране Кабир провёл многие годы!

И с поддевкой подмигнул чародею.

- Ну, так говорят, - уклончиво ответил Мамай и с невозмутимым видом продолжал пыхтеть трубкой.

Старик окинул его взглядом, цокнул языком и покачал головой, усмехнувшись:

- Да, друг мой сердешный, всё ты на себя туман тайны напускаешь! Ничуть не изменился за все эти годы!

Земники недоуменно смотрели на горбуна и чародея.

- Что вы приуныли, лебеди? - улыбнулся старик. - Это наши с Мамаем давнишние делишки.

- Вы про гостей ваших так и не досказали, - спросил Лиго и потупился.

- Экий ты настырный, - сказал Бирюк. - Так я вот и баю, что со временем я попал в руки к одному химороднику на Сечи той славной, что Мамай вам уже рассказывал, и выучился там, в Диком Поле, этому дивному ремеслу. Там, за порогами Непры-реки, есть таинственный Черный лес. Кто пройдет его весь от края до края в глухую полночь задом наперед да в вывернутой наизнанку одежде - тот сразу химородником-то и станет! Враз все его чародейские качества проявятся!

Земники сидели, открыв от удивления рты.

- Ну, хватит-то заливать, Бирюк, - внезапно сказал Мамай и вынул чубук изо рта. - Ты и так тут уже столько начесал языком, что хорошая девка кудели.

Старик весело развел руками.

А Мамай повернулся к Лиго и, выбивая трубку, начал свой рассказ:

- Бирюком его прозвали потому, что он как волк-одиночка, всё по пущам да глухомани всякой шатался. И когда годы его согнули и придавили к земле, ушел он с Сечи на север, за Лесистые горы - да и приткнулся здесь вот, в этой Синей пуще. Здесь он теперь и химородничает, сколько душе его угодно. А когда братия наша рыцарская из Дикого Поля проведала, что тут старик какой-то загадочный обретается, да выслала людей верных разведать, что и к чему, так и выяснилось, что это наш старый знакомец шалит, жуть на округу наводит. Так теперь он здесь и

сидит сиднем - это теперь наши глаза и уши в Великом Княжестве. И кому знать о том положено - тот и ведает, что за загадочный старик здесь обретается.

- Ах, вот оно что! - покачал головой Лиго и переглянулся с Мартином. - Вот что за загадка здесь крылась - почему Бирюка никто из Синей пущи не мог выгнать...

- Но-но-но, паря, тут еще попробуй меня выгони! - скрипуче рассмеялся Бирюк.

- Это уж точно, - согласился Мамай. - Он сам тут на кого хошь жути наведет. Да только вот для знающих людей это и удобно, что Синяя пуща стала местом глухим и нехоженым. Меньше посторонних глаз - больше спокойствия да простору.

- Простору для чего? - спросил Лиго.

- Для нас, мальчик мой, - улыбнулся Мамай. - Не всё ведь спокойно в Державе Неманской и давно уж на нее враги зарятся со всех сторон. А где удобней всего свить себе гнездо против нечисти, как не под боком у этой самой нечисти? Вот Бирюк и стращает здесь местных жителей, жуть на округу наводит - стало быть, чтобы и капли сомнения ни у кого не осталось, что он эта самая нечисть и есть!

При последних словах чародея старик громко расхохотался.

- Да-да, всё так именно и есть, - сказал Бирюк и довольно потёр руки. - А ведь неплохо я справился с этим дельцем, а, старина?

И посмотрел на Мамая.

- Да уж, братец, на славу ты здесь постарался, - хмыкнул чародей. - Дороги все заросли да заколодели. А те тропы, что есть в лесу, или в топи, или в глушь гибельную заводят. Ежели, конечно, не знать потайного слова - тогда тропа сама тебя к Бирюку и приведет. А уж он разберется, что ты за птица!

- Да зачем же это всё нужно? - пожал плечами Пеколс.

- Вот ты дурья-то башка! - возмутился Бирюк. - Экий ты непонятливый, хоть и в годах!

Прок вспыхнул - но его тут же осадил Мамай.

- Цыц, Пеколс! Не твоего ума это дело. Если волхвы так решили, что Синюю пущу беречь надо от вражьего ока, то так тому и быть. И Бирюк своё дело знает исправно.

- Теперь я начинаю понимать, что за гости у вас здесь бывают, - протянул Лиго. - Гонцы из Дикого Поля или еще из каких далёких земель.

- Умница! - похвалил его Мамай. - И для них Синяя пуща - самое то место, где тебя вряд ли кто искать будет, и где можно спокойно отлежаться да отдохнуть. А в лихое время и пересидеть при надобности. Ну а иной раз и совета дельного спросить - вот

как мы к примеру.

- Да, Мамай, про Медейну я тебе завтра с утра всё обскажу, - сказал Бирюк.

- Выведал путь уже в Заячий лес? - спросил чародей.

- Ну а как же, - развел руками старик. - Чего только не сделаешь для старого друга.

- Деревья что ли донесли? - поинтересовался чародей.

- Вот еще! - рассмеялся старик. - Считай, что сорока на хвосте принесла!

И, оглянувшись, добавил:

- А вообще, поздно уже - засиделись мы что-то, а, гуси-лебеди?

И подмигнул земникам.

- Да, что верно, то верно - поздно уже, пора и честь знать, - кивнул Мамай.

- Ну что, птицы-селезни, укладываемся на боковую? - улыбнулся старик.

Земники вздохнули - но что поделать? Надо было хоть немного поспать перед дальней дорогой. И горницу наполнила чуть слышная возня и суета.

А когда все улеглись, Бирюк добавил:

- Да только вот что еще, синицы: всё, что здесь видели да слыхали - на языке замкните!

Хлопнул в ладоши - и очаг тут же погас. Горница погрузилась в плотную тьму.

ГЛАВА 4
В ПОИСКАХ СТАРОГО БОРА

- Поедете всё время по тропе, никуда не сворачивая - она вас и выведет, куда надо, - так напутствовал Бирюк своих гостей с утра на прощание. - Ну, а там, в конце пути, ежели, конечно, вам повезёт, вы увидите опаленный дуб и взгорок, на котором в зыбком мареве будет плыть старый сосновый бор. Там вы и найдете меж трёх сосен вход в Заячий лес, когда на небе встанет луна - если, опять-таки, счастливая звезда будет на вашей стороне.

Так и ехали вчетвером, следуя словам горбуна и растянувшись вереницей по лесной тропе. Впереди чародей Мамай, за ним - земники на своих мохнатых приземистых лошаках.

Поначалу барздуки весело болтали между собой, но чародей, углубившийся в свои мысли, так цыкнул на них, что земники разом замолчали и только иногда перешептывались, украдкой поглядывая на Мамая. Тот трусил на своем белогривом

волшебном коне с неизменной трубкой в зубках, которая, казалось, никогда не гасла и пыхтела еле видимым сизым дымком, донося до земников ароматный запах дивного табака.

Тропа резво бежала вперед, разматываясь, словно сказочный клубочек, в густой пуще. Лес, повинуясь наказу Бирюка, больше не шалил - не пытался хлестнуть или царапнуть веткой, не шептал недоверчиво и подозрительно, как накануне, не убаюкивал больше сонными грёзами. Но вокруг по-прежнему было тихо - ни птичьего говора, ни шуршания разных лесных зверушек. Только ветер гудел в вышине раскидистых крон, да иногда поскрипывали от его дуновения сучья и корни старых деревьев. Чуть слышно тупотели кони земников и чародея, следуя извивам тропы.

- Экий странный лес, - недовольно ворчал себе под нос Пеколс. - Такое чувство, что он никогда не закончится. Как говорится, зайдешь - не выйдешь.

- Что ты там бурчишь, Прок? - спросил его Лиго.

- Да так, ничего, - ответил старый слуга. - Лес, говорю, диковинный всё же. И тропа эта тоже со странностями.

- Это почему же? - удивился Лиго.

- А вы, сударь, оглянитесь хорошенько назад - вот и поймете всё сами.

Лиго пожал плечами и оглянулся. Но, ничего странного не заметив, повернулся к Пеколсу и спросил:

- И что же ты там такого заметил, Прок?

- Как - что? - удивился Пеколс. - Тропа-то исчезает за нами! Будто тает за поворотом - словно никогда ее и не было!

- А может, это тебе только привиделось? - хмыкнул Лиго.

- Ну да, как же! - хохотнул Пеколс. - Я на эти выкрутасы колдовские с лесами уже вдоволь насмотрелся за это время. Взять вот хотя бы вчерашний день! Как вспомню - аж мурашки по коже бегут!

Лиго вдруг широко улыбнулся и подмигнул старому слуге.

- Так говоришь, насмотрелся уже на колдовство за это время? - лукаво спросил Лиго. - Стало быть, твои слова можно понимать так, что ты уже наконец-то поверил в волшбу? А помнится, не так уж и давно ты вот спорил с одним добрым человеком, доказывая ему, что всё чародейство - не более, чем трюки шутовские да сплошной обман. Ну так как, Прок? Изменилось, как погляжу, твоё мнение?

И весело покрутил головой.

- Эк вы меня, сударь, уели-то, - крякнул в сердцах Пеколс и поскреб в затылке. - Правда ваша - никуда от неё не деться. Насмотрелся я за это время всякого разного. Другому, почитай,

так и на всю жизнь хватит. А ведь это, насколько я так кумекаю, всего лишь начало пути. Что же дальше-то будет?

И Пеколс выразительно посмотрел на своего хозяина.

- Сейчас я вот вам покажу, что дальше будет! - вдруг рявкнул Мамай. - Ишь, разгалделись, гуси лапчатые. А ну цыц там у меня, балаболки! Раззвенелись на весь лес - что да как. Берите вот лучше пример с Мартина - едет тихо, да по сторонам поглядывает, на ус себе мотает, что к чему.

И грозно зиркнул на Пеколса с Лиго.

- Еще одно слово или хоть полслово - я на вас, пустобрёхи эдакие, заклятие немоты до самого вечера наложу. Будете молчать у меня, как миленькие!

И сердито запыхтел трубкой. Земники враз воды в рот набрали.

А немного погодя к ним подъехал Мартин и тихо шепнул:

- Лес, господа, шума не любит. Мало ли какой вражий соглядатай средь ветвей прячется да за нами следит? А вы тут чуть ли не всю свою родословную рассказываете - кто, где и кого видел да встречал, да о чем разговаривал. Будет укромное место да удобное время - там и поговорим. У меня тоже ведь вопросов немало осталось.

И, кивнув, придержал своего пони, чтобы стать в конце вереницы. Так и ехали дальше - впереди чародей, за ним Лиго и Пеколс, а замыкал отряд Мартин, поглядывая по сторонам.

И под размеренный цокот копыт Лиго тем временем вспоминал вчерашний вечер и Бирюка, который всё не выходил у земника из головы.

***

- Ну что, заблукали? - весело спросил Мартин у Мамая, подъезжая к нему на своем пони.

Было уже далеко за полдень.

Чародей стоял и оглядывался - вид у него был несколько растерянный.

- А кто ж его знает? - огрызнулся Мамай и поскреб у себя в затылке. - Ехали-то всё время по тропе...

- По какой еще тропе? - сердито буркнул Пеколс. - По этой что ли? Так ведь нет ее уже!

И сердито указал себе за спину.

- Как это нет? - ахнули земники.

- А сами поглядите да полюбуйтесь, - ехидно ответил Пеколс.

И действительно - тропа, по которой ехал маленький отряд, исчезла.

- Ну и дела! - сказал Мартин и покачал головой.

- Вот те раз! - поддержал его Лиго. - Это что ж получается

такое, а?

- Не иначе, как проделки Бирюка - вот что получается! - сердито сказал Пеколс. - Я ж ведь предупреждал - не нравится он мне! Вот и дождались неприятностей себе на голову!

- Что ты там несешь такое, Прок? - удивился Лиго.

- Как обычно - околесицу несу, - снова съехидничал Пеколс. - Это нам вчера Бирюк ваш байки весь вечер заливал. А как спровадил подальше - так сразу с глаз долой, из сердца вон!

- Вот ты неугомонный! - сердито сказал Лиго. - И откуда в тебе столько желчи?

И отвернулся.

- А что уж тут, сударь, ничего ведь и не попишешь - снова мы заблудились! - развел руками Пеколс.

- Ну так давайте ехать вперед! - сказал Лиго.

- Вперед? А это куда? - мрачно спросил Мартин. - Кругом ведь только лес один и есть!

И обвел вокруг рукой.

Так и было - со всех сторон стояли деревья. И куда ни кинь взор - везде глаз натыкался на их огромные стволы.

Где-то вверху гудел ветер, потрескивали ветки. Но вокруг не было ни души.

- Да уж, попали в западню, - мрачно вздохнул Пеколс.

- Но ведь не мог же Бирюк нас так запросто в обман ввести! - воскликнул Лиго. - Такой славный старик оказался!

- Ну, выходит, не такой уж он и славный, - сказал Мартин. - Не зря ведь про него всякое рассказывали - и хорошего там было мало.

Но тут Мамай поднял руку.

- А ну-ка, тихо! - проворчал чародей. - Разгалделись, как сороки!

Земники притихли, оглядываясь по сторонам.

Но вокруг не было ничего такого, что могло привлечь их внимание.

Пеколс покрутил головой туда-сюда и наконец буркнул:

- А что там молчать-то? И так в этом лесу ни шиша не слышно!

- На то она Синяя пуща и есть, - заметил Мартин.

И тут чародей весело посмотрел на них и сказал:

- Синяя пуща говорите? А вот и нет вовсе! Мы уже выехали из нее!

Мартин недоверчиво посмотрел на чародея и хмыкнул:

- Ну да? Ехали мы с утра самого всё время среди деревьев - ни тебе кордона какого, ни перелеска так и не встретили. Как же так тогда выходит, что мы уже не в Синей пуще?

- А вот так и выходит, - подмигнул ему Мамай. - Вот, глядика!

И указал куда-то в сторону рукой.

Земники посмотрели - и ахнули. На дереве, на одной из нижних веток, сидел себе черный, как смоль, дрозд - и преспокойно чистил свои перышки. Затем поднял клюв, деловито поглядел по сторонам - и снова принялся за свое занятие, совсем не обращая внимания на лесных гостей.

- Ну что скажешь, Мартин? - спросил чародей. - Водятся в Синей пуще птицы?

Мартин только развел руками.

- А ведь точно! - воскликнул он. - В Синей пуще, с тех пор, как там Бирюк завелся, других птиц-то, кроме сов и филинов, отродясь не было! А тут - дрозд! Чудно даже как-то!

- И я о том же, - улыбнулся Мамай и довольно покрутил свой ус. - Видать, покинули мы уже пределы владений Бирюка - потому и чары его здесь больше не действуют! Оттого-то и тропа исчезла.

И хитро покосился на Пеколса.

- Ну что, старина, тебе бы только языком молоть? - спросил его чародей.

Пеколс сердито отвернулся и стал разглядывать носок своего башмака.

- А всё равно ведь непонятно, куда дальше-то ехать? - спросил Лиго и пожал плечами. - Лес и лес кругом. Не всё ли едино, в Синей мы пуще или уже нет?

- Ага, а ведь Лиго прав, - заметил Мартин и, обращаясь к чародею, спросил: - Скажите-ка, сударь, куда дальше ехать? Ведь еще неизвестно, что лучше - быть под защитой Бирюка в Синей пуще, или вовсе заплутать незнамо где! По крайней мере, старик нам тропку-то проложил, по которой ехали. А тут как быть?

- Погоди, не тарахти, - рассмеялся Мамай. - Экий вы неугомонный народец, земники! Лучше вспомни-ка, что сказал на прощание Бирюк.

- Да ничего такого особенного, - вмешался Лиго. - Говорил ехать всё время прямо по тропе - мол, выведет она нас, куда надо. Вот мы и ехали по ней - пока она была, тропа-то...

- А дальше? - спросил чародей.

- Да вроде ничего больше, - сказал Лиго. - Дуб какой-то мы должны были увидать - обожженный что ли. И холм вроде бы - мол, там-то и будет вход промеж каких-то сосен.

- Ежели повезет, - тихо сказал Мартин.

- Что ты там проворчал? - весело спросил чародей.

- Говорю, ежели повезет, как сказал Бирюк, - уже громче ответил Мартин.

- Именно! - улыбнулся Мамай. - Ежели повезет! Вот что главное! Так что свою часть обещанного Бирюк выполнил - тропа нас уже вывела из Синей пущи. А дальше - уже наше дело.

- Только что-то я не вижу ни холма, ни опаленного дуба, - покрутил головой Мартин. - Да и сосны никакой вокруг нет - не то, что целого соснового бора.

- Так ведь ежели повезет, не так ли? - снова улыбнулся Мамай.

- Ах, ну да, ежели да кабы! - едко встрял в разговор Пеколс. - Опять что ли будем посреди лесу загадки разгадывать?

- А я думаю, что мы если их еще не разгадали, то, по крайней мере, близки к этому, - сказал чародей.

- С чего это вдруг? - поинтересовался Мартин.

- Да всё очень просто - дрозд нас и выведет на этот взгорок, - улыбнулся Мамай.

- Это почему это? - полюбопытствовал Лиго.

- Да потому, что это - знак, - пожал плечами Мамай. - Уж поверь моему чутью, мальчик мой. Неспроста ведь эта птица здесь появилась - скоро и сам всё поймешь.

И указал на дрозда. А эта птица тем временем закончила чистить перья и с интересом разглядывала непрошенных гостей, склонив голову набок, словно внимательно изучая их. Затем, моргнув своими глазками-бусинками, вдруг взлетела и перепорхнула с ветки на ветку. А там, обернувшись и глядя на чародея, щелкнула клювом - и снова перелетела с ветки на ветку, будто приглашая за собой.

- Видели? - улыбнулся Мамай. - А ну-ка, гуси вы мои лапчатые, не мешкать! Идёмте-ка за птицей!

И осторожно двинулся следом. Земники - за ним.

Дрозд тем временем перелетал с дерева на дерево, увлекая за собой маленький отряд. Иногда он возвращался назад и немного кружил над лесными гостями, разглядывая их и думая о чем-то своём, недоступном. А затем снова устремлялся вперед. Бывало, залетев слишком далеко вперед, дрозд останавливался на какой-нибудь ветке и поджидал, пока меж деревьев на своих конях проберутся барздуки и чародей.

- Ишь ты, умная птица, - сказал Лиго.

Чародей, услышав эти слова, только кивнул головой.

А вот Прок Пеколс, ехавший следом, недовольно брюзжал себе под нос:

- Ну да, как же, я бы даже сказал, что чересчур умная птица. Можно даже сказать, подозрительно умная. Вот заведет она нас в топи болотные - посмотрим тогда, как выбираться-то будем!

- Ну что ты вечно ворчишь, Прок? - спросил его Мартин,

замыкавший отряд. - Гляди-ка лучше, деревья начинают расступаться и лес уже становится реже. Знать, выведет нас птица эта из глухомани. Так чего ж тебе еще надобно?

- А выволочку ему устроить хорошую - вот что ему надо, - хохотнул Лиго. - Ему надо было остаться в Пригорках да барздучихам под подол нырять. И спать в обнимку с пивной бочкой. Вот тогда бы он не брюзжал. Не так ли, Прок?

- Ну, еще не вечер - можно и вернуть в Пригорки кое-кого, - ввернул Мамай, краем уха прислушивавшийся к разговору. - Слава богам, недалече пока уехали.

Пеколс обиженно глянул сперва на чародея, а затем на своего хозяина, и горестно вздохнул:

- Эх, сударь...

А затем в сердцах махнул рукой и отвернулся.

- Ну вот, теперь слова из него клещами не вытащишь, - подмигнул Мартин. - Будет теперь дуться до самого вечера.

Но Прок, нахохлившись, словно старый воробей, молчал.

А деревья тем временем действительно расступались, и вскоре густая пуща посветлела и стала постепенно переходить в редколесье. Местность пошла складками и небольшими холмами, между которыми ныряли то вверх, то вниз земники и чародей, будто плывя среди зеленых волн необъятного лесного моря. Кое-где стали попадаться небольшие молодые дубочки, стремившиеся вверх, к солнцу, которое уже пробивалось вниз меж кружевных ветвей и резных листьев и рассеивалось по земле причудливыми желтыми бликами.

- Дуб влаги не любит, - отметил Мартин. - Видать, земля уже посуше под ногами. А стало быть...

- А стало быть, скоро и сосны можем увидать! - радостно перебил его Лиго.

А Мамай только кивал головой и что-то тихо и довольно мурлыкал себе под нос. Трубка его тоже кивала, пыхтя сизым дымком.

А дрозд тем временем улетел далеко вперед и там, усевшись на очередную ветку, издали наблюдал, как петляют меж деревьев лесные гости.

- А вот и взгорок с опаленным дубом! - воскликнул чародей, ехавший впереди.

И указал рукой.

И действительно, среди расступившихся зеленых великанов на большой лесной прогалине виднелся крутой затравевший холм, на вершине которого рос огромный раскидистый дуб, одна сторона которого была обожжена и почернела. А там, дальше, лес взбирался по холмам вверх, будто уходя в небо. И вдалеке над

темными густыми кронами лиственных деревьев уже были видны сосновые верхушки, меж которых ярко мигали светлые стволы, мерно покачивавшиеся на ветру. И казалось, что далекий сосновый бор будто плывет над всем остальным лесом - всё, как и говорил Бирюк.

- Ура! - закричали земники и пришпорили своих пони.

И даже вечно недовольный Пеколс заметно повеселел.

ГЛАВА 5

МЕЖ ТРЁХ СОСЕН

- Ну и толку с того, что мы нашли старый сосновый бор? - ворчал на этот раз Мартин. - Где вот искать эти самые три сосны, между которыми вход в Заячий лес? Тут ведь вокруг одни только сосны и есть!

И сердито махнул рукой.

Давно уже спешились и держали коней под уздцы.

Лиго тем временем задумчиво покусывал былинку и поглядывал на Мамая, который сам выглядел несколько озадаченным.

- Что скажете, сударь? - спросил Лиго у чародея.

- Я думаю, должен быть какой-то знак, - ответил тот.

- А если не будет никакого знака? - поинтересовался Мартин.

- Тогда будем его искать! - резко сказал чародей и стал сердито грызть чубук своей давно потухшей трубки.

Мартин и Лиго только переглянулись между собой.

А вот Пеколс, время от времени поглядывавший на небо, вроде бы как невзначай заметил:

- А дело-то к вечеру идет, однако! Пожрать бы вовсе не мешало - с утра ведь крошки в пузе ни у кого не было!

- Ну, так ведь еще не вечер, - буркнул чародей. - Вот когда стемнеет, тогда и заночуем прямо здесь.

- А поужинать когда? - кисло протянул Пеколс.

- Перед ночлегом и поедим, - отрезал чародей.

- Ну да, Бирюк нам в торбы кое-чего насовал-таки, - улыбнулся Лиго. - Ежели что, пожевать на всех найдется.

Но Мамай на его слова даже ухом не повел - и уселся на бревно, скрестив ноги и теребя свой ус. Земники тайком вздохнули - в животе у них давно уже предательски урчало.

Дело тем временем действительно шло к вечеру. Солнце уже не припекало и норовило спрятаться за верхушки сосен. Вокруг разливался мягкий предзакатный свет.

- И дрозд куда-то пропал, - вздохнул Лиго. - Может, он навел бы на умную мысль.

- Насчет навел - уж не знаю, - ухмыльнулся Пеколс. - А вот то,

что он сюда завел - так это точно.

И торжествующе посмотрел на остальных.

- Ты несправедлив, Прок, - сказал Лиго. - Сюда дрозд нас скорее не завел - а вывел из Синей пущи. Куда вот только теперь эта птица запропастилась?

- Ну что ж, будем ночевать под соснами и не емши, - подвел итог Пеколс. - Чего и следовало ожидать.

И, словно передразнивая чародея, уселся на первую попавшуюся корягу, поглубже нахлобучил себе на голову свою шляпу и с деланным безразличием стал насвистывать какой-то незатейливый мотивчик.

Мамай недовольно покосился на него, но ничего не сказал.

- Сударь, а помните байку, как старик со старухой лапу спящему медведю отрезали? - спросил Пеколс у Лиго.

Лиго улыбнулся и кивнул.

- Что еще за байка такая? - поинтересовался дружинник.

- Вот те на! - сказал Пеколс. - Это ж старая история, как старик со старухой есть хотели, да и пошли в лес поискать съестного. Только ничего не нашли - кроме берлоги, в которой спал медведь. Старик и говорит старухе: "Давай медведю лапу отрежем и сварим - всё с голоду не помрём!"

- И что? - спросил Мартин.

- Но только не успели они это сделать, как медведь проснулся - и хвать их! И съел обоих! - засмеялся Пеколс.

- А смешного-то что? - пожал плечами Мартин.

- Как это что? - подмигнул ему Пеколс. - Сидят старик со старухой в утробе у медведя, старик и говорит: "Давай, старуха, желудок медведя сварим что ли - всё с голоду не помрём!"

Тут уж земники грохнули втроем - чем вызвали явное неудовольствие чародея. Он грозно глянул на них - барздуки осеклись и замолчали снова.

Лиго тем временем внимательно рассматривал лес вокруг.

- А что, если эти три сосны растут действительно перед каким-то входом? - сказал он вслух. - Может быть, мы вообще здесь зря ищем...

- Что-что? - встрепенулся чародей. - Ну-ка, повтори!

- Говорю, может, надо искать эти три сосны у входа в какой-нибудь потайной лаз? - поскреб затылок Лиго. - Например, на склоне оврага или еще где.

- Ты видишь где-то здесь овраг? - хмыкнув, спросил его чародей, но тут же спохватился: - Хотя постой-ка...

И Мамай вдруг звонко шлепнул себя ладонью по лбу.

- Ну, конечно же! - воскликнул чародей. - И как это я сразу не догадался! На склоне холма надо искать! Не оврага - а холма!

И Мамай радостно подскочил.

- Высматривайте холм - а на его склоне три сосны, - сказал чародей. - И давайте разойдемся в разные стороны - но так, чтобы видеть друг друга! Если что, кричите!

- А перекусить? - кисло протянул Пеколс.

Но на него уже никто не обратил внимания - все радостно бросились прочесывать окрестности.

Прошло не менее получаса, прежде чем издалека раздался торжествующий клич чародея. Земники поспешно устремились к нему.

Мамай стоял, придерживая под уздцы своего белогривого коня, и что-то пристально разглядывал у небольшой впадины между двумя холмами. И там, в распадке между ними, причудливо изогнулись три покореженных неведомой силой сосны. А прямо перед ними лежал старый, притрушенный старой хвоей и сухим быльем огромный камень, по которому во все стороны змеилась паутина глубоких трещин.

- Ух ты, - радостно присвистнул Лиго. - Вот тебе и три сосны! Да еще каких! Будто кто нарочно их вывернул и покорёжил.

- И не только, - кивнул чародей. - Вот и знак тоже.

И указал на камень.

- Только что-то никакого входа я за ними не вижу, - поджал губы Мартин.

- И не увидишь просто так, - сказал чародей. - Потому что это не обычный вход - здесь без чар нам также не обойтись. От ненужных глаз он скрыт волшбою древней - не каждому дано его увидеть.

- Это как еще понимать? - удивился Лиго. - Бирюк-то ни словом об этом не обмолвился.

- А вот так, мой мальчик, - сказал Мамай. - Так чары берегут от незваных гостей вход в волшебный дивный лес. Ибо сама Медейна, хозяйка Заячьего леса, родом из древних богов - и не каждому суждено испить из священного родника, который она охраняет.

Барздуки переглянулись между собой.

- Но кто сказал, что это именно то самое место? - спросил Мартин. - Ведь я слыхал, что никому на самом деле не ведомо, где находится родник хозяйки Заячьего леса!

- Ну уж мне-то ты можешь поверить? - спросил его чародей.

А потом, подняв голову, улыбнулся.

- А вот вам и второй знак, что я не ошибся, - и Мамай указал на ветку одной из сосен, на которой деловито копался клювом в своих перьях уже знакомый всем дрозд, будто не обращая никакого внимания на земников и их спутника.

- Хм, а сколько всего таких знаков должно быть? - спросил Мартин.

- Сколько нужно, столько и должно быть, - отрезал Мамай. - Но не меньше трёх. И этот третий знак тоже должен находиться где-то здесь.

- А если нет? - ввернул Пеколс.

Мамай покосился на него и насмешливо сказал:

- Тогда считай, что нам не повезло - будем ночевать здесь, как ты сказал, не емши. А завтра начнем искать снова.

И подмигнул барздуку. Пеколс только растерянно открыл рот.

Но тут Лиго внезапно воскликнул:

- Думаю, что третий знак мы всё же нашли!

И показал рукой на камень.

- Хм, камень и камень, - пожал плечами Пеколс. - Только в трещинах весь.

А затем, улыбнувшись, пошутил:

- Давайте-ка поднимем его. Вдруг там, прямо под ним, и будет потайной лаз?

Но Лиго только покачал головой и усмехнулся:

- По-моему, это не просто трещины, Прок.

И, повернувшись к чародею, спросил:

- Что скажете, сударь? Уж не похоже ли это на старые стертые письмена?

И смахнул с камня сухую хвою.

Поначалу на серой темной поверхности, испещренной зигзагами многочисленных больших и малых трещин, вряд ли что-то можно было разобрать. И в этой паутине лишь богатое воображение могло увидеть подобие древних знаков. Но всё же какая-то неведомая сила исходила от этого камня, завораживала и притягивала взор, бередила душу и заставляла искать глазами в извивах трещин нечто давным-давно начертанное чьей-то неведомой рукой, но скрытое ныне от взоров.

- По-моему, там и нет вовсе ничего, - вздохнул Мартин. - Увы, тебе почудилось, Лиго.

И глянул на Мамая.

Но чародей стоял и задумчиво теребил себя за кончик уса. А в уголках глаз южного витязя скрывалась хитрая искорка.

- Как сказать, как сказать... - сказал чародей. - Ибо то, что не видно при свете солнца, вполне можно увидеть при лунном свете...

- Если, конечно, оно там есть, - буркнул Пеколс мимоходом под руку чародея.

Мамай резко обернулся - но старый земник уже благоразумно

отошел на несколько шагов.

- А с чего вы взяли, сударь, что там что-то есть? - спросил Лиго.

Чародей улыбнулся:

- Ну а ты-то с чего обратил внимание на этот камень? Ты откуда взял, что на нем могут быть письмена?

Земник пожал плечами:

- Да почудилось вдруг. Ненароком луч солнца пробился через ветви этих сосен и упал на камень. И будто на миг какой-то с его поверхности вдруг встали зыбкие знаки, похожие на древние буквы. А потом наваждение пропало. Растаяло в воздухе. Да и было-то оно всего на миг какой-то! Наверное, всё-таки показалось.

И Лиго покачал головой.

Но Мамай почему-то оживился.

- Луч солнца упал сквозь ветви этих сосен? - переспросил чародей.

И указал на три сосны.

- Хм, интересно, мальчик мой, - задумчиво сказал витязь, и затем еле слышно произнес себе под нос: - Как там говорил Бирюк: "В конце пути вы и найдете меж трёх сосен вход в Заячий лес, когда на небе будет луна..."?

И, обернувшись к земникам, чародей улыбнулся и приветливо кивнул головой:

- Ну что, господа барздуки, стало быть, пришли! По-моему, мы нашли именно то, что искали. Только надобно немного подождать - до ночи. Так что располагайтесь прямо здесь.

И, улыбнувшись, подмигнул Пеколсу:

- Так что там старина Бирюк надавал вам в дорогу из своей стряпни?

Пеколс подпрыгнул от неожиданности - и радостно кинулся к своему лошаку, на которого были навьючены сумки с едой.

***

Давно уж стемнело. Над старым сосновым бором стояла звенящая летняя ночь. Кувыркалась в небе растущая луна, надувала свои яркие толстые щеки и цеплялась за верхушки деревьев, будто соревнуясь с ветром, кто сильней раскачает высокие сосны. Но ветру было всё равно - он давно уже спал и лишь время от времени его слабые порывы проносились над бором. И казалось порой, что это он, будто на огромных сказочных гуслях, своими невидимыми воздушными пальцами перебирает в полудрёме струны сосен, а те подыгрывают ему легким гудением и шумом. И в такие мгновения чудилось, словно лес поёт какую-то тягучую древнюю песню, слова которой ныне

давно уж позабыты всеми, кроме самих лесных великанов. Оттого и тужат они, и скрипят своими ветвями, и стонут в корнях, будто жалея, что те далекие времена, когда вся земля была покрыта лесами, давно уж канули в небытие - и не вернутся больше никогда. И оттого надменно смотрели сверху огромные сосны на три своих несчастных сестры, изогнутых словно по чьей-то злой воле, которые затёрлись в лесном распадке меж двух холмов. И на сгрудившихся возле них непрошенных гостей, которых судьба забросила в эти дали. Не понимали сосны, что им нужно, этим самозванцам, зачем они здесь? Почему не спят, когда вокруг царствует ночь? Но лесные гости и сами были не рады, что так припозднились - да только вот поделать с этим ничего не могли.

Мамай молча и сердито курил трубку - и в красноватых, время от времени вспыхивавших бликах лицо чародея выглядело загадочным и суровым. Земники молчали, боясь нарушить ход мыслей южного витязя. Ибо луна, на которую так уповал чародей, давно уже встала и, будто издеваясь над ним, светила ярко, выглядывая из-за верхушек сосен. Но в свете её блеклых холодных лучей, падавших на камень, ничего не было видно - всё та же сумятица и паутина разбегавшихся во все стороны трещин.

- На камне должны быть лунные руны - это я вам говорю! - радостно растолковывал земникам Мамай, когда все наконец-то уселись на отдых пару часов назад.

- Это еще что за штуковина такая? - с набитым едою ртом спрашивал Пеколс.

- Это, друг мой, такие руны, что видны лишь при свете месяца, - вместо чародея охотно объяснял Лиго.

- Именно, - кивал Мамай. - Оттого и почудилось при свете солнца, будто есть на камне какая-то надпись - да вот не разобрать только, надпись ли это или наваждение. Это, братцы, наипервейший признак, что буквы там всё-таки есть - только рассматривать и читать эти знаки надобно совсем при другом освещении. Тогда, когда их и наносили на камень.

- Ишь ты, - крутил головою Мартин, которому до сих пор многое в рассказах его соратников про чары и волшбу казалось удивительным. - И чего только не придумают!

- Но бывает и так, что и ночью не во всякое время можно прочесть эти знаки, - рассказывал дальше Мамай.

- Это еще почему? - вскидывал вверх брови Мартин, не забывая при этом наминать стряпню Бирюка.

- А потому, дружок, что могут наложить заклятие на эту надпись - и станет она видимой токмо в урочное время, - пояснял Мамай. - Или, к примеру, когда луч лунный упадет на камень особым образом - и лишь тогда сделает зримыми эти знаки.

- Во дела! - охал Мартин.

- А с нами такой штуки, случаем, не приключится? - спрашивал Пеколс. - Что сидим мы вот тут под этими соснами, ужинаем, ждем чего-то. А на самом деле или надписи никакой и вовсе здесь нетути - или же она только в то самое особое время и будет видна. Да только вот не сегодня время это может быть, вот что я вам скажу. А потому и сидеть мы здесь можем зазря - аж до новых веников!

- Тьфу ты, Пеколс, - цыкал на него Лиго. - Умеешь ведь испортить настроение.

- Поживем - увидим, - назидательно говорил Мамай. - Недолго ведь уже осталось ждать ночи!

Да только Пеколс как в воду глядел. Луна взошла - но как ни крутились земники с чародеем вокруг камня, так ничего и не увидели. Ни знака какого-нибудь, ни даже намёка на него. И так, и эдак рассматривали под разными углами камень - чудится, будто что-то есть. А как присмотришься - и нет снова ничего! Сплошное наваждение, да и только.

Настроение у всех было препаршивое. Мамай задумчиво курил, земники молчали. Даже Пеколс не пытался больше язвить. На душе у всех было гадко и скверно.

- Так, братцы-земники, - вдруг сказал Мамай. - Ну-ка, что там дословно нам говорил Бирюк?

- Поедем, мол, по лесной тропе, никуда не сворачивая, - начал бубнить Лиго.

- Так, есть, - загибал пальцы чародей. - Дальше.

- В конце пути, если нам повезёт, мы должны увидеть опаленный дуб и взгорок, за которым и будет старый сосновый бор, - продолжал Лиго.

- Вот именно - если повезёт! - кивал головой Мамай. - Тоже есть - хоть и с небольшой оговоркой про везение...

И тут чародей вдруг осекся на полуслове, а затем вдруг громко расхохотался и звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

- Ну, конечно же! Ай, да Бирюк! Ай, да сукин кот! Вот уж старый пройдоха - горазд словами играться да загадки загадывать!

И озорно посмотрел на ничего не понимающих земников.

- Вы еще не догадались? - спросил их чародей.

- Нет, - помотал головой Лиго, и робко добавил: - Там еще про луну было сказано...

- Да какая теперь луна! - весело махнул рукой Мамай и стал выбивать о каблук свою трубку.

- Что вход в заповедный Заячий лес будет меж трёх сосен, когда на небе будет луна... - уже тише сказал Лиго, и вдруг сам

осекся и замер.

А потом весело запрокинул голову и засмеялся. Прок и Мартин удивленно глядели на него во все глаза.

- Эй, Лиго, ты чего там? - испуганно спросил его Мартин Бубилас. - Вы там с чародеем умом-то, почитай, не тронулись часом?

Но Лиго и Мамай продолжали смеяться, посматривая то друг на друга, то на своих опешивших спутников.

- Батюшки-светы! - охнул Пеколс. - Вот тебе и на! Видать, довысматривались-таки на камне свои лунные руны, что умом повредились.

Но в ответ на это Лиго и чародей еще громче рассмеялись.

- Да каким там умом, Прок, - махнул на него рукой Лиго, когда безудержное веселье немного прошло. - Вспомни-ка лучше, что там дальше Бирюк говорил.

И тут вдруг раздался торжествующий крик - и уже в свою очередь громко расхохотался Мартин.

- Свят-свят-свят... - испуганно зашептал Пеколс, с ужасом глядя на своих товарищей.

Но они только покатывались со смеху, глядя на него.

- Звезда! - весело воскликнул Мартин. - Там еще было сказано не только про луну - а и про звезду!

- Именно! - оживленно закивал головой чародей, и, обращаясь к Лиго, сказал: - Мальчик мой, повтори-ка еще разок, что было сказано Бирюком нам в напутствие.

"Вы найдёте меж трёх сосен вход в Заячий лес, когда на небе встанет луна - и счастливая звезда будет на вашей стороне!" - похохатывая, повторил Лиго слова лесного отшельника. И, слегка толкнув замершего Пеколса, переспросил:

- Ну? Понял наконец-то?

У Прока глаза полезли на лоб - а затем он тоже рассмеялся и замотал головой.

- Да уж, Бирюк всегда был мастер играть в слова, - кивнул Мамай. - Ну что, господа барздуки, ясен скрытый смысл? Эти лунные руны читаются не просто при свете луны - но еще в особое время и с определенной стороны, когда нам в спину будет светить та самая счастливая звезда. Надеюсь, вы уже догадались, что это за звезда?

И чародей стоял, улыбаясь, будто сытый кот.

- Нет... - слегка опешил Лиго - и тут же перестал смеяться.

- Ай-яй-яй, господин Бирзулис, - покачал головой Мамай. - И чему вас только учили в вайделотской школе? Неужели владыка Куреяс не рассказывал вам про счастливую звезду?

- Это ту, под которой родился? - неуверенно спросил Лиго. -

Так у каждого она своя...

- А если она не счастливая? - подмигнул ему чародей. - Тогда как быть?

А затем, видя сумятицу в глазах барздука, хлопнул его по плечу и весело сказал:

- Счастливая звезда, мальчик мой, у каждого своя - тут ты прав! Но надо её еще найти!

И Мамай обвел рукой черный бархат небесного свода с россыпью льдисто мерцавших точек.

- Но есть на небе одна - та самая звезда, она самая яркая, - продолжал чародей, - на которую глядят все на земле - и загадывают желание. Ты её видишь, Лиго?

- Полярная! - вдруг вскинулся Лиго. - Её еще называют Осью, вбитой в небо и вокруг которой вращается весь небосклон! А боги привязывают к ней ночью своих коней!

- Правильно, мальчик мой, - улыбнулся Мамай. - И раз она уже поднимается над бором, давайте-ка лучше поспешим, друзья!

И когда земники и чародей, выждав еще несколько минут, увидели плывущую в небе самую яркую точку, загадочно мерцавшую в вышине, повернулись к ней так, чтобы она светила им в спину. И в этот миг порыв ветра качнул верхушки старых сосен - и на камень снова упали лунные белесые блики. И в их бледном призрачном свете поверхность камня вдруг задрожала, словно по ней пробежала водная рябь - и трещины стали складываться в какие-то угловатые буквицы, образовавшие мерцающую надпись.

- Очень древние знаки - не могу прочесть, - с сожалением прошептал Лиго.

Но Мамай положил ему руку на плечо и также тихо сказал:

- Да, Лиго, это самые древние знаки на земле, дарованные нам самим Вышнем.

А затем, повысив голос, с чувством произнес:

- АИУЭННО ИИТАРО!

И чуть тише добавил:

- Что означает "Обернись и сделай шаг назад!"

Ветер утих - и сосны скрыли своими верхушками луну. Надпись на камне медленно погасла в ночи. Оцепеневшие земники заворожено смотрели на камень, не в силах оторвать взгляд. И лишь один Лиго нашел в себе силы прошептать:

- Что это за дивные звуки были?

- Язык богов, мой мальчик, - загадочно усмехнулся Мамай. - Самый древний язык на земле, на котором до сих пор говорят ветер, волны и горы. И даже не говорят - а поют, ибо это язык самых первых песен. Да только мы уже, увы, далеко не всё

понимаем в нём...

- Мы? Это кто? - еле слышно спросил Лиго.

- Мы - это те, кто понимает древнюю волшбу и учится владеть могучей силой.

- И что же значат эти слова? Что за новая загадка?

- А вот как раз над этой последней разгадкой я вовсе и не собираюсь ломать себе голову, - бодро ответил чародей. - Теперь мне и так уже всё ясно.

И, обращаясь к остальным, добавил:

- Не задавайте лишних вопросов, друзья! Делайте, как я.

Стал на камень перед трёмя соснами, обернулся вокруг себя, затем подмигнул своим спутникам... и шагнул назад.

И пропал в тот же миг!

У земников только челюсть отвисла.

- Куда это он сгинул? - выпучил глаза Пеколс и затряс головой.

- Ишь ты, - присвистнул Мартин. - Как это у него так вышло?

Но Лиго вдруг тоже засмеялся и сказал:

- Друзья! Не морочьте себе голову глупыми вопросами!

Затем быстро взобрался на камень, откуда и крикнул: "За мной!" Повернулся, шагнул назад - и также исчез в одно мгновенье.

- Вот это да! - восхищенно ахнул Мартин/

И затем, хмыкнув, также полез на камень.

- Куда? Куда? - испуганно завопил Пеколс, вцепившись в него что есть мочи.

- Да что тебе надобно-то, Пеколс? - отбрыкивался от него дружинник. - Видишь же, Мамай и Лиго уже сделали это!

- Да ну его к ляду, этого чародея! - истошно кричал Прок. - Заморочил-таки нам всем голову, заманил-таки нас в западню. И хозяина моего сгубил своими колдовскими штуками! А я ведь предупреждал! Ох, горе горькое!

- Вот ты старый дурак, Пеколс, - рассердился вдруг не на шутку Мартин. - А ну-ка, пусти ногу быстро!

И стал отталкивать от себя схватившего его земника. Но Пеколс упрямо вцепился в дружинника, будто чертополох, и вовсе не желал его отпускать.

- Какой же ты приставучий, - кряхтел Мартин, силясь вырваться из рук старого земника.

И, поднатужившись, что есть духу отпихнул его от себя.

Прок в мгновенье отлетел на пару шагов назад и грохнулся на спину - и в его цепких руках остался сапог молодого дружинника.

- А-а-а! - замахал руками Мартин, силясь устоять на ногах - и

вдруг сделал шаг назад. И тут же пропал!

- Ох ты, батюшки-светы! - покрутил взлохмаченной башкой Пеколс, хлопая глазами. - Да за что же мне такое наваждение?

А затем, оглянувшись по сторонам, вдруг разозлился и заорал на весь ночной лес:

- Ну, держись, нечистая сила! Ежели чего приключилось с моим хозяином - зашибу!

И, взревев, как был, с сапогом Мартина в руках, вскочил и ринулся на камень.

ГЛАВА 6

ЛЕС ЧУДЕС

- А-а-а! - вывалился кубарем на мягкую траву Мартин.

А спустя мгновенье следом, прямо на него, свалился тяжелым кулем Пеколс, ошарашено хлопая глазами.

- Ух ты! - только и смог удивленно произнести Пеколс, грохнувшись на молодого дружинника.

Лиго еле успел отскочить в сторону.

- Эй, вы там, поосторожней! - сказал он.

Но Мартин, кряхтя, выбрался из-под старого земника, и смачно сплюнув в сторону, с чувством произнес:

- Ну ты и дурень, Пеколс!

И, сердито выхватив у того из рук сапог, стал прыгать на одной ноге, натягивая его.

Но Пеколс лежал и хлопал глазами.

- Где это мы? - спросил он.

- В Заячьем лесу, друзья! - откликнулся Мамай, который только похохатывал, стоя поодаль и наблюдая, как земники изумленно смотрят по сторонам.

- Мы уже во владениях провидицы Медейны? - спросил Лиго.

И чародей утвердительно кивнул чубатой головой.

- А как же наши пони? - заволновался Мартин. - Что с ними теперь будет?

- Не беспокойся, Мартин Бубилас, - сказал Мамай. - Мой Белогрив позаботится о них - и отведет на потайные пастбища в лесу, где они будут в полной безопасности до нашего возвращения. Ни волки, ни другие звери их не тронут.

Мартин вздохнул, но ничего не ответил, продолжая осматриваться по сторонам.

А лес вокруг был странный. Деревья будто светились изнутри каким-то серебристым сиянием и тихонько о чем-то переговаривались между собой. Точно также тихо шепталась под ногами шелковистая трава, словно обсуждая нежданных гостей. А потому вокруг всё слегка мерцало и переливалось неясным

туманным светом, и тихонько переговаривалось на все лады. Даже клочья седых лишайников, свисавших сверху с древесных ветвей, что-то шамкали между собой и величаво раскачивались над головами.

За спиной чародея что-то свистнуло - и послышалось знакомое трепыхание. Это был их старый знакомец дрозд, который сидел на пне и невозмутимо чистил свои перья. Закончив приводить себя в порядок, умная птица склонила голову на бок и внимательно посмотрела на пришельцев своими глазами-бусинками. И вдруг произнесла:

- Фьюить! Мы будем рады видеть вас, коли пришли вы с миром! И вы себя ведите здесь пристойно и учтиво. Идите дальше по тропе - найдете кров и ужин. А утром мы поговорим, какой родник вам нужен.

И, взмахнув крылами, дрозд полетел вперед.

Барздуки изумленно смотрели ему вслед. Понимать птичий щебет и крик - это, конечно, одно. И каждый уважающий себя земник не только умел свистеть и перекликаться по-птичьи, но даже по этому писку понимать, что же случилось и кто вызвал переполох в пернатом царстве. Но вот чтобы птица сама разговаривала человеческим голосом? Нет, такого барздуки на своем веку еще не видали!

Но чародей только подсмеивался над ними, глядя на изумленные лица своих спутников.

- Да-да, друзья, - сказал Мамай. - Ничему не удивляйтесь - это древний заповедный лес, наполненный предковечною волшбою. Малый осколок тех первозданных лесов, которые укрывали всю землю, когда по ней бродил сам Вышень Святовит. И потому здесь до сих пор живут удивительные создания, а птицы и звери говорят на понятном всем языке.

- Так что же нам теперь делать? - поднял на чародея глаза Лиго.

- Идемте вперед, как сказала умная птица! - улыбнулся Мамай. - Ведь я с самого начала знал, что этот дрозд появился в лесу неспроста. Так оно и оказалось!

И чародей быстро зашагал по широкой тропе, обрамленной чудесными деревьями. Барздуки вскочили и побежали следом, крутя от удивления головой налево и направо. И ведь было от чего!

Потому что лес воистину был волшебный и тихо светился как бы изнутри. А оттого было непонятно, утро уже здесь наступило - или же это такая светлая ночь в этом удивительном краю. Лиго смотрел во все глаза на диковинные деревья и цветы - и чуть не попал впросак. Не успел земник завернуть за извив тропы, как тут

же едва не наступил на огромную мохнатую гусеницу, которая неспешно ползла вперед, мерно перетаскивая свое жирное тело с колыхавшимися на нем усиками разноцветных бисеринок.

- Эй, вы там, полегче! - словно передразнивая его самого, проворчала гусеница, сердито глядя снизу вверх на барздука, уже занесшего над ней свою гусиную лапу.

- Ох, простите, сударыня! - покраснел Лиго и осторожно переступил лесную барышню.

Гусеница только покачала головой, повздыхала и поохала насчет нравов чересчур бойкой молодежи, и поползла себе дальше.

Но в этот миг Лиго пребольно схватил за рукав Мартин.

- Смотри, смотри! - горячо зашептал Бубилас в ухо Лиго. - Это же единорог!

А справа действительно между деревьев вдруг вынырнуло удивительное и грациозное создание величиной с небольшую лань, горделиво и изящно подняло свою красивую голову и, услышав шорох, повернулось в сторону земников. На земников смотрели огромные влажные глаза волшебного зверя невиданной красы - и на лбу у него возвышался небольшой витиеватый рог. Диковинное существо постояло всего миг, раздувая ноздри и принюхиваясь. А затем взбрыкнуло своими резными тонкими копытцами - и тут же умчалось в лесную чащу.

- Говорят, увидеть единорога - к счастью, - прошептал Мартин, вцепившись в руку Лиго.

Но тут вверху кто-то громко пропищал:

- Мартин-земник, егоза, не протри себе глаза! Чтоб поймать единорога, надо ведать слишком много!

И тут же раздался звонкий смех. Это была любопытная синица, глядевшая на земников своими веселыми глазками.

- Ты чего дразнишься? - надулся Мартин. - Лучше бы дорогу указала, куда наш спутник делся!

Но синица чирикнула что-то и улетела.

А меж тем земники спохватились, и поняли, что безнадежно отстали от чародея.

- Ну, и куда теперь идти? Где искать Мамая? - спросил Мартин, оглядываясь вокруг.

- Отпусти-ка рукав, Мартин, - поморщился Лиго. - Тут не только Мамай куда-то подевался, тут еще и Прок куда-то запропастился.

И Лиго стал высматривать своего старого слугу.

- Эге-гей, Прок! - прокричал Мартин, сложив руки трубочкой.

"Рок...рок... рок..." принесло эхо издалека.

- Пеколс, отзовись! - снова крикнул Мартин.

"Ввысь... ввысь...ввысь..." улетало куда-то в вышину эхо.

- Тьфу ты! Так мы его не найдем! - расстроился Бубилас.

И в этот миг ему на голову свалился орех. А за ним еще и еще.

- Ой! Что такое? - воскликнул земник.

Но метание орехов продолжалось.

- Ай-яй-яй! - закричали земники. - Да что ж такое?!

И ринулись вперед, закрыв головы руками. Но как бы ни укрывались барздуки, орехи то и дело метко сыпались им на голову.

А затем внезапно вдруг всё прекратилось - и сверху раздался скрипучий недовольный голос:

- Хватит вам уже кричать, разгалделись сильно. Ночь давно уж на дворе, звери спят все мирно. Только вы здесь, непоседы, растревожили соседей, разбудили деток малых, что дремали в люльках сладко. Ну-ка, быстро по домам - а не то я вам задам!

И из хвои серебристого разлапистого кедра выглянула крупная серая белка, недовольно поглядывавшая на земников.

- Ага! - сказал Лиго, потирая ушибленные места. - Вот теперь мы узнали, что здесь всё-таки ночь.

- Ночь давно уже пришла - вам бы тоже спать пора, - буркнула белка. - Так что быстро уходите, свои ноги уносите.

И, шмыгнув носом и пошевелив сердито усиками на своей мордочке, прощелкала зубами что-то вроде "р-р-ра-та-тоск" и юркнула назад в хвою.

- Чудеса - да и только, - пожал плечами Мартин. - Никто ничего толком сказать не может, все только дразнятся. Где ж теперь искать Мамая и Прока?

И земники оглянулись по сторонам.

Но сверху снова раздался недовольный скрипучий голос:

- Так вы еще здесь, непоседы? Сейчас позову-ка друзей я! Сейчас я покличу всю стаю - орехами вас закидаем!

Но тут издалека раздался приглушенный крик.

- Уж не Пеколс ли кричит? - переглянулись земники, и побежали на звук.

А из хвои вынырнула белка - и погрозила им вслед свои маленьким когтистым кулачком.

Когда Лиго и Мартин продрались сквозь заросли и шепчущуюся между собой траву, упрямо цеплявшуюся за ноги, они увидели такую картину.

Прок неуклюже барахтался в какой-то огромной луже на окраине большой поляны.

- Эй, ты как сюда попал? - смеясь, спросил его Лиго.

- А кто ж его знает? - возмущался Пеколс. - Шел, шел - и бац! -

вляпался! Не лес - а какая-то сплошная чертовщина!

"Тина...тина...тина..." разнесло эхо вокруг.

И лужа вдруг жадно хрюкнула - и Прок провалился еще глубже.

- Ой-ой-ой! - завопил Пеколс и стал барахтаться еще сильней.

Земники кинулись было ему помогать, но тут из светящихся зарослей терновника вдруг раздался насмешливый голос, передразнивавший старого земника:

- Ой-ой-ой, ай-яй-яй, нас куда завел Мамай? Что еще за чертовщина - провалиться прямо в тину?

И кто-то или что-то тихо рассмеялось.

- Во, видали? - замер на мгновенье Прок. - Здесь даже кусты разговаривают.

- Если б ты не выражался, то и здесь не оказался б! - насмешливо произнес всё тот же голос из терновника.

Лиго вдруг усмехнулся и зашептал слуге:

- Слушай, Прок! А ну, быстро извинись!

- Да перед кем хоть? - выкатил глаза старый земник.

- Неважно вовсе! Просто попроси прощения, что ругался! - настаивал Лиго.

- Думаете, поможет? - спросил слуга.

- А ты попробуй - а там посмотрим, - вмешался Мартин. - А то так и будешь сидеть в луже посреди этого леса!

Пеколс вздохнул и, пожав плечами, нехотя сказал:

- Лес, куст или кто там еще... Извините меня...

И замолчал, с надеждой оглядываясь по сторонам.

Терновник дернулся, будто от дуновения ветерка, и задрожал мелким смехом.

- Экий, Прок, ты неуклюжий! Да кому ты здесь-то нужен? - раздалось из кустарника.

И хлоп! Пеколсу как будто наподдали пинка - и он вылетел из этой лужи и шлепнулся в двух шагах от нее.

- Ох! - только и смог сказать старый земник, кряхтя и поднимаясь. А затем сокрушенно буркнул в сторону терновника:

- Спасибо тебе, старый тёрн!

Но заросли обиженно хранили молчание.

Пеколс, оглядев себя сверху донизу, покачал своей вечно взъерошенной головой и как бы невзначай заметил себе под нос:

- Как бы себя в порядок-то привести?

И снова колыхнулся терновый куст:

- Ух! Ох! Ах-ха-ха! Обсушись у очага! Иди-ка прямо ты вперед, затем упрешься в поворот - и за ним наверняка найдешь ты то, что так искал!

А затем терновник, обращаясь к Лиго и Мартину, словно

живое существо, сказал:

- И вы, друзья, спешите вслед, пока вокруг мерцает свет! А то вы в поисках друг друга перебудили всю округу!

- Спасибо, мудрый куст! - поклонились ему земники и поспешили вперед.

***

Стена леса кончилась внезапно - и барздуки сходу выскочили на большую поляну. И тут же встали, как вкопанные. Потому что посреди поляны паслось несметное количество зайцев - их было столько, что глаза просто разбегались. Белые, серые, пятнистые, с длинными ушами и покороче, крупней и мельче, и между ними вдобавок сновало несметное количество маленьких зайчат. И от этой снующей туда-сюда огромной стаи становилось как-то не по себе.

- Вот оно что! - протянул вдруг Лиго. - Так вот где зайцы нагуливают себе жирок круглый год! А я-то голову ломал, где это так дикие зайцы могут неплохо откормиться. Знал бы дядюшка Брыль про такие вот заячьи пастбища - своих бы пастухов сюда пригнал, чтоб живность подкормить. Теперь-то уж понятно, почему этот лес называется Заячьим - больно вольготно им здесь живется! Видно, не охотится никто.

- Это правда, - вдруг вздохнул кто-то рядом. - Строжайше запрещено охотиться на заячье племя. Под страхом изгнания навечно из этих заповедных мест.

Земники резко обернулись. Под деревом прямо на пне, заложив лапа на лапу и беспечно помахивая хвостом, сидел старый рыжий лис.

- Простите, это вы говорили? - спросил его Мартин.

- Ну да, я, - ответил лис. - А что вас так удивляет? Разве я похож на немого?

И зверь посмотрел на седой кончик своего пушистого хвоста.

- Да в общем-то нет, - стушевался Мартин. - Извините - всё никак мы не можем привыкнуть к здешним порядкам...

- А-а-а! Так вы не из наших мест? - вдруг обрадовался лис. - Ага-ага, из гостей, значится. Наверное, пришли в священный родник взглянуть.

Лис соскочил с пня и пару раз обошел вокруг барздуков, рассматривая их. А затем мурлыкающе произнес:

- Интересно! А я-то думал сперва, что вы тоже тутошние обитатели!

- Это почему же? - воскликнули земники.

- Хм, ну как же? - лис почесал лапой в загривке. - Вы-то себя давно в зеркало видели? Вроде как люди - а ростом всего в половину человечьего. Да и на ногах вместо ног - птичьи лапы...

Тут лис вдруг извлек откуда-то пенсне и, быстро водрузив его себе на нос, внимательно присмотрелся к ногам земников и пропел себе в усы:

- Я бы даже сказал, что утиные...

- Гусиные, сударь, - поморщился Лиго, и на всякий случай постарался спрятать одну ногу за другую.

Лис поднял голову:

- Простите за бестактность - староват я несколько стал, не досмотрел.

И затем также внимательно оглядел ноги Мартина, обойдя его вокруг. Мартин, в свою очередь, с не меньшим любопытством смотрел сверху на лиса.

- А этот что, не из ваших? - зверь ткнул лапой в Пеколса.

Прок чуть не задохнулся от возмущения - но Лиго вовремя дёрнул его за рукав.

- Почему же? - спросил земник.

- Потому что он в башмаках, - просто сказал лис.

- Вы знаете, сударь, мы, барздуки, можем ходить как босиком, так и в башмаках, - пожал плечами Лиго. - Как-то так у нас издавна повелось, вот.

- О! Так вы барздуки?! - просиял лис. - Та самая легендарная чудь, что живет в лесах и никому на глаза не показывается? Одно из тех самых позабытых племен волшебной нелюди? Очень интересно! А я-то думал, вы родом только из бабушкиных сказок!

Но тут уже не сдержался Прок и рявкнул:

- Ты-то себя сам в зеркало видел, чучело лесное? Лисица - а разговариваешь, да еще с окулярами на носу! Ты тогда откуда сам будешь, как не из бабушкиных сказок?

- Фу! Очень грубо! - обиделся лис и отвернулся.

А затем, сняв пенсне и протирая его кончиком своего хвоста, ткнул себе лапой за спину в сторону Пеколса и как бы невзначай спросил у Лиго:

- Он хам, да?

И, не дожидаясь ответа, хихикнул:

- То-то я смотрю, он весь вывалялся в болотной тине и промок. Наверное, нагрубил знаменитому терновому кусту.

Пеколс вспыхнул и покраснел.

- Простите его, сударь, он не со зла, - извинился за него Лиго, пряча улыбку. - Просто норов такой уж у него вспыльчивый.

- А я-то сперва подумал, что он изучает болота и топи - весь измазанный тиной и грязью, да еще и в башмаках, - сказал лис. - Но, увы, мои умозаключения оказались ложными.

Мартин тихонько хохотнул, и на всякий случай отвесил легкого тумака Пеколсу, чтобы тот не вздумал открывать рот.

- Позвольте поинтересоваться, сударь, а вы что здесь делаете? - спросил Лиго. - Охраняете покой зайцев? Или вы их пасёте?

Лис поначалу округлил глаза, а затем вдруг захихикал снова, прикрыв лапой рот.

- Как? Как вы сказали? Я - и пасу зайцев? - смеялся до слёз лис.

- Ну да, - пожал плечами земник. - А что здесь такого? У нас, у барздуков, зайцы вместо домашней скотины - что же здесь смешного?

- Да? - вдруг осекся лис и почесал в затылке: - Хм, очень интересно. Надо будет запомнить и обязательно записать.

И он учтиво поклонился и сказал:

- Извините, что не представился раньше. Меня зовут Лис, просто лис.

Тут зверь предосудительно посмотрел на Пеколса и строгим тоном подчеркнул:

- И кстати, я именно лис - а не лисица.

А затем, уже мягче добавил:

- Почему меня зовут просто Лис? А в этом лесу никакого другого лиса нет - поэтому с выбором имени никому голову ломать и не пришлось!

И лис снова довольно захихикал.

Земники в свою очередь также представились чудаковатому зверю. После чего Лиго, набравшись духу, произнес:

- Сударь Лис, осмелюсь вас спросить - а вы не видели часом здесь нашего спутника? Его зовут чародей Мамай - хотя у него может быть много разных имен. И выглядит он как...

Но тут лис замахал лапами и снова засмеялся:

- Ой, молодой человек, не смешите мой хвост! И даже не рассказывайте мне, как выглядит ваш Мамай! Его тут каждая сорока знает! Так вы ищете его?

И когда удивленные земники утвердительно кивнули головой, лис сказал:

- Так что же мы здесь стоим? Пойдёмте - я вас отведу, куда следует! Там вы и дождётесь своего чародея!

Зверь махнул хвостом и потрусил легкой рысцой, оглядываясь на барздуков и рассказывая на ходу:

- Видите ли, господа, именно ваш друг когда-то спас мне жизнь, когда меня затравили собаками и вдобавок подстрелили из лука. Он тогда отбил меня у этой своры и принес сюда, в волшебный Заячий лес. Ну а здесь меня уже сама хозяйка этих мест, великая провидица госпожа Медейна, на ноги, точнее, на лапы, и поставила. Хотела было затем отправить меня обратно, в обычный мир - но что мне там делать-то, старому больному лису? И тогда меня оставили здесь - взяв предварительно строжайшую клятву никого не задирать и ни на кого не охотиться самому. Вот с тех пор я здесь и живу. Только иногда вот, для услады, сижу и смотрю на зайцев - какие они здесь жирные да упитанные.

- Что, на охоту тянет? - поддел его Мартин.

- Ну что вы, молодой человек, - вздохнул лис. - Я же слово дал! А здесь слово чести - закон.

- И давно вас, сударь, Мамай спас? - спросил Лиго, поспешая за лисом.

- Ну как вам сказать? - задумался на мгновение зверь, а затем ответил: - Видите ли, здесь время течет не совсем так, мы привыкли там, в обычном мире. Здесь оно никакой роли совсем не играет. Так что давно или недавно - для этих мест довольно бесполезные слова. Вот, кстати, мы и пришли, господа!

И лис, остановившись, указал лапой вперед, на чистенькую хижину с ухоженным палисадником цветов вокруг и красивыми резными наличниками. Только вместо привычного конька на крыше был почему-то вырезан дятел.

- Дом портного, - сказал лис. - Он один из главных помощников Хозяйки.

И, прикрыв лапой рот, шепнул:

- Не удивляйтесь, господа, но он всё время говорит стихами - как, впрочем, и другие исконные обитатели этих мест. Вы не подумайте, что они немного того... - тут лис постучал себя лапкой по голове и подмигнул: - Вовсе нет - просто по-иному они и разговаривать-то не умеют вовсе. Так сказать, особенность всех волшебных существ...

- Знаем-знаем, - буркнул Мартин и потрогал шишку на затылке. - Встретились мы здесь уже с одной белкой - тоже всё время стихами разговаривала. Что совсем не мешало ей лихо швыряться орехами!

- Это белка Рататоск, или на общем наречии Грызозуб, - отмахнулся лис. - По приказу Хозяйки, чтобы струсить со

Священного Древа волшебную росу, он грызет ему корни. У него довольно премерзкий характер - и если ему, к примеру, помешать выспаться, то он на вас всю свою беличью свору натравит.

Между тем подошли к опрятной избушке, в слюдяных разноцветных окнах которой мерцал огонёк. Лис вскочил на порожек и постучал в резную дверь.

Тишина.

- Вот сонная тетеря, - улыбнулся лис и стал колотить лапкой уже сильнее.

Некоторое время было тихо, затем послышалась какая-то возня, и из-за дверей раздался сонный простуженный голос:

- Тук-тук-перетук, что за ночью странный звук? Неужель скребется в дверь к нам какой-то дивный зверь?

- Эй, соня, открывай! - крикнул лис.

За стенкой раздалась не то барабанная дробь, не то чечетка. И в дверную щель тот же голос спросил:

- Трам-пам, трам-пам-пам, кто стучится ночью к нам? Кто стоит там у дверей? Уходи-ка поскорей!

- Я вот тебе уйду! - подмигнул земникам лис и прогнусавил в замочную скважину. - Как выскочу, как выпрыгну, полетят клочки по закоулочкам!

И улыбнулся.

Из-за дверей тут же раздался удивленный возглас, а затем голос радостно пропел:

- Прыг-скок на порог! Отопри скорей замок! Наши путники устали и уже свалились с ног! Тяп-ляп, цап-царап! Это в гости старый лис - ну-ка там, посторонись!

И двери широко распахнулись.

У земников от удивления округлились глаза.

На пороге стоял дятел - но какой! Размером со среднего барздука, и одетый вдобавок в черный длинный сюртук. Шея дятла была обмотана длинным шарфом, концы которого свисали до самого низа. Из-за этого шарфа на земников удивленно смотрели глаза сквозь толстые окуляры, восседавшие на длинном прямом клюве. И над всем этим смешно топорщился забавный хохолок.

Странная птица оглядела земников сверху донизу, заложив крылья за спину.

- Это друзья, - сказал лис, кивнув на барздуков. - Добрый вечер!

Но затем, немного подумав, добавил:

- Или доброй ночи!

- Скорее доброго утра - уж слишком поздняя пора, - хмыкнул огромный дятел.

А затем посторонился и, приглашая войти, выбил ногами новую чечетку, напевая при этом:

- Бим! Бом! Тилибом! Заходи живее в дом! Извини, что не признал, и у входа продержал!

Лис приветливо махнул лапой:

- Проходите, не стесняйтесь! Здесь вас Мамай сам найдет!

У дятла очки взлетели на лоб:

- Тук-тук-тук, так-так-так, интересно стало как! Слышу имя чародея - это очень добрый знак! Проходите, не стесняйтесь, за столом располагайтесь!

Земники входили и, вежливо кланяясь, представлялись:

- Лиго Бирзулис! Прок Пеколс! Мартин Бубилас! К вашим услугам!

Дятел притворил за ними дверь и стал бегать по дому, выбивая чечетку и разговаривая сам с собой. Его "тра-та-та" и "тру-ту-ту" разносились то тут, то там - а удивленные земники не успевали за ним уследить.

Лис, впрочем, даже и не старался этого делать. Он просто уселся в плетеное кресло-качалку и, заложив лапы за голову и блаженно закрыв глаза, раскачивался туда-сюда у очага, что-то мурлыкая себе под нос.

Дятел на миг остановился перед Пеколсом, оглядел его с ног до головы, и куда-то убежал. Но уже через миг он сунул в руки ошарашенному барздуку вышитый рушник и, указав крылом куда-то вбок, простучал:

- Тру-ля-ля и трам-пам-пам! Умывальная вон там! Я тебе согрел водицы - ну-ка, живо иди мыться!

И опять умчался.

А когда чистый и посвежевший Пеколс снова присоединился к своим друзьям, дятел уже накрыл на стол и, выбив очередную дробь, прощелкал:

- Тик-так, та-ра-ра, есть давно уже пора! Тик-ток, прыг-скок, налетайте на пирог!

И лишь сев за стол, удивительная птица отвесила всем поклон и сказала:

- Вечер вам добрый, я дятел-портной, сейчас расскажу вам, кто я такой. Шью паукам я всем паутинки, а многоножкам тачаю ботинки. Птиц всех лесных одеваю я в куртки, а светлячкам я справляю тужурки! Цапли и все журавли-забияки носят мои серебристые фраки. В шубу лисицу, а в шапку енота, всех нарядить здесь смогу без хлопот я! Даже медведю сошью я доху - имя моё здесь у всех на слуху! А подчиняюсь Медейне одной - вот он какой я, дятел-портной! Теперь же хочу я узнать и про вас - кто из гостей начнет свой рассказ?

Барздуки переглянулись - и не заставили себя долго упрашивать. И стали наперебой рассказывать дивной птице о своих приключениях, уминая во все щеки пирог с земляникой и весело болтая ногами под столом.

Так они и беседовали с лисом и дятлом до самого рассвета, пока в дверь кто-то снова не постучал.

ГЛАВА 7

ХОЗЯЙКА ЗАЯЧЬЕГО ЛЕСА

- Смотрю я, вы совсем неплохо здесь устроились, - произнес знакомый голос, и, не дожидаясь ответа, в дверь просунулась голова чародея.

- Мамай! Ура! - разом закричали земники и бросились к нему, широко распахнув двери.

- Тише, тише вы! - улыбался чародей. - Собьёте с ног!

Но земники не обращали особого внимания на эти слова, радуясь появлению чародея, и суетились вокруг, рассказывая наперебой, что с ними приключилось за время его отсутствия.

- Да-да, друзья, я вижу, что вы без меня здесь лицом в грязь не ударили, - сказал Мамай и почему-то весело посмотрел на Пеколса.

Тот поперхнулся, покраснел и отвел взгляд.

- Вот тебе и терновый куст, - буркнул про себя Пеколс. - Уже разболтал всему лесу.

- Не всему лесу, а только мне, - сделал замечание Мамай. - Надо же было мне вас как-то найти, куда вы запропастились.

А громче добавил:

- Ну что ж, я рад, что все нашлись и теперь не придётся мне бегать по всему Заячьему лесу в поисках.

И, согнувшись чуть не в половину, вошел в избушку.

- Мир этому дому! - сказал чародей и постарался изобразить что-то вроде поклона. Хотя, честно говоря, сделать это было довольно нелегко, учитывая, что он и так согнулся чуть ли не в три погибели.

- Ура! Хорошая пора приходит к нам с утра! - радостно отозвался дятел. - Тебя я видеть очень рад, о чародей Маркисуат!

А лис, тот сказал просто:

- Доброе утро!

- Ба! Знакомые все лица, - улыбнулся Мамай. - Как самочувствие, дражайший лис? Хотя здесь этот вопрос задавать, наверное, довольно глупо.

Лис вздохнул, показав всем своим видом, что он, в общем-то, согласен.

Чародей оглядел стол, затем барздуков, и хмыкнул:

- Удивительный народец эти земники - везде себе поживу найдут! Правда, и безалаберные порядком. Могли ведь старому другу хоть немного пирога оставить - а то всю ночь бегал, искал вас. Спасибо старине Грызозубу - подсказал, где вас найти! Да только беличьими орехами сыт не будешь!

Земники покраснели и потупились. Но Мамай только покачал головой.

- Трам-пам-пам, трам-пам-пам! Грызозуб нахал и хам, - выпалил дятел. - Имя белки этой злобной не хочу я слышать вовсе. В ссоре мы давно все с ним - сам он это заслужил!

И отстучал сердитую дробь.

- Ну, это ваши дела, - улыбнулся Мамай. - В эти дрязги я лезть не хочу, уж простите.

- Правильно, - промурлыкал лис из кресла-качалки. - Сегодня ссоримся, завтра миримся.

Дятел метнул на лиса сердитый взгляд, но тот блаженно откинулся назад и сделал вид, что рассматривает потолок. Тогда портной снова обратился к чародею:

- Ну а что же пирога, обожди у нас пока. Сейчас достану я муку - новый скоро испеку!

Но Мамай закрутил головой:

- Друзья, благодарю вас за гостеприимство и заботу о моих товарищах! Поэтому я был бы рад и пирога отведать, и с вами поболтать - но как-нибудь в следующий раз. Очень уж мы сильно спешим - Хозяйка ждёт нас!

И, осторожно пятясь задом, вылез из маленькой избушки.

Дятел изобразил что-то вроде кривой улыбки и выдал обиженную чечетку:

- Ди-да-да, ди-да-да, чародей наш, как всегда - всюду вечно он бежит, словно мир спасти спешит!

Но затем, будто спохватившись, крикнул вслед:

- И ты друзей не забывай - ждем тебя у нас, Мамай!

Лис же и вовсе не пошевелился и только буркнул себе под нос:

- Вот так всегда - мелькнет, будто солнышко, и снова исчезнет. Хотя всё-таки это просто замечательно, когда у человека есть дело! Хоть чем-то заняться можно. Не то, что здесь - скукотища одна.

И откинулся на кресле-качалке назад.

Земники поклонились радушному хозяину, который на прощание повел себя несколько чопорно, глядя на барздуков поверх своих очков. А затем пожали лапу старому лису, который то ли притворно, то ли взаправду выдавил из себя слезинку в уголке глаза и быстро смахнул ее кончиком своего хвоста.

- Идите-идите, волшебная чудь, - сказал лис. - Я узнал много интересного о вашем племени за это время. И даже успел несколько привязаться к вам.

И отвернулся, почему-то шмыгнув носом. Или это только показалось?

Барздуки вздохнули и покинули гостеприимный дом лесного портного. На улице их уже дожидался Мамай.

- Славные они ребята, лис и дятел, - заметил чародей. - Правда, домишко все-таки несколько маловат для гостей.

Но, посмотрев на земников, добавил:

- Хотя вам, думаю, он пришелся в самый раз!

А потом, оглядев своих спутников еще раз, Мамай сказал:

- Готовы? Тогда идёмте. Только, чур, не отставать, как вчера!

И своим быстрым размашистым шагом пошел по лесной тропе.

***

- Хозяйка - она кто? - спросил Лиго, стараясь поспеть за чародеем.

- Медейна? - задумался на минуту Мамай. - Хранительница священного родника судьбы - и хозяйка этого леса. Но сейчас придем - сам всё увидишь. Недолго уже осталось.

- Дятел сказал, что он ее помощник, - не унимался Лиго. - Это правда?

- Да, - кивнул чародей, не сбавляя ходу. - Хотя здесь у нее почти каждый обитатель - в чем-то помощник. Злыдней и трутней здесь не держат.

- А что это вообще за дивное место? - вмешался в беседу Мартин. - Стали на камень - и р-раз! - и оказались здесь! Чудеса!

- Заячий лес - это земной ирий и есть, - просто сказал Мамай. - Точнее, одно из отражений небесного рая на земле.

- Здесь что, текут молочные реки? - ехидно хмыкнул Пеколс.

- Нет, но для чересчур ехидных земников есть глубокие и топкие лужи, - быстро глянул на него Мамай. - Хотя кое-кто уже успел в этом убедиться.

А когда Прок обиженно надулся, чародей рассмеялся.

- Не злись, Прок - я просто пошутил, - сказал примирительно Мамай. - Всё, больше не буду про терновый куст вспоминать.

Но старый слуга только махнул в ответ рукой, мол, ему уже всё равно.

- А что это за родник такой? - не унимался Лиго.

- Ох, ты и любопытный, - глянул на него чародей. - Пожалуй, самый любознательный барздук из всех, кого я встречал.

Лиго смущенно покраснел. Но Мамай улыбнулся и начал свой рассказ.

- Говорят знающие люди, что в глубине лесной пущи бьёт из земли чудесный родник, который стережет древний седой старик на замшелом камне, - рассказывал чародей. - Хотя другие вот считают, что хозяйкой этого дивного родника является вовсе не этот старик - а волшебница Медейна, хозяйка Заячьего леса. А старик этот ею приставлен всего лишь присматривать да приглядывать за родником. Да и сам этот источник, как и весь чудесный лес, не так-то легко и найти. Но тем, кому это всё же удаётся, открываются дивные тайны.

- А что же это за тайны такие? - заворожено спросил Лиго, а Мартин и Прок, хоть и делали вид, что это их не очень-то и касается, всё же навострили и свои уши.

Мамай на мгновение замолчал, словно собираясь с мыслями, и затем продолжил:

- О, у этого чудесного источника много разных свойств! Кому-то он открывает тайны прошлого и будущего, скрытые пеленой времён. А кому-то даёт то, о чем его попросят - сколь бы ни было велико это желание. Правда, здесь есть одна загвоздка.

И чародей загадочно улыбнулся, хитро глянув на земников.

- Что еще такое? - словно выпав из сладостного сна, поморщился Лиго.

- Видишь ли, мальчик мой, однажды дорвались до этого чудесного источника лихие люди - и чуть не опустошили его, - рассказывал дальше Мамай. - Давно это было - сейчас даже мало кто и помнит, когда именно. Но с тех давних времен и закрыт теперь свободный доступ и к роднику, и в дивный Заячий лес.

- А что же произошло? - спросил Мартин. - Что такого скрыто в этом источнике?

- Родник этот, как я и говорил, волшебный, - продолжал Мамай. - Вода его питает корни чудесного дерева, что растет сквозь все миры и достигает своей вершиной седьмого неба. Одна капля этой воды может изгнать самую тяжелую болезнь, две капли открывают великие тайны природы, три капли принесут всякому несметные богатства, а четыре - превратят в могущественного земного владыку!

- Ух ты! - восхитились Лиго и Мартин, и даже Пеколс удивленно покрутил головой.

- И вот однажды, давным-давно, - рассказывал чародей, - пять древних немощных стариков испросили у хозяйки Заячьего леса разрешения испить из того дивного родника. И владычица Медейна дала им это право.

- И что же дальше? - хлопали глазами барздуки.

- А вот что, - говорил Мамай. - Среди этих пяти стариков был один слепой на оба глаза, другой глухой на оба уха, у третьего же

был вырван язык и он был немым. У четвертого не было пальцев на руках - а пятый был попросту жестоким и бессердечным. Правда, как говорят, таким он был не от природы - его ожесточила долгая и трудная жизнь.

Чародей на мгновение замолчал - земники слушали его, раскрыв рот.

- И вот каждый из них выпил из этого дивного источника - и тут же исцелился

- Но почему Заячий лес? - снова приставал Лиго. - Ведь я помню, как нам рассказывали, что в ирий улетают зимой птицы. Ну а здесь птицы хоть и есть, но не так чтобы их было много.

- Видишь ли, мальчик мой, небесный ирий - всего один-единственный, - сказал чародей. - Но отражений у него может быть много. Заячий лес - всего лишь одно из таких отражений.

- Так значит, этого всего нет на самом деле? - обвел вокруг рукой Мартин.

- Почему же нет? - весело спросил чародей. - Здесь всё - настоящее. И я бы даже сказал, что даже более настоящее, чем в нашем мире.

- В нашем мире? - удивился Лиго. - А мы тогда в каком?

- В Заячьем лесу, - просто сказал Мамай. - Чего же здесь непонятного?

Прок Пеколс мрачно усмехнулся и проворчал:

- Наша сказка хороша - начинай сначала!

- Что ты там бормочешь, Прок? - переспросил чародей.

- Говорю, опять двадцать пять, - ответил старый слуга. - Как в той присказке, где журавль и овца ходили вокруг крыльца, да съели сенца. Не начать ли с конца?

- Да, Мамай, объясни ты попонятней - а то совсем нас запутал, - взмолился Лиго.

Чародей хитро блеснул на него своим лукавым взором:

- Ну, хорошо. Постараюсь уж как-нибудь вам растолковать.

И, вздохнув, начал:

- Хозяйка Заячьего леса, госпожа Медейна - хозяйка судеб всего живущего в нашем подлунном мире. Она - великая провидица, что ведает и прошлое, и будущее, могучая волшебница, что происходит из колена самого Вышня. Она - одна из тех немногих древних существ, что пожелали незримо остаться на земле и посвятить себя заботам о всех творениях Святовита. Злу неподвластна ни она сама, ни этот чудный мир, созданный ею по образу небесного ирия.

- У Медейны есть много и других имен, - продолжал Мамай. - В одних местах ее кличут Лаймой и считают богиней счастья. А в других называют Верпея, и рассказывают, что она прядет нить

судьбы каждого человека или зверя. Причем нить эта привязана к своей звезде - оборвешь ее, оборвется и чья-то жизнь, и одной звездой на небосклоне станет меньше.

- Многие думают, что Верпея может оборвать нить судьбы и просто ради забавы, - мрачно сказал Пеколс.

Мамай быстро глянул на него и строго ответил:

- Ты говори, Прок, да не заговаривайся! Не всему следует верить, что говорят досужие языки!

- А я слыхал, что про Лайму тоже рассказывают не только хорошие, но и страшные истории, - вдруг сказал Мартин. - Будто бы видели её не только как золотоволосую красавицу, но и как старую уродливую ведьму, что ездит на железной телеге да погоняет проволочным кнутом: "Пикш-покш, железный возок, проволочный кнутик!" И тех, кто к ней попадает, она заставляет вычесывать себе волосы, из которых лезут всякие гады и прочая мерзость!

Мамай на мгновенье остановился, брови его взметнулись вверх, и он изумленно глянул на земников.

- Это кто ж такую чушь несёт?

- Да на всех хуторах у нас и бают, - уклончиво ответил Мартин и спрятал глаза.

Чародей покрутил головой.

- Да, как я погляжу, вовсю постаралась нечисть нынче очернить Медейну! - сказал Мамай. - Но да вы скоро сами её увидите - вот и убедитесь, что есть правда в этих домыслах, а что нет. Сами затем всё и расскажете, как оно обстоит на самом деле.

И двинулся дальше.

Земники некоторое время шли молча, испытывая неловкость из-за своих вопросов. Но затем Лиго снова набрался духу и спросил:

- Мамай, ты вот так и не сказал, почему же всё-таки Заячий лес это место назвали. И почему здесь так много зайцев. Что это значит?

Задумавшись на мгновение, чародей ответил, не сбавляя шаг:

- А зайцы - это души людские и есть. Вот почему их здесь так много и им тут вольготно живется.

У барздуков аж челюсть отвисла. Они стали, будто вкопанные.

Мамай между тем шел по тропе, тихонько насвистывая себе что-то под нос, как будто ни в чем не бывало. Но, заметив краем глаза, что его спутники остановились, бросил через плечо:

- Что-то случилось, друзья?

Лиго помотал головой, словно стараясь из нее что-то вытрясти, и спросил:

- Так мы на небе - или на земле, Мамай, если это заповедник людских душ?

- Ах, вот оно в чем дело! - расхохотался чародей, весело запрокинув голову. - Да какая на самом деле разница, Лиго?

Но земники упрямо стояли, пристально глядя на Мамая.

- Ты уж скажи, Мамай, мы что, на том свете? - с трепетом в голосе воззрился на него Прок Пеколс.

Тут уж чародей и сам остановился и, обернувшись и глядя на барздуков, лукаво подмигнул им.

- Друзья! Я вам клятвенно обещаю, что уже сегодня же после обеда мы все будем в нашем мире, - сказал чародей. - И причем совсем недалеко от того места, где мы оставили наших лошадок. Так что вам уже совсем недолго осталось пребывать в неведении. Заглянем в священный родник - и всё, сразу назад! Идёмте вперед - и ни о чем не беспокойтесь!

И приветливо махнул земникам рукой.

Но барздуки только опасливо озирались вокруг.

- Вот так так! - снова проворчал Пеколс. - Мы тут всю ночь, оказывается, с нежитью разговаривали...

- И даже ели их пирог, - сглотнул ком в горле Мартин.

- Не мелите ерунды! - вдруг рявкнул Мамай. - Все, кого вы сегодня видели и увидите еще - самые настоящие живые существа. Правда, не совсем обычные - потому что живут в волшебном месте.

Но, заметив недоверие в глазах барздуков, вдруг разозлился еще больше и резко сказал:

- И больше не злите меня своими глупыми вопросами. Пойдёмте - уже осталось недолго!

И, круто развернувшись, быстро пошел вперед.

Постояв на месте некоторое время, Лиго вымолвил что-то вроде "Ну и дела..." И, вздохнув, сказал своим товарищам:

- Да уж, такое не каждый день случается.

- Это уж точно, - поддержал его Мартин.

А Пеколс только что-то буркнул нечленораздельное.

- Так что, идемте за Мамаем, пока снова его не потеряли? - спросил Лиго.

И, не дожидаясь ответа, помчался за чародеем. Мартин и Пеколс, переглянувшись и вздохнув, кинулись за ним.

***

Мамая нагнали уже у самой окраины большой лесной поляны. Всё это время земники молчали и прятали от чародея глаза, не донимая его больше своими вопросами. Тот только грустно улыбнулся, но так ничего и не сказал. Так и шли весь остаток пути молча.

Вокруг пели и перекликались дивные птицы с ярким оперением, в изумрудно-зеленых ветвях деревьев копошились какие-то неведомые чудесные звери, а в шелковистой траве стрекотали, жужжали и гудели необычные насекомые. Со стволов свисали бороды серебристых лишайников и мохнатых мхов, а в изящном кружеве паутин золотисто отражались лучи восходящего солнца. Лес вокруг жил своей таинственной необычной жизнью, казалось, совершенно не обращая внимания на путников, пробиравшихся по тропе.

И земникам тоже было совсем не до этого. Мамай только посматривал на них иногда искоса, но не говорил также ничего. И лишь когда вышли на опушку, все вдруг остановились в изумлении.

Посредине широкой поляны плыл в сизых клочьях тающего утреннего тумана крутой затравевший холм, будто драгоценный изумруд в палевой голубоватой оправе. А на его вершине раскинуло свои причудливые узловатые ветви изумительной красоты неведомое древо с янтарным светлым стволом. А чуть ниже, у подножия холма, стояла, воздев руки к небу и обратив лицо ввысь, величавая высокая женская фигура в длинных, слепящих глаз белоснежных одеяниях, ниспадавшие легкой волной до самых пят. И по плечам этой чудесной девы струились искристые золотые локоны волос, будто споря с самим небесным светилом своим солнечным блеском.

Вокруг дивной фигуры кружились крикливые птицы, а у ног деловито суетились многочисленные лесные зверушки, забавно умывая мордочки и шевеля усами. Рядом с волшебной девой стояла удивительная лань огненно-белого цвета, которая время от времени грациозно тёрлась о её одежды своей изящной точеной головкой. И лишь присмотревшись, земники ахнули - это был вовсе не олень, а тот самый дивный зверь - сказочный единорог, что давеча встретился им в лесу.

- Медейна... - еле слышно выдохнул Мамай, пораженный, как и его товарищи, великолепием развернувшейся картины.

Единорог, стрельнув ушами, испуганно вздрогнул - и резво скакнул в высокую траву. На голос чародея ослепительная дева обернулась - и сам он, и земники и вовсе лишились дара речи: на них несколько строго, и в то же время слегка удивленно и вопросительно смотрели огромные ясные светлые глаза, соревнуясь не то с небом, не то с лесными озерами своей глубокой и яркой синевой. Солнце вспыхнуло в ее дивных волосах, и казалось, будто золото потекло по плечам огненными ручьями, а сама дева словно окунулась вся в слепящее сияние лучей, от которого невольно хотелось зажмурить глаза. Медейна

была не просто неземной, а совершенно невероятной и невиданной красы - от неё больно и тоскливо, но в то же время очень сладостно защемило в сердце.

Дева стояла и смотрела на путников - а затем в ее глубоких огромных глазах будто пробежала легкая рябь: и взгляд с удивленного и строгого вдруг сменился на лукавый и несколько озорной. Дивная владычица улыбнулась - и будто бы второе солнце озарило ее светящееся лицо. Медейна сделала шаг вперед - и протянула путникам навстречу свои белые руки.

- О чародей великий, здравствуй! - заструилась ее речь, завораживая слух. - Кого привел ты в этот раз к источнику лесному, что знает всё вокруг? Кому понадобилось вновь испить воды волшебной из древнего ручья всезнанья?

И весело и звонко засмеялась, будто кто коснулся рукою дивноголосых серебряных струн.

Мамай вдруг опустил свой взгляд - и низко, до самой земли, поклонился.

- Приветствую тебя, о великая и мудрейшая Медейна, всемогущая владычица лесная, царица всех лесных долин, ручьев и озер, и всей той жизни, что в них обитает! - сказал Мамай глубоким волнующим голосом. - Не смею даже и поднять свой восхищенный взгляд на дивную красу богов, что молодостью вечной озаряет солнцем всё вокруг.

А земники, пораженные всем происходящим, и прежде всего неземною красотой волшебной богини, поддались вдруг нахлынувшему на них чувству - и также преклонили свои колени перед лесной владычицей.

Медейна снова засмеялась звонко - и птицы вокруг радостно и громко защебетали.

- Благодарю, о витязь, за сравненье с солнцем, - звонко переливалась речь лесной царицы. - Ведь как мне не блистать ему подобно? Ведь я - его сестра! Иль ты не знал, о рыцарь? Ах, лукавец!

И Медейна, смеясь и покачивая головой, шутя погрозила ему пальцем.

Мамай шумно вздохнул - и промолчал благоразумно.

А дева продолжала:

- Смотрю я на тебя, о дивный витязь, и вижу, что ты не растерял в далеких странствиях своих манер приятных. Твой голос сладкозвучный мне услаждает слух - тебя я видеть рада! Так поднимись с колен, мой друг - и дай мне твою руку!

И Медейна шагнула к Мамаю, вновь протягивая ему свои руки.

Чародей медленно поднялся, словно боясь взглянуть в лицо

властительнице дивного Заячьего леса.

- Мамай, Мамай, - качала головой лесная дева и смеялась, - смотрю я, оробел ты весь - а ведь ты самый храбрый рыцарь в этом мире, что я знаю! Так в чем причина робости твоей? Признайся, витязь!

Но чародей лишь только больше помрачнел челом - и еще ниже наклонил свою чубатую голову.

Но волшебница вдруг быстро заглянула ему в лицо своими ясными и глубокими, словно небесная синь, очами - и через миг, будто получив ответ, улыбнулась несколько печально.

- Ах, Мамай, мой милый друг, - зашептал вдруг глубоко и жарко ее дивный голос, - я знаю твои чувства и мысли обо мне, о дивный рыцарь! Но увы - уж слишком разные дороги у богов и смертных, и ты не исключенье, мой друг! Хоть ты и чародеем слывешь среди людей, и одарили мы тебя бессмертьем - а всё ж ни ты, ни я не сможем вместе быть. Ведь такова судьба - не нам дано менять ее хитросплетенья. Поэтому давай оставим всё как есть - не будем портить светлый день признаньями, о рыцарь! Просто знай - тебе всегда я очень рада! Всегда! Ты просто помни это! Довольно ли тебе, Мамай?

И снова заглянула в лицо чародею. А затем вдруг ласково и печально провела ладонью по его чубатой, низко склоненной голове.

Земники во все глаза смотрели на происходящее, затаив дыхание и боясь проронить хоть слово. Лесная владычица и витязь с юга - что связывало их? Барздуки понимали, что ненароком прикоснулись к одной из самых сокровенных тайн Мамая - и каждый из путников в душе поклялся сам себе никогда и ни при каких обстоятельствах не упоминать услышанного, что вдруг так явно открылось перед ними.

Чародей кивнул - и Медейна улыбнулась снова. А затем вдруг перевела взгляд на земников - и ее бирюзовые глубокие очи изумились и замерцали еще большей синевой.

- О! Кого я вижу - лесной народец! - зазвенел снова ее голос. - А я уж думала, что вы, как дивы, ушли навечно из краев подлунных искать в краях заморских своей доли. Ан нет - три земника стоят передо мною, затаив дыхание. Вы кто, друзья?

Лиго мельком взглянул на волшебную властительницу и, пораженный еще больше прежнего ее неописуемой красотой, зажмурился и, собрав все свои силы, с достоинством произнес:

- О мудрейшая Медейна, владычица лесная, что красотою затмевает день! Я всего лишь Лиго из рода Бирзулисов - и со мною мои товарищи Мартин Бубилас и Прок Пеколс. Мы искренне преклоняем колени перед неземною богиней и боимся

открыть свои глаза, дабы не ослепнуть перед дивным сиянием!

Дева засмеялась снова:

- Ах, Мамай, Мамай! Твои друзья такие же, как ты - текут слова их, словно мед. Кто у кого учился так сладкозвучно говорить?

И, хлопнув в ладоши, вдруг властно сказала:

- Поднимитесь же, друзья! Негоже вам так долго преклонять колени!

И ноги земников вдруг сами, повинуясь словам владычицы, поднялись с земли.

- Так что за дело вас привело ко мне, друзья? - улыбнулась лесная провидица. - Хотите заглянуть в родник всезнанья?

- О да, сиятельная... - прошептал Мамай. - Мне много есть что сказать тебе...

Но Медейна быстро приложила к его устам палец и прошептала:

- Довольно слов, Мамай! Если ты позволишь, источник мне сам расскажет всё. Лишь только дай испить хоть каплю той воды, которой ты доверишь свою долю...

- Вся кровь моя до капли принадлежит тебе, владычица, не то, что вся вода...- еле слышно прошептал Мамай.

Но Медейна быстро сказала:

- Молчи, Мамай! Мы всё уже сказали давно друг другу.

И, взяв за руку чародея, невесомой походкой пошла по траве, будто плывя над нею. И через плечо, не оглядываясь, сказала:

- Златорог и Любоглас! Проводите моих маленьких друзей к источнику!

Одним прыжком возле земников оказалась дрожащая белоснежная лань с одним золотистым рогом на лбу, и с небесной вышины на него спустился маленький жаворонок, который пропищал земникам:

- Фьюить! Прошу не отставать!

А лань-единорог слегка их подтолкнула боком и покосилась огромными черными влажными глазами.

- О боги! Я не верю, что нахожусь рядом с единорогом! - только и смог выдохнуть от изумления Мартин.

Но волшебное животное изящно повело своей головой и легко и быстро скакнуло вперед, словно приглашая путников за собой.

***

- Когда возьмешь ты кубок, земник, дабы испить воды из родника, - поучала Медейна, - смотри, чтобы не замутить источник светлый. Ибо на дне его лежат грехи людские и страсти тех, кто ими одержим. Лишь только ил поднимется со дна - как

тут же вся вода мгновенно растеряет свои свойства, всколышется - и потеряет чистоту... И вот тогда всё исказится в ней - и будущее, и былое предстанут только в темном свете. Ужель такой ты себе доли хочешь, земник? Поэтому смотри, будь осторожен - родник не любит алчности и спешки. Иди вперед, не бойся...

Голос лесной владычицы тихо звенел у каждого из барздуков в ушах, и постепенно таял, растворяясь где-то вдали. Земники стояли перед изумительным огромным древом, которое своими густыми широкими ветвями накрывало, казалось, полмира.

- Ну что, кто первый из нас пойдет? - тихо спросил Лиго, благоговейно оглядываясь вокруг.

- Кто первый голос подал - тому и первым быть! - деловито пропищал жаворонок, уютно примостившийся на роге волшебной лани, и стал чистить свои перышки.

И единорог тоже согласно закивал головой.

Лиго, еще раз оглянувшись на своих друзей, будто ища у них одобрения и поддержки, шагнул в тень раскидистых ветвей, спускавшихся изумрудным ковром до самой земли.

Шагнул - и замер. Ибо здесь, под густой и толстой кроной царил полумрак - и стояла тишина. Ни звука не доносилось снаружи, как будто всё вымерло. Прохладный и сырой воздух легонько проносился под ветвями, и земник невольно поежился - то ли страх перед неведомым стал предательски закрадываться в душу, то ли просто промозглые щупальца сырой прохлады тихонько заползли под плащ.

Бирзулис сделал шаг, другой - и снова замер. Звуки шагов были глухие, и тонули в мягком и толстом мшистом ковре. Лишь легкий шорох тщедушного сырого ветерка еле слышно шуршал ветвями.

А когда глаза земника привыкли к серому полумраку, он заметил толстые, невероятной величины раскидистые корни дивного древа - и эти корни, будто натруженные мозолистые руки, вцепились в сырую землю, словно норовя ее всю смять огромными жирными складками. И вот оттуда, из-под древних корневищ, раздавался тихий шепот родника - это капля за каплей сочились откуда-то глубоко из-под земли ее слезы, чуть слышно журчали и что-то грустно бормотали друг другу.

И вдруг земнику то ли почудилось, то ли в тихую капель родника стали вкрадываться еле слышные слова таинственной древней песни:

У родниковой водицы
Сидели четыре сестрицы.
Одна прядет, другая мотает,
А третья им мешает.

Как нить она оборвет -
Так беда и лихо придет.
Но четвертая сестрица
На все руки мастерица -
Нитку свяжет,
И судьбу укажет,
Холст соткет,
И рубаху сошьет,
И украсит узором -
Кому какая доля...

Таинственные слова становились все тише и тише, пока и вовсе не растаяли в журчании источника. И снова наступило безмолвие, слегка прерываемое слабым отплеском воды.

Шаг, еще шаг. Тихо и глухо вокруг. Везде сырой полумрак. Только огромные корневища слегка потрескивают, впиваясь всё глубже и глубже в землю, выжимая из нее прозрачные соки дивного родника. Еще шаг - и вот она, среди замшелых янтарных коряг, кристальная чаша волшебного источника. Таинственно мерцает ее колдовская вода, почти не движется - но что-то происходит в ее загадочной глубине, будто вот-вот норовит выпрыгнуть на поверхность.

- Загляни в родник... - чуть слышно раздается в ушах не то шорох слабого дуновения ветра, не то завораживающий голос Медейны.

Лиго слушается - и наклоняется над источником.

Вода в волшебной чаше не колышется, стоит на месте - и сквозь ее хрустальную прозрачную толщу видно дно, устеленное мохнатым илом, словно черным ковром. И вот там, в нем, в самой его глубине будто что-то движется, волнуется и пытается вырваться наружу. И оттого этот жирный темный ил слегка подрагивает и еле видно шевелится, по нему пробегают легкие волны, вызывая почти незаметную рябь на поверхности дивной чаши.

- Возьми кубок, земник... - слышится тот же голос. - Испей воды из родника...

Лиго оглядывается вокруг. И вот у края корневища он видит кубок - старинный, выкованный из серебра, изрядно потемневший от пронесшихся над ним веков и затертый сотнями людских рук, бравших его. И не видно на нем более дивных рун, которые некогда глубоким узорочьем опоясывали древний сосуд - всё источило неумолимое время.

Лиго двигается, будто во сне - и с опаской берет тяжелый кубок. Сосуд оттягивает его руки вниз, норовя вот-вот выскользнуть из рук земника и упасть в неподвижную гладь воды.

- Осторожно, Лиго... - с легкой опаской шепчет лесная владычица, - смотри, не урони кубок...

Земник крепче хватает старинный сосуд и делает шаг к зеркальной глади водной чаши, заглядывая в нее. Вода замирает прозрачным кристаллом и загадочно мерцает в своей глубине. И даже легкая рябь на поверхности исчезает вовсе.

Шаг, еще шаг. Как громко стучит сердце! Или это настолько всё замерло вокруг, что даже легкое биение в груди отдается громким эхом в ушах?

Лиго наклоняется - и чуть видимым движением, чтобы не всколыхнуть водной глади, черпает воду.

Но даже от этого малого движения прозрачное зеркало вдруг исказилось, дрогнуло, зарябило легкой волной - и земнику показалось, будто колдовская вода издала из своей толщи чуть слышный стон.

Зашевелились на дне черные языки жирного ила, сплетаясь в зловещий узор. Но миг, еще миг - и водная гладь успокоилась, лишь по ее поверхности, затухая, побежали к краям чуть видные мурашки зыбких легких волн.

Лиго поднимает тяжелый кубок - и на дне старинного сосуда плещется хрустальная жидкость. Вода мерцает, перемигивается, искрится в отблесках света и завораживает своей игрой на дне старинного сосуда. Земник смотрит на нее, не отрывая глаз.

- Испей... - вкрадывается в душу всё тот же колдовской голос. - Испей воды из родника, грядущее своё узри...

Земник медленно-медленно, будто двигаясь в плотном тумане, поднимает руки и прикасается губами к краю кубка.

Волшебная вода густая, будто сбитень - и обжигающе ледяная. Она мгновенно сводит зубы, вонзается в уста и язык земника сотнями тонких морозных иголок и намертво сцепляет его рот. А затем стылой колючей струйкой сочится дальше, в горло - и еще дальше вниз, пробираясь к самому сердцу, чтобы сжать его своей заиндевелой рукой.

Лиго от ужаса пытается крикнуть - но звуки замирают у него в груди. И лишь легкий пар, мгновенно замерзая, оседает белым инеем у земника на устах. И сердце замирает...

А вокруг всё искрится, мерцает, кружит в ледяном танце, словно внезапно наступила зима. Земник роняет кубок - и тот падает с глухим стуком и катится по заснеженным корням. И следом за кубком бессильно опускается на землю и Лиго.

Рот, нос, глаза ему залепляет густой снег. Вьюга, вьюга кругом! Она бьет неистовыми порывами, срывая одежду, жалит тысячами студеных стрел, пронзая насквозь, замогильно хохочет и воет, вынимая душу. И земник, прикрываясь рукой, бредет

сквозь нее - и вот уже нет никакого леса, вокруг одна только белая степь! И он, спотыкаясь, идет сам по степи, падая на каждом шагу в снежные заносы. А в ушах раздается жалобный стон: "Мамай, Мамай..."

И вдруг чья-то сильная рука выдергивает Лиго из-под снежного покрывала, отряхивает и ставит на ноги. И тащит за собой уверенно и твердо. Бряцает сабля на боку загадочного путника, развевается его широкий плащ, прикрывая земника от лютых порывов.

И вдруг - тишина... И нет уже больше степи и стылых морозов - по телу вдруг приятно разливается теплынь, трещит очаг, хлопочет старик с серебряной бородой и добрыми глазами. Он что-то говорит быстро и ласково - но нет, не разобрать этих слов. Снова всё проваливается в туман.

А затем горны, много горнов! Звенит медь колоколов, поют трубы, бьют барабаны. Сверкает на солнце золото остроглавых шлемов с красными прапорцами. С жутким скрежетом и скрипом раздаются вширь ворота, пропуская вперед конницу. И она, вырываясь на простор из белокаменного града, разворачивается во все стороны широкой лавой - и могучей волной летит вперед, сминая всё на своем пути.

И вдруг - снова жуткий, нечеловеческий, раздирающий душу вой. И гром, и грохот. И огонь с небес. И черная зловещая тень, закрывая собою полмира, падает сверху, распростерши свои темные крылья. Дракон! Змей! Он разевает пасть - и адское пламя пожирает всё вокруг. Пылает степь, пылают белые стены дивного града, огненные языки подбираются всё ближе и ближе.

Жарко. Очень жарко. Испарина выступает на челе земника. Пылает огонь в кузнечном горне, мерно и шумно вздымаются меха. Звон. Стук. Мелькают тени. Высокий дивный кузнец бьет молотом по наковальне: "каль-вис, каль-вис!" - звенит его молот. А в ответ вторит мелкая дробь его коренастого помощника - "те-ля-вель, те-ля-вель!". И между перезвоном двух волшебных молотов вплетаются в поковку древние наговоры, оседая на металле глухим рокотом. И от этих могучих заклятий содрогаются даже стены - или это только бардовые отсветы пламени дрожат на них?

Кузнец щипцами берет что-то ярко-алое, которое извивается и бьется в его щипцах, будто живое - и опускает в воду. Раздается тонкий пронзительный не то свист, не то писк - как будто кто-то берет высоким голосом запредельную ноту. И этот звук почти за границами слуха раздается долго, очень долго. А вокруг всё шипит, вздымаются густые белые клубы пара, застилая всё вокруг и выедая глаза едким чадом.

Но нет - это вовсе не пар. Это всего лишь клочья сизого дыма. Нет больше кузницы - это кто-то просто пускает белые кольца из трубки с длинным чубуком, покачиваясь в скрипучем кресле посреди уютной горницы. И весело напевает себе что-то под нос. А затем поворачивает к земнику своё до боли знакомое лицо и что-то говорит - а вокруг просто дрожат отблески пламени из очага. Огонь вдруг вспыхивает и из-за его громкого треска снова ничего не разобрать.

Веки земника дрожат, тяжелеют и смыкаются, а голова наливается свинцом. Глаза уже ничего не видят - и мысль больше не бьется. Сизый дым окутывает барздука со всех сторон и настойчиво убаюкивает, покачивая в своих густых кольцах. И лишь в ушах раздается мерный скрип половиц от качающегося кресла - рип-рип, рип-рип, рип-рип. А ему вторит в ответ тихий стук оттаявшего сердца...

ГЛАВА 8
ВИДЕНИЯ И ГРЕЗЫ

Лиго пришел в себя далеко за полдень. Он лежал на чем-то сыром, холодном и неудобном, да еще вдобавок что-то твердое остро и неприятно давило в бок. Но самое противное - уши раздражал назойливый скрип: рип-рип, рип-рип - а в ноздри лез едкий смрадный дым.

- Апчхи! - не выдержав, громко чихнул земник.

И тут же открыл глаза.

- Здравы будьте, сударь мой разлюбезный! - обрадовано сказал знакомый голос. - А я уж начинал беспокоиться за вас, братцы!

Это был Мамай, который сидел напротив на толстенном корневище старого дерева и покуривал свою трубочку, беззаботно закинув нога на ногу. И весело смотрел на проснувшегося земника.

Над головой барздука слабый ветерок раскачивал старую сухую ветку, которая издавала неприятный скрип. Лиго сел - и недовольно покосившись на нее, поморщился и извлек из-под себя обломок большой сосновой шишки, давившей ему вбок.

- Гляжу я на вас, господа барздуки, и смеюсь, - улыбнулся чародей.

- Это еще почему? - удивленно спросил барздук.

- Да поспать у вас совсем губа не дура! - подмигнул ему Мамай и, затянувшись, выпустил густое кольцо сизого дыма, которое, расширяясь и тая, поплыло вверх.

- Апчхи! - раздалось с другой стороны, и тут же сердитый голос добавил: - Ну и воняет однако!

Лиго обернулся - справа от него из-за старой коряги высунулась взъерошенная голова Пеколса, который протирал глаза и недовольно крутил носом, а вслед за ним показалось заспанное лицо Мартина.

- Ты какую гадость там куришь, Мамай? - сердито спросил Прок Пеколс. - Зачадил, поди, весь лес - дышать невозможно!

- Ну, уж не большую гадость, чем в твоих склянках иной раз бывает, - миролюбиво отшутился чародей, но тут же сокрушенно добавил: - А вообще да, что есть, то есть - испортился табачок весь мой в кисете после Заячьего леса. Надо бы заменить - да вот пока нечем...

- После Заячьего леса? - воззрился на него Лиго. - А мы сейчас где?

Мамай беззаботно пожал плечами:

- А кто ж его знает, где мы сейчас. В лесу где-то - возможно, даже недалеко от окраины Синей пущи. Тогда и выбираться на тракт недалеко будет.

- Вот тебе на! - вдруг подскочил Лиго с круглыми удивленными глазами. - А Заячий лес куда подевался? А Медейна? А источник где?

Мамай снова пожал плечами.

- Заячий лес теперь может быть где угодно, - сказал чародей и повел вокруг себя рукой. - Так всегда и случается - испил водицы волшебной из родника, и забылся в грезах. А как очнулся - нет уж ни святого источника, ни владычицы лесной, ни Заячьего леса...

- Но как такое бывает? - снова изумился Лиго. - Ведь мы же попали в него у камня меж трех сосен. Разве мы не там?

- Вовсе нет, - сказал Мамай, посасывая трубочку. - Как говорится, вход - не выход. Войти в Заячий лес можешь в одном месте - а вот выйти неизвестно где. Можешь на том же самом месте, можешь и за версту или две - а бывает, и за тридевять земель.

- Ну и дела, - присвистнул Лиго.

- Хм, это ж как теперь быть-то? - поскреб свою лохматую голову Пеколс. - Считай, коней мы своих потеряли невесть где, а вместе с ними и поклажу?

- Да уж, пожрать бы не мешало, - потянувшись, зевнул Мартин и кивнул на верхушки сосен: - Солнце уже за полдень далеко, свечереет скоро.

Мамай громко расхохотался.

- Ну вы и веселый народец, барздуки! - смеялся чародей. - Вам бы только поесть да попить всласть. А дорога на юг - вовсе не шутка, поди. Впереди ведь сколько невзгод еще может выпасть, а?

- Так в том-то и дело, - вдруг хитро подмигнул Мартин, - что

впереди невзгод всяких еще пруд пруди будет. Вот мы загодя и хотим наесться да напиться впрок!

Мамай на мгновенье замер - а затем рассмеялся еще громче прежнего.

- Ай да барздуки! Ай да веселый народ! - хохотал чародей, утирая ненароком выступившую от смеха слезу. А ему своим смехом вторили земники с лукавым видом.

Когда же веселье немного улеглось, Мамай, все еще еле сдерживаясь, сказал:

- Ну, братцы, так уж и быть - будет вам и ужин, и уютный ночлег сегодня. Не такой, конечно, как давеча у старины Бирюка или у дятла-портного, но всё же не хуже. Если, конечно, вы не против провести эту ночь у костерка в лесу.

- Нет, нет, не против, - дружно закивали барздуки.

Чародей встал, и лицо его сразу посерьезнело. Витязь взял свою волшебную трубку в рот и хорошенько затянулся. А затем, поворачиваясь на все четыре стороны, выпускал дым тонкой струйкой и приговаривал:

- Клубы дыма, летите, да Белогрива разыщите - скажите ему, что Мамай зовёт, пусть он ко мне придет! Ищите над лесом, свищите над полем, да над желтым песком и быстрой водицей - пусть мой конь дивный летит ко мне птицей!

И клочья сизого дыма, повинуясь воле чародея, резво устремились ввысь, принимая форму невиданных крылатых зверей - и разлетелись в вышине над деревьями каждый в свою сторону. Земники стояли, разинув рот.

А Мамай сел снова на корягу, закинув ногу на ногу, и стал беззаботно посвистывать.

- И что? - наконец-то осмелился спросить Лиго. - Когда наши кони найдутся?

- Ну, веришь или нет, но мой Белогрив уже был бы здесь, - подмигнул ему чародей.

- Так в чем загвоздка? - ввернул Пеколс и тут же, не утерпев, съехидничал: - Что, колдовство не сработало?

И пихнул Мартина локтем в бок. Но дружинник даже ухом не повел.

Но Мамай вдруг уставился на Пеколса своим пронзающим взглядом и покачал головой:

- Эх, Прок, Прок... Старая ты язва! Превратить бы тебя в каменного истукана, да оставить в назидание потомкам. Да вот нужен ты, старый плут, своему хозяину. А потому я тебя просто поучу немного - чтобы впредь не повадно было раскрывать рот тогда, когда ненадобно!

И щелкнул пальцами у Пеколса перед носом.

Прок так и замер на месте! Попытался было открыть рот - да не тут-то было: ни рот, ни руки, ни ноги не слушались его больше. Попытался было закричать с перепугу - да слова так и замерли в горле. Хотел было мотнуть головой - да так весь и окаменел. И стоял, только шевеля одними глазами - и в них читался такой неподдельный ужас и мольба прощения, что у Лиго защемило в сердце. А Мартин от испуга и сам замер на месте не хуже Пеколса.

- Сударь Маркисуат, - взмолился Бирзулис, - вы уж простите моего слугу ради всех светлых богов!

- Ради богов может быть и простил бы, - сказал сердито Мамай и тут же отрезал: - А вот ради тебя, мой мальчик, простить не могу. Пусть постоит немного, охолонет - да покумекает, когда да на кого можно открывать свой рот, а когда и помолчать благоразумно стоит. Будет впредь старому дураку наука!

И отвернулся, вновь раскуривая трубку и показывая всем своим видом, что больше не намерен разговаривать на этот счет.

И лишь пару минут спустя как бы невзначай бросил через плечо, не оборачиваясь:

- Ничего с ним не станется - к вечеру я его отпущу.

И снова стал насвистывать себе под нос какую-то песенку.

Так и стоял до самого вечера Прок Пеколс каменным истуканом. Стоял, пока наконец-то издалека не раздался приглушенный топот копыт и веселое конское ржание - то Белогрив гнал перед собой пони земников.

***

- Ну что, судари мои разлюбезные, - говорил Мамай, развалившись после сытного ужина на попоне у костерка. - Пора бы и побеседовать, как быть нам всем дальше.

Лиго и Мартин, также изрядно разомлевшие, сидели с несколько осоловелым видом - и лишь Прок Пеколс суетился вокруг. Старый земник, хорошенько проученный чародеем и отпущенный на волю из оков старинного заклятия, даже и не знал теперь, как тому услужить. И просто разрывался между своим хозяином - и грозным витязем с юга.

- Да сядь ты наконец-то, Прок, - вяло махнул на старого слугу Мамай. - Хватит мельтешить-то перед глазами.

И Пеколс быстренько подчинился. И сидел, преданно глядя в рот чародею, словно завороженный.

- Так вот, друзья мои, - продолжил Мамай. - Надобно нам всем обсудить, как мы поступим дальше.

- А что там обсуждать? - лениво почесался Мартин. - Идем на юг - вот и все дела.

И вдобавок еще и зевнул.

Мамай смерил его грозным взглядом - на что дружинник тут же осекся. Но, не сказав ничего, витязь обернулся к Лиго.

- А ты что скажешь, мальчик мой? - спросил у земника чародей.

Лиго вдруг вспыхнул и, потупив взгляд, тихо сказал:

- Я так понимаю, ты хочешь обсудить, что каждому из нас напророчила провидица Медейна?

Чародей с интересом воззрился на него и, одобрительно крякнув, даже вынул изгрызенный чубук изо рта.

- Умница! - похвалил Мамай земника. - Именно это я и собираюсь сделать. Ибо вещие воды хоть и дают предсказания - но они всегда не точны и туманны, а часто искажены и намеренно запутаны. Расплести всем вместе эту загадку - вот наша задача на сегодняшний вечер. Чтобы завтра с утра, не теряя времени, устремиться в путь.

- А что там устремляться-то? - буркнул Мартин. - Мы же вроде как на юг идем? Так что там еще обсуждать? Ты знаешь дорогу - ты и веди. А я вот дальше самого Земиголья и в жисть-то не хаживал.

И дружинник махнул рукой.

Мамай откинулся назад и выпустил длинную струю дыма. И сквозь густое сизое облако глаза чародея вдруг загадочно блеснули.

- На юг-то на юг, - протянул он. - А вот к кому мы идем туда - тебе ведомо?

Но Мартин лишь пожал плечами и сказал:

- Мы с Пеколсом в ваши чародейские дела носа и вовсе совать не хотим. Нас вот владыка Куреяс с Лиго вместе отправил. А куда, зачем, к кому - то не наше дело. Верно, Прок?

Но Пеколс на этот раз благоразумно промолчал и потупил взгляд - слишком свежи еще были воспоминания недавней размолвки с чародеем.

- Ну, положим нос свой вы уже засунули глубоко в чародейские дела, как ты говоришь, - хмыкнул Мамай. - Да и не только в чародейские - тут силы играют поболе даже того, что ты себе и представить-то можешь. Так что увязли вы уже, братцы-земники, по самую шею в делах чародейских. И за это, сам понимаешь, рано или поздно, а ответ держать придется - не отвертишься никак.

- Сударь, вы уж не пугайте нас, - снова проворчал Мартин. - Мы за эти вот дни и так страху натерпелись - иному барздуку вовек хватит!

- Ой ли, - улыбнулся Мамай. - То ли еще будет впереди - небо с овчинку покажется. Мы ведь только в самом начале пути -

почитай, еще и Земиголье-то ваше родное не покинули вовсе.

И внимательно посмотрел на дружинника.

Мартин отвернулся и сердито засопел, ковыряя веткой уголья в костре.

И тут снова подал голос Лиго.

- Я вот что думаю, сударь, - сказал земник. - Мысль мне одна не дает покоя...

- И какая же? - поднял брови чародей.

- Заколка, - ответил барздук. - Почему Медейна ни разу не спросила меня о ней? Ведь она же провидица!

Мамай вынул трубку изо рта и снова изучающе глянул на земника.

- Ты меня всё больше и больше приятно удивляешь, мой мальчик, - сказал чародей. - Что-то в тебе начинает необратимо меняться, Лиго. Видимо, не зря именно тебя судьба избрала для этой цели.

Лиго покраснел - или это только так показалось при бардовом отблеске костра?

И тут в наступившей тишине вдруг несмело подал свой голос Пеколс:

- Сударь, а вы гляньте-ка - на месте ли она?

Взметнулось в небо в ослепительной вспышке пламя - и возмущенно плюнуло ввысь снопами ярких искр. Ухнул филин в темноте леса, и заскрипели разом деревья, закачались в безудержном буйстве. Забил сердито копытом Белогрив, стреноженный недалече, заржал неистово и громко. И разом с ним зафыркали остальные кони, словно выражая своё возмущение.

А Мамай, казалось, вдруг вырос в размерах в несколько раз - и навис над маленьким старым земником огромной тенью, пронзительно сверля его взглядом.

- Ты что хочешь этим сказать, Пеколс? - громовым раскатом грозно спросил чародей.

А Прок весь сжался, спрятав голову в плечи, и еле слышно проблеял, кляня в душе и самого себя, и свой длинный язык:

- Нет, нет, что вы, сударь Мамай. Я вовсе не это имел ввиду...

- А что? - зазвенел железом голос чародея.

И его тень, казалось, выросла еще больше.

- Я вот что подумал, сударь... - заикаясь, блеял Пеколс. - Ведь ежели госпожа Медейна такая великая колду... Нет, нет, что вы! Я хотел сказать, великая волшебница и сестра богов - так почему бы ей и не отдать-то на хранение заколку эту самую? В этом самом Заячьем лесу она была бы в полной целости и сохранности - покамест вы, чародеи или кто там еще, не придумали бы, что с

ней делать...

Повисла тишина. Даже костер сник и перестал трещать.

- Уже придумали, Прок, - чуть слышно сказал в наступившей гнетущей тишине Лиго.

А спустя миг добавил:

- Вот потому мы и все здесь...

И замолчал, опустив взгляд.

Свинцовая тяжесть, наводнившая темноту, постепенно таяла - а с ней вместе уменьшалась в размерах и тень чародея. И когда Мамай снова предстал перед земниками в своем привычном обличье, Мартин шумно выдохнул и покачал головой.

Лишь Прок Пеколс так и сидел, вжавшись в плечи и зажмурив глаза.

- Спасибо, Прок, за заботу, - чуть слышно шепнул ему Лиго, легонько дотронувшись до локтя старого слуги.

Тот, не веря, что с ним ничего страшного не произошло, слегка приоткрыл один глаз. И глянул с благодарностью сперва на своего хозяина - а затем с опаской на грозного чародея.

Тот сидел уже с невозмутимым видом и чистил свою просмоленную трубку, как будто ничего и не произошло. Заметив на себе испуганный взгляд Пеколса, качнул головой, тайком улыбнулся в свои длинные пышные усы и буркнул:

- Хоть ты и болван изрядный, Прок Пеколс - однако же стоит сказать, что ты прежде всего верный болван!

И только тогда Пеколс громко засопел носом и закрутил своей взъерошенной головой, переводя дух. А Мартин и Лиго тихонько подсмеивались, глядя на него.

Когда гнетущее напряжение развеялось вконец, Мамай сказал:

- Так вот, друзья, хоть кое-кто из нас и несдержан на язык, - и метнул свой взгляд на Пеколса, - а всё же без внимания его слова я оставить не могу.

Слуга так и замер, услышав речь чародея.

- Да будет тебе, Прок! - хохотнул Мамай. - Хотел бы - уже бы снова тебя во что-нибудь превратил бы! Считай, что на этот раз всё обошлось. Просто мысли свои выражай поточнее - чтобы ясность была с самого начала. А то мало ли...

И подмигнул ему через костер.

Пеколс смутился и потупил взгляд.

- Да, так почему Медейна так ни разу и не спросила о заколке? - снова напомнил Лиго.

И вдруг, озаренный какой-то мыслью, схватился за грудь, где в кожаном гайтане лежал дар волхва.

В земника тут же вперилось три пары глаз.

Дрожащими пальцами барздук развязал гайтан - и облегченно вздохнул. В бардовых отблесках костра замерцала своим загадочным глубинным светом древняя заколка - и в какой-то миг даже показалось, будто голова птицы, венчающая навершие, вот-вот встрепенется и оживет.

- Ну, вот тебе и ответ, Прок, - ухмыльнулся Мамай.

И Пеколс, сидевший дотоле с открытым ртом, вдруг громко клацнул зубами.

- Смотри, Пеколс, есть будет нечем, - хохотнул Мартин, но тут же осекся.

- Хвала светлым богам и тресветлому солнцу, - сказал Лиго и тихонько добавил: - А всё же Прок прав - почему бы заколке не остаться в Заячьем лесу? Ведь там бы вы, великие волхвы, и перековали бы ее на оружие против Вра...

- Тихо! - вдруг грозно рявкнул чародей. - Не произноси это имя больше!

А вокруг вдруг на мгновение уплотнилась тьма - и тут же снова поредела.

- Прости, мой мальчик, - покачал головой Мамай.

И полез в костер за веткой прикурить свою трубку.

И лишь пыхнув снопом искр из нее, чародей продолжил:

- Друзья мои, Медейна - да, сестра богов, великая владычица лесная. Но даже и она судьбу не в силах изменить. Нам несказанно повезло, что мы попали в ее волшебные владения и заглянули в священный родник - и хоть многое мне еще неясно, могу сказать одно: уже только то, что я увидел в вещих водах, вселяет надежду. А потому и хочу у каждого из вас узнать, кто и что видел в волшебной чаше древнего источника? Лишь вместе из осколков этих видений мы можем сложить узор грядущего - и узреть его.

И замолчал.

Костер тихо потрескивал, отражаясь на лицах земника и чародея багровыми бликами. И оттого эти лица затерянных в глубине лесной чащи путников выглядели грозными и суровыми.

- Скажи, мой мальчик, видел ли ты, что заколку перековали? - спустя время, спросил чародей у Лиго.

Лиго закрыл глаза - и перед ними снова предстала та самая картина: удручающая жара, пламя в раскаленном добела горне, мерно вздымаются кузнечные меха. И перезвон двух молотов - "каль-вис" и "те-ля-вель". И что-то хватают щипцами живое из огня - и опускают в воду. И раздается тонкий, за пределами слуха пронзительный свист. И от этого свиста земника вдруг разбирает неистовый ужас и страх - он закрывает уши, стараясь избавиться от него. Но свист тонко и навязчиво сверлит слух, разбиваясь

сотней хрустальных осколков в голове.

- Тьфу ты, - вдруг раздается голос Мартина. - Сырая ветка в костер попала!

И дружинник вытаскивает из пламени свистящий сук. Свист постепенно сходит на нет.

Лиго открывает глаза и смотрит вокруг.

- Так что тебе привиделось, мальчик мой? - ласково спрашивает его Мамай.

- Ее... перековали... - чуть слышно произносит земник и снова закрывает глаза.

А губы его шепчут "каль-вис"...

- Что? Что ты сказал? - вдруг встрепенулся Мамай. - Повтори, Лиго!

И чародей даже привстал, во все глаза глядя на земника.

- Каль-вис... - непонимающе говорит Лиго. - Так звенели молоты в кузне, что я слышал - каль-вис и те-ля-вель...

- Хвала святым богам! - вдруг радостно воскликнул чародей.

И вскочил со своего места.

Земники изумленно воззрились на него.

- Радуйтесь, друзья! - возбужденно говорил Мамай. - Грядущее нам приоткрыло покрывало тайны - есть надежда, есть!

И радостно потер руки.

И лишь поймав недоуменные взгляды барздуков, чародей еще раз подмигнул им и, усаживаясь на свое место, спросил:

- Вы хоть знаете, что означает этот сон? Кальвис и Телявель - так зовут двух дивных кузнецов, что живут далеко на юге, в Самоцветных горах. И если заколка попала к ним - а Лиго это ясно видел - то грозное оружие богов будет отковано вновь! Хвала тресветлому солнцу!

И будто понимая его слова, костер вдруг стал гореть ярче, освещая всё вокруг.

А когда возбуждение улеглось, Лиго сказал:

- Но я также видел и снежную вьюгу среди зимы - и будто я бреду куда-то вслед за рыцарем в широком плаще. Но это был не ты, Мамай...

И земник вздохнул, умолчав, как жалобно в ушах звучало имя чародея, словно он погиб безвозвратно.

На чело Мамая вдруг налетело легкое облачко неведомой грусти - но он тут же смахнул его, будто бы не обращая внимания.

- Кто был тот витязь, Мамай? - тихо спросил Лиго.

- Время покажет, - отрезал чародей. - Могу сказать одно - он друг, раз шел ты вслед за ним по снегу. Игра богов неведома нам, смертным - какие хитросплетения они еще готовят нам впереди?

И пыхнул своей трубкой. И когда клочья густого дыма

окутали чародея, Мартину вдруг показалось, что он снова держит в руках чашу у святого источника и делает глоток из нее. А когда поднимает взгляд, то кажется ему, будто это и не Мамай вовсе перед ним - а сидит, покачивается на своем бронзовом троне среди клубов воскурений толстая жирная уродливая туша, и мерзко смеется, тыча в него волосатым и коротким, словно сосиска, пальцем в ярких перстнях. "Укоротить на голову этого недомерка!" - ревет страшная туша и показывает в гнилозубой улыбке свой черный рот. И смрад, и вонь исходят из этой страшной пасти, смешиваясь с чадом воскурений степных трав. А вокруг ревет в животном неистовом смехе толпа немытых потных тел в разноцветных ватных халатах и вывернутых наружу звериных шкурах, мерзко гогочет и подобострастно смотрит в рот своему ужасному повелителю.

- Что видел ты в источнике, Мартин? - вдруг раздается повелительный голос чародея.

И дружинник снова приходит в себя, сбрасывая пелену видений с глаз.

- Я видел битвы ...и плен... - тихо говорит Мартин Бубилас. - Свой плен... Как вели меня на аркане по степи, и ужасно болели ноги, сбитые в кровь. Я видел страшную яму, куда плескали помои прямо на голову. И страшные ночи в палатке палача. И мерзкий смех его уродливого властелина - и мой отказ служить ему. А затем...

И Мартин закрывает глаза.

- А затем... - продолжает он прерывающимся голосом, - затем казнь... Моя казнь...Вы верите? Я видел свою казнь!

И земники смотрят на своего друга расширенными от ужаса глазами. Лишь один Мамай спокоен - загадочно блестят его глаза за костром.

- И вот, когда кривой меч уже занесен над моей головой, - вдруг наполняется силой голос дружинника, - тогда вдруг раздается свист стрелы - и падает палач. А вслед за этим всю степь и стан пленивших меня людоловов вдруг наполняет звонкий клич! И несется белая конница, разметая врага в пыль, и сверкают их островерхие шлемы, и грозно вздымаются копья и мечи. И чья-то рука выдергивает меня со плахи - и вот несет меня длинногривый конь и белый всадник далеко-далеко по степи. Туда, где за ее окоемом у полноводной реки возносится в небо белокаменный дивный град с золотыми вершинами башен. И там, на зубчатых стенах, среди суровых и дивных воев, стоите вы все!

Мартин замолкает - и переводит дух. Воспоминания свежи - как будто он еще у источника в лесу Медейны, а не рядом с друзьями в ночном лесу у костра.

Дружинник молча вытирает выступившие на лбу бисеринки испарины. И смотрит на друзей.

- Это всё? - строго спрашивает Мамай, пристально глядя на земника.

- Да... - отвечает Мартин и почему-то опускает глаза.

Ибо ему вовсе не хочется рассказывать, что у спасшего его всадника выбиваются из-под шлема длинные золотые кудри и что его спаситель - неземной красоты волшебная дева из старинного рода воителей. И в ее глубоких синих глазах земник готов утонуть навсегда...

Мамай тайком улыбается в свои усы и покачивает чубатой головой.

- Ты видел торков, друг мой, - говорит чародей. - Мерзкое племя людоловов пленило тебя. И спасся ты лишь благодаря налету всадников славного племени будинов, что живут у Ладоны-реки, которую гауты называют Танаксом. А град тот белокаменный зовется Белой Вежей, или Асградом. Потому что будины выводят свою родословную от асов или ясуней - так звались наши боги в изначальные времена. И рассказывают, что недалеко от него растет Ирийское дерево, что так похоже на то единое и самое первое Предковечное Древо. И лишь только кто срубит это дерево, священный оберег Будинского княжества - как тут же падут белокаменные стены дивного града, и тьма затопит степь... Вот потому и стоят будины последним светлым оплотом в Диком Поле. Но как странно играет нами судьба! Ведь это так далеко от того места, куда мы идем...

И Мамай крепко задумался, глядя в костер.

А когда снова поднял глаза - встретился со взглядом Лиго.

- Да, мой мальчик, - говорит чародей. - Ты что-то еще хочешь сказать?

Лиго кивнул и, опустив глаза, тихо произнес:

- Я тоже был у Белой Вежи в своих видениях... И там был Он...

И земник в ужасе закрывает глаза, словно спасаясь от ужаса и рева налетевшего с неба огненного змея.

- Я знаю, мой друг, - шепчет Мамай, - я знаю...

И снова пристально смотрит в костер.

А затем. Встрепенувшись и хитро улыбаясь, говорит:

- А что виделось досточтимому Проку Пеколсу?

И лукаво подмигивает ему.

А старый слуга от неожиданности даже поперхнулся - и так и застыл, не зная, что сказать.

- Ну же, Прок, - торопил его Мамай. - Или язык проглотил?

Но Пеколс всё еще сидел с открытым ртом.

- Вот чудеса, да и только, - рассмеялся чародей. - Когда не

надо, так Пеколс со своим языком тут как тут. А здесь - прям молчун, да и только.

Наконец луга прокашлялся и выдавил из себя:

- Да так, ничего особенного...

И уставился в костер.

Трещат дрова, сыпятся искры, мелькают красные языки пламени, играя на лицах путников и обдавая их жаром. И кажется Пеколсу, что это не лесной костер вовсе - а горит и пылает кругом чуть не вся степь! Кричат люди, звенит металл - идет кровавая сеча в глубокой ночи. А когда светает - над пожарищем встает серое зимнее утро, и сыпется сверху белая пороша, будто стараясь скрыть следы ночного побоища под белым целомудренным покрывалом. И тают вдали - то ли за горизонтом, то ли на самом краю неба - белые всадники, сливаясь с тяжелыми сизыми облаками, нависшими над степью плотной непроглядной пеленой. "Да, не так мы представляли себе первый снег..." - мрачно говорит чей-то голос. А другой, осипший, ему вторит: "Скоро будет вьюга - что-то слишком рано наступила зима...". И показывает рукой в небо, где собираются тяжелые тучи. "Лекарь-то хоть живой?" - снова спрашивает первый голос. "Да вроде бы... - отвечает первый и наклоняется над земником, прислушиваясь. - Дышит - значит, живой...". "Хоть это хорошо - ему-то лекарь как раз и нужен", - говорит второй голос. И затем - лишь мерный плеск весел, которые то вздымаются вверх, то вновь опускаются в ледяную жижу за деревянным бортом.

- Что ты видел, Пеколс? - спрашивает у старого слуги Лиго.

Но Прок лишь пожимает плечами - ибо о том, что он видел, ему и признаться-то стыдно. Потому что перед ним лежало чье-то бездыханное тело, и он хлопотал вокруг него с каким-то заезжим из далеких краев чудаковатым странником. А на дощатом столе лежала рукопись - и выведенные рукой самого Пеколса буквицы гласили: "Дивная повесть о невиданных похождениях одного земника за горы и моря, а также о делах чародейских и их искусном умении". И рядом с именем самого Прока Пеколса почему-то стоит еще одна подпись - но какая, так и не разобрать.

Мамай в ответ лишь притворно грозит пальцем старому земнику - но не говорит больше ничего. И сидит, попыхивая трубкой - совсем не обращая внимания на вновь сжавшегося земника.

- Мамай, а что видел ты? - вдруг раздается голос Мартина.

Но чародей словно во сне поднимает на него глаза - и только легонько пожимает плечами.

И снова грызет свой чубук, и снова смотрит в костер.

И чудится самому чародею, что это и не костер вовсе в лесу - а пылает камин в уютной горнице. И сидит молодая красивая женщина, и прядет дивную пряжу. Ловко жужжит и крутится у нее в руках веретено, бежит и струится тонкая ниточка, готовая вот-вот оборваться. Но нет - в руках ослепительной девы не рвется, не путается, а льется тонкой серебряной паутинкой волшебная нитка, наматываясь на веретено.

А затем... Вдруг вспыхивает камин - и вместе с ним лицо южного витязя. И напротив него - горят алым пламенем рубиновые губы, которые шепчут: "Мамай, Мамай, мы не можем быть вместе..." И горячо целуют его в чело, а нежные ладони гладят упрямую чубатую голову.

"Ты весь в огне, Мамай... - шепчут губы. - Испей воды..."

И тонкие руки протягивают ему чашу с хрустальной жидкостью.

Глоток... Другой... И всё исчезло - всё затопила тишина. И темнота...

Хруст под ногами, сырые стены, низкие своды, о которые бьется голова. И вдруг сзади - топот шагов, и крики, и вой. Звон металла - мерцают сабли и мечи, вышибая друг из друга искры. А затем - водоворот и пена волн. И стрелы сыпятся с берегов. И последний бой. Как вдруг - тонкое жало меча под лопаткой. И обжигающе леденит всё тело...

И снова - тишина и мрак. А в ушах бьется назойливый стишок:

Пойдете к солнцу по болоту,
По земле и под землей.
Там сокровища найдете
Под лесистою горой.
Диво дивное вас встретит
За туманною рекой,
Но к Сечи вы не пробьетесь
Ты погибнешь под водой...
Ты утонешь, славный витязь,
У далеких берегов,
Чтоб друзей спасти, воитель,
Ты пожертвуешь собой...

Смотрит в костер Мамай, думу думает. Исковеркали его чело глубокие борозды морщин, прорезали, будто острым лезвием. Как сказать это земникам? Как?

И вдруг - снова видение. Целуют горячие губы его лоб - и разглаживаются морщины. А пламенные уста еле слышно шепчут: " Не всё, что увидел - сбудется... Твоя нить - не только в руках богов, но и в моих руках. Я не дам ей оборваться..."

И снова - уютная горница, и трещит очаг. И сидит молодая красивая женщина, и прядет дивную пряжу. И смотрят друг на друга две пары глаз - смотрят не отрываясь. И готовы так смотреть друг на друга целую вечность...

- Мамай, Мамай, что с тобой? - вдруг вторгается в видение обеспокоенный голос Лиго.

Чародей открывает глаза - его тормошит за локоть испуганный земник, стоя рядом.

Мамай стряхивает с себя пелену наваждения и упрямо мотает головой.

- Что видел ты в чаше Медейны? - спрашивает Лиго.

И чародей слабо улыбается ему и говорит:

- Всё хорошо, мальчик мой. Я видел только хорошее.

- Правда ли это? - пристально смотрит на него барздук. - Я тебя таким еще никогда не видел.

- Всё в порядке, Лиго, - уже тверже говорит Мамай. - Просто я увидел трудную дорогу.

И снова смотрит в костер.

И отрывается свой взгляд от него лишь тогда, когда кто-то негромко кашлянул. Это снова Лиго.

- Чего тебе, мальчик мой? - спрашивает его чародей. - Уже и так всё ясно - завтра мы идем на юг. Дорога мне известна...А там, там...

И снова замолкает.

- Что там, Мамай? - настойчиво спрашивает его Лиго.

Чародей вздыхает и, нарочито подмигнув, говорит:

- А там, милые вы мои барздуки, все наши сомненья разрешатся. Там, на юге, за далекими Лесистыми горами, в суровом Диком Поле у Непры-реки мы встретим друзей - много друзей. Это славные степные рыцари, запороги! И ежели вы видели в своих виденьях чудесный Белый град - то и отважные витязи будины также будут на нашей стороне. И они, эти друзья, нам помогут отыскать и дивных кузнецов, и отковать вновь, как в славные былые времена, волшебную стрелу - наше грозное оружие. Но всё это будет потом. А сейчас - спать!

И, пыхнув напоследок своей трубкой, потушил ее. А разом с ней погас и костер.

ГЛАВА 9

НА ЮГ

Созревали ягоды в лесах Земиголья, отцветали душистые липы и наливались соком плоды земные - лето уже перевалило за середину. Ехали таясь, лесными укромными тропами, чтобы не попасться никому на глаза. Ночевали в лесу, лишь изредка

захаживая на затерянные в чаще хутора барздуков за продуктами, каждый раз придумывая себе новые прозвища и заготовленный рассказ, что занесло земников в такую даль. В людские поселения носу не казали - дабы не вышло чего. Хотя иной встречались случайно на лесной неторной тропе с угрюмыми лешаковатыми неманскими мужиками, которые долго и пристально провожали мрачным взглядом странных путников - троих барздуков и знатного витязя.

Лесной большак полого поднимался вгору. Били копыта в землю, вьюжилась под ними бурая мелкая пыль, въедливо оседала на сапогах да переметных сумах. Кони пофыркивали, крутили мордами, встряхивали гривой, кося по сторонам черными глазами. Леса вдоль дороги вокруг стояли сумрачные - вздымались к небу заматеревшие огромные деревья, скрипя на ветру. Посекло их время морщинами, прорезало глубокими шрамами - висит клочьями отопревшая кора, в щели набилось праха немеряно за долгие века. Крепкие дубы раскорячили свои узловатые толстые ветви, с которых свисали длинные бороды серых лишайников. А чуть дальше, за стеной буков и грабов, время от времени слышался треск иссохших старых олешин. Угрюмо и тоскливо было вокруг - лишь высоко над головой простиралась синяя бездонь неба.

- Чем дальше от людей - тем меньше хлопот, - говаривал Мамай и тут же подмигивал: - Ну а с остальным я уж как-нибудь разберусь.

Земники только удрученно вздыхали - чародей не дозволял нигде подолгу задерживаться и торопился вперед.

- Эх, попить бы пивка, - жаловались друг другу земники. - А то покинем Земиголье - и неведомо еще, когда снова в пенную кружку заглянем.

- Не робей, барздуки! - подбадривал их чародей. - Есть на последнем рубеже одна славная корчма - туда и заглянем на прощанье. Пиво там достойное варят - не хуже, чем у вас на хуторах подают.

- Ну, это еще неизвестно, - ворчал Пеколс, - что там за пойло стряпают. Может, его и пить-то вовсе нельзя.

- А вот скоро и проверим, - улыбался чародей и вновь подгонял своих товарищей.

- И куда это только мы торопимся? - возмущался под нос Пеколс.

- На юг, - отшучивался Мамай.

Но земники косились на него, ничего не говоря.

- А что там, на юге? - спрашивал бывало у чародея Лиго Бирзулис. - Какие там земли и страны? Какие царства и

государства?

Мамай смотрел на него хитро и, улыбаясь в свои длинные усы, говаривал:

- О, там дивные земли, Лиго. За Лесистыми горами лежит большая красивая страна, что звалась раньше Русколанью. Раскинулась она широко на зеленых холмах и светлых чащах, вдоль буйных рек и задумчивых озер, в которых вода прозрачная и сладкая, будто утренняя роса. И жил там раньше златовласый и яснооkий народ, чудесные стрелки из лука, хлебопашцы и бортники. Высокие и статные, в белых одеяниях, расшитых узорочьем, всем своим видом они напоминали волшебных Дивов - и, как поговаривают, были с ними даже в родстве. С гуслями и луком за плечами, отважно они проходили лесные пущи и селились на их окраинах, наполняя своими чарующими песнями всю округу. И от этих звонких песен даже самые дремучие чащи становились намного светлей. А черные тени прятались куда подальше, а то и вовсе исчезали. Вот какова была сила их песен, наполненных то радостью и весельем, то неземной тоской и волшебной томительной грустью. Из далеких далей приходили к ним гости, дабы хотя бы один раз в своей жизни услышать их дивные напевы - и даже птицы лесные замолкали при перезвоне струн их солнечных гуслей, перенимая чарующие песни чудесного племени яснооких искусников слова.

Мамай замолк на время, а затем снова продолжал:

- А дальше, за Русколанью, на многие дни пути пролегло суровое Дикое Поле - и тянется оно до самого Чермного моря с пенными барашками волн. Шумят те два моря - синее да зеленое, из вод упругих да трав степных, и бегут по ним от ветров-затейников волны во все стороны. А травы в том Дикополье - сочные да густые, и такой вышины, что всадник с конем может запросто в них спрятаться, не то, что зверь степной. Вот какие там травы!

И чародей мечтательно закрывал глаза.

- И пасутся в том необъятном Диком Поле разные невиданные животные - туры, тарпаны и кабарги, и несть там числа всякой другой живой твари, что себе свободно находит поживу в тех вольных полях, - рассказывал Мамай, покачиваясь в седле. - А еще там огромными табунами кочуют дикие кони, что зовутся огыри. Взращенные степной вольницей и ветром, они и знать не знают ни узды, ни стремени - и мчатся такие кони, словно птицы летят! И скорее они погибнут в неволе, нежели пустят к себе на спину седока. Поймать такого дикого коня - уже большая удача. А вот приручить да сделать другом - то и вовсе не всякому удается. Но ежели иногда это случается, то такой конь становится твоим

самым верным товарищем - и выручит тебя из любой напасти, и придет на помощь в самую лютую годину. Мой Белогрив - из той породы сказочных диких коней.

И чародей гладил по холке своего надежного друга.

- И вот в то Дикое Поле издавна ходило на промысел разный ясноглазое племя Русколани, и селилось там, и приручало тех степных огырей, делая своим друзьями, - продолжал чародей. - И пело то племя и глубокому бездонному небу, и необъятному зеленому полю свои чарующие песни. И даже море умолкало, слушая их. И выходили из тех яснооких людей чудесные всадники и удивительные кормчие, что запросто покоряли просторы и степные, и морские. И так продолжалось долго-долго, многие века - и слава Русколани той древней звенела по всем окрестным землям. И принимали дальние и ближние страны их обычаи и песни - и как друзей и братьев принимали у себя само это дивное златовласое племя...

И умолк Мамай, задумался о чем-то - только глубокая темная черта прорезала его суровое чело. Молчали и земники, не смея нарушить думы чародея.

Взбивали пыль на лесных дорогах копыта коней, отмеряя версту за верстой. Мелькали по сторонам леса и рощи родного Земиголья, убегая назад и куда-то вдаль, словно унося с собой частицу души каждого земника. Можно, можно было еще воротиться назад! Но вот имел ли кто из путников на это право? И потому, вздохнув тяжко лишний раз, барздуки лишь покрепче сжимали поводья своих пони.

А дороги расстилались вперед серыми лентами сбитой копытами пыльной земли, путались между собой, спорили на перепутьях и перекрестках, еле-еле ползли вверх по крутым склонам и стремительно уносились под окоем на лугах и холмах.

Пойдете к солнцу по болоту,

По земле и под землей.

Там сокровища найдете

Под лесистою горой...

Так говорил Мамай земникам пророчество Медейны, благоразумно умолчав о второй его части.

- Что это значит? - пожимали плечами барздуки.

- А значит это вот что, - терпеливо объяснял чародей своим спутникам. - Пойдете к солнцу - значит, на юг, в полуденную сторону. Собственно туда, куда мы и идем.

- Ну, а болото ты где видишь? - улыбался Мартин и показывал рукой на залитые солнцем перелески и опушки.

- Дослушай же, вот непоседа! - смеялся витязь. - Экий ты нетерпеливый - до болота мы еще не дошли. Это в Занеманье

будут тебе болота, дружок. И через них нам и надобно будет перебраться.

- Гиблое место, смею заметить, - ворчал Пеколс. - Наслышаны мы здесь у себя всякой жути про те места.

- Никак обойти их стороной не получится? - спрашивал Лиго.

- Никак, - мотал чубатой головой чародей. - Разве что через земли Ордена Меченосцев или Темную Пустошь. Слыхал о таких?

- Ну, уж нет, увольте, - рассмеялся Лиго. - Ни туда, ни туда мне как-то не хочется.

- Ага, и мне тоже, - кивнул, соглашаясь Мартин. - Лучше уж через болота тогда, по Занеманью. Хотя место тоже еще то - страху натерпеться запросто можно, а то и вовсе пропасть ни за понюшку.

А Пеколс себе под нос, чтобы никто не слышал, бурчал:

- А мне так и вообще никуда не хочется...Послушай меня барин, сидели бы сейчас на Пригорках да хлебали бы себе пенное пиво, и ни о чем не тужили бы вовсе. А так вместо пива только и знай, всякие напасти расхлебываем.

- Что ты там ворчишь, Прок? - подмигивал ему Лиго. - Если не согласен с чем, так и скажи.

- Ага, скажешь тут, как же, - с опаской косился Пеколс на чародея.

- Ну, вот и славно, все со всем согласны, - улыбаясь, весело подытожил Мамай.

Земники рассмеялись, дружески похлопывая по спине старого слугу. Пеколс покраснел и сердито надул щеки, стараясь не обращать внимания на поддевки товарищей.

- А что там про сокровища в горах сказано в твоем пророчестве? - немного погодя, спросил у чародея Мартин.

- А вот перейдем сперва болота Занеманья, да доберемся до Лесистых гор - там и видно будет, что дальше делать будем, - ответил Мамай.

- Мы что, под землю полезем? Б-р-р... - поежился Лиго. - Да и сокровищ нам за глаза уже всяких хватает!

И, хлопнув себя по груди, где хранился кожаный гайтан с заколкой, рассмеялся.

- Ты бы, мальчик мой, был бы поосторожней с даром волхва, - нахмурил брови Мамай. - Волшебные предметы, они, знаешь ли, и с подвохом могут быть, и с норовом со своим!

Лиго осекся - и прислушался. Но заколка не давала вовсе о себе знать - лишь только легкая тяжесть в гайтане на шее напоминала о том, что она все еще на месте.

Мамай лишь покачал головой - и, пришпорив своего коня, ускакал вперед. Земники рысью припустили за ним.

***

Верно люди говорят - сколько ни хоронись, а правду не спрячешь. Нет-нет, да и вылезет она, как шило из мешка.

Так и путники - как ни скрывались они лесными тропами, как ни береглись от людского любопытного ока, а все ж таки попались они на глаза перехожим. Заодно и дали им повод посудачить - кто, да что, да за каким делом едут эти четверо.

Когда послеобеденный зной залил всю округу жидким раскаленным маревом, когда дрожал, изнемогая от жары, расплавленный воздух вдоль дорог, когда даже пыль лениво поднималась из-под копыт в своей полуденной дремоте, слуха путников вдруг достиг конский топот. Сперва глухой и далекий, он становился всё громче и громче, быстро приближаясь. И не успели земники с чародеем даже переглянуться, не то, что перемолвиться словом-другим, как из-за холма на них чуть не налетел отряд всадников.

- Тпру-у-у! - вовремя закричал передовой и вздыбил своего жеребца.

А сзади закрутились, зафыркали и заржали кони, послышались крики и звон оружия. И затем среди поднятой копытами пыли раздались недовольные голоса:

- Что за леший! Кого там еще черт несет по этой дороге?!

И лишь когда пыль немного улеглась, путникам наконец удалось рассмотреть, кто на них чуть не налетел на проторенной тропе.

Высокий статный всадник на гнедом жеребце, с узким длинным кончаром в ножнах у левого бока, осаживал своего коня, крепко сжимая поводья. Видимо, из-за жары одет он был только в белую полотняную камизу и легкую, изящного плетения кольчугу без рукавов. Сзади, в переметных сумах, угадывалось и остальное снаряжение всадника - виден даже был шишак островерхого шлема с золотистой насечкой, что выдавало знатное положение его хозяина. А сзади него напряженно всматривались в путников конные ратники с прапорцами на копьях и с притороченными к седлам щитами, на которых красовался великокняжеский знак - на белом поле шестиконечный красный крест с процветшими навершиями.

- Кто такие? - грозно закричал на них передовой.

Мамай выехал вперед и, поглаживая по холке своего Белогрива, ответил:

- Мы - мирные путники, едем вот по своим делам к Порубежью...

Всадник смерил их взглядом, и, насмешливо поджав губы, хмыкнул:

- Мирные говорите? А вот оружия только на вас, милейший, на целый мой отряд хватит - не говоря уж о ваших слугах.

При этих словах Лиго и Мартин тотчас же вспыхнули, но чародей предупредительно поднял руку, чтобы они молчали.

- Так ведь и времена-то неспокойные, сударь, - сказал Мамай. - Без оружия, как говорится, ни шагу.

И широко улыбнулся.

- Странные вы весьма путники, смею заметить, - оценивал их взглядом передовой, сдерживая коня.

- Это еще почему? - с невозмутимой улыбкой спросил чародей.

- Судя по вашей выправке, милейший, вы отнюдь не мирный странник, - сказал всадник и тут же, как бы невзначай, спросил: - Так по какому, говорите, делу едете к Порубежью?

- А я и не говорил, по какому, - безмятежно посмотрел ему в глаза Мамай.

Взгляд чародея обычному человеку вообще выдержать трудно - ну а ежели такого, как Маркисуат, то и вовсе нет никакой возможности. Так и сейчас - всадник тут же отвел глаза, удивляясь сам себе и грызя от досады губы.

То, что встретившиеся ему путники были не просты, ох как не просты, передовой понял сразу же. Но понимал он также и то, что им предъявить вроде бы как и нечего. А заниматься самоуправством на дороге Великого Княжества было весьма небезопасно - а вдруг как перед ним государевы люди и едут они по очень важному и безотлагательному делу? За такое ведь по головке-то не погладят. А потому и решил он разъехаться со странными путниками подобру-поздорову.

И, всё еще кусая губы и отводя глаза в сторону от пронзающего, словно стрелы, взгляда чародея, всадник сказал:

- Вот что я вам скажу, сударь - вы бы поосторожней были в этих краях! Сегодня ночью границу со стороны Ордена Меченосцев прорвали несколько волколаков - неровен час, наткнетесь еще на них. Да и разбойнички, говорят, тоже пошаливают нередко в этих краях. Я бы на вашем месте съехал бы с лесной тропы на широкий тракт - так безопасней будет. Ежели, конечно, дело ваше позволяет вам ехать не лесными потайными тропами, а у всех на виду.

И еще раз смерил взглядом путников.

- Благодарю покорнейше за предупреждение, сударь, - кивнул головой Мамай. - Учту обязательно ваш совет!

И посторонился к закраине дороги, сделав знак своим товарищам пропустить отряд вперед.

Ратники, сжимая в руках свои копья с прапорцами,

тронулись, по-прежнему оценивающе глядя на встречных путников. Но земники твердо смотрели им в глаза, положив руки на свои кистени да топоры, заткнутые за пояс. Кое-кто из всадников даже хмыкнул надменно, глядя с высоты человеческого роста на вооруженных крепышей на небольших лошадках: "Ишь ты, какие бородатые вояки-недомерки!" Но в ответ тут же получил от Лиго и Мартина такую же безмолвную презрительную ухмылку: "А не хочешь ли, каланча, узнать, как мы тебя укоротим?"

Но порядок в строю был железный - а потому и дальше обмена язвительными взглядами да улыбками дело не пошло. Так и ехали мимо рослые рыжеусые конники, взбивая копытами пыль - только трепыхались прапорцы на древках копий.

Поравнявшись с чародеем, передовой вдруг натянул поводья, а когда его гнедой зафыркал и остановился, всадник повернулся к Мамаю и спросил:

- А вы случаем ничего необычного не видели по дороге?

- Нет, сударь, - развел руками чародей. - Иначе всенепременно сообщил бы вам тут же!

- Ну, что ж, и на том благодарю, - кивнул передовой и, бросив еще один быстрый взгляд на барздуков и Мамая, пришпорил коня.

- Счастливого пути! - донеслось уже издалека сквозь гул копыт.

- И вам легкой дороги! - крикнул вслед чародей, похлопывая своего Белогрива.

Топот копыт постепенно стихал, удаляясь всё больше и больше. А когда пыль окончательно осела, путники переглянулись между собой.

- Итак, друзья мои, что мы имеем? - спросил Мамай и весело посмотрел на земников.

А когда ответа не последовало, чародей хмыкнул и сам же стал говорить:

- Во-первых, что через кордон пробилось не несколько волколаков - а довольно большая стая. Иначе зачем же на поимку всего нескольких тварей отправлять целый отряд?

- Ну да, с парой-тройкой волков запросто справился бы в одиночку любой пограничный разъезд, - согласно кивнул Мартин. - Такой вооруженный отряд и посылать было бы незачем!

- Верно! - улыбнулся Мамай. - А тут еще и разбойники эти - зачем нам лишние хлопоты? Так что передовой их дело говорит - зря рисковать сейчас не стоит, и надо бы подумать, как съехать на широкий тракт.

- Так ведь ты же сам говорил, что нужно затаиться как можно

лучше, - сказал Лиго. - А тут вот берешь и так запросто предлагаешь нам всем на глаза вдруг показаться!

- И это тоже верно, мальчик мой, - усмехался чародей. - Но ведь если хочешь что-то хорошенько спрятать - то лучшего места, чем у всех на виду, и не найти вовсе!

Барздуки переглянулись и вопросительно посмотрели на чародея.

- Это как еще? - спросил Мартин. - Это где ж такое место найти?

- А вот это и есть во-вторых, друзья мои! - подмигнул им Мамай. - Потому что нам только что подсказали, как нам быть.

- И как же? - спросил Лиго и покрутил головой: - Что-то я никак в толк не возьму.

- А очень просто, - ответил чародей. - Я для всех буду знатным вельможей, а вы - моими пажами, оруженосцами или, на худой конец, моими телохранителями.

И широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами из-под густых смолистых усов.

Лиго от удивления даже не нашелся сразу, что и сказать.

А вот Мартин воскликнул:

- Да уж, всё с ног на голову перевернулось! Мы - и твои телохранители? С ума сойти!

И весело хохотнул.

- Ну да, весьма остроумно, я бы сказал, - наконец пришел в себя Лиго и, повернувшись к Пеколсу, спросил: - А ты, Прок, кем желаешь быть? Пажем или оруженосцем? Потому что, старина, ты уж прости, но на телохранителя ты явно не смахиваешь!

И также рассмеялся.

Но Пеколс только буркнул:

- А мне всё едино, кем меня назовёте...

И, отвернувшись, махнул рукой.

- Неувязочка будет, сударь Мамай, - вдруг подал голос Мартин.

- Это еще какая? - взметнул брови вверх чародей.

- Да не тянем мы на телохранителей такого знатного витязя, как вы, - ответил дружинник. - Правду, как вы говорите, сколько не таи, а все равно она наружу вылезет. И народ быстро смекнет, что здесь не один, а целых два знатных лица - вы и господин Лиго. Вот и начнут судачить, зачем это мы скрываемся. А нам лишние подозрения ни к чему. Так что пусть будет, как будет - едут по своим делам две важных особы, а мы, так сказать, сопровождающие их лица. А куда едут, зачем - кому какое дело?

- Хм, а ведь Мартин дело говорит, - сказал Лиго. - Лучше уж просто имена себе другие придумать, а остальное оставить как

есть.

- Ну, вот и славно, господа барздуки, давайте на этом и порешим, - подытожил чародей. - А новые прозвища да причину путешествия себе по дороге придумаем.

И тронул поводья своего Белогрива.

И вскоре путники исчезли за холмом, обсуждая подробности своего нового перевоплощения, которое, увы, им на самом деле так и не сгодилось толком. И знай они вдобавок, что в этой лесной чаще они совсем не одни - то и в своих разговорах были бы намного осторожней!

Ибо когда топот копыт затих окончательно, из зарослей на окраине лесной дороги осторожно выглянуло странное существо - сгорбленный в три погибели мужичок с какой-то вытянутой вперед плутовской рожей и бегающими колючими глазками. Повертев своей приплюснутой с боков головой туда-сюда и убедившись, что вокруг никого, мужичок, отряхиваясь и покряхтывая, вышел на закраину тропы.

А следом за ним продрался из колючих густых кустов красномордый диковатый детина с дубиной на плече.

- Ну, что, братец, думаешь? - скрипучим голосом спросил мужичок и как-то странно, совсем по-звериному почесался.

- Эти, как их, барздуки на лесной дороге, да вдобавок еще с какой-то важной птицей из людей - чудеса, да и только! - прогудел детина и покрутил своей башкой.

- Ну да, ну да, - закивал головой человечек, - как-то совсем не схожи эти подорожные на вельможу и слуг. А ведь какое-то дельце их да свело вместе, вот в чем вопрос! Тут бы покумекать надо хорошенько, что да как. Может, и разжиться удастся неплохо.

- Кумекать - это ты у нас горазд, - пробасил детина. - А моё дело - бац! - и башку в землю вбить!

И дубина со свистом рассекла воздух.

Мужичок сердито покосился на своего товарища и сказал:

- Ты палицей-то своей допрежь не размахивай шибко. Видал вон, сколько ратников на поимку отправили? И еще неизвестно, за кем на самом деле они охотятся - за нами или же за какими-то волколаками. Смекаешь, о чем я?

- Я вот тоже думаю, что байку эту они выдумали загодя, - сказал детина и, широко зевнув, добавил: - А на самом деле про нас и вынюхивают.

- Именно, - кивнул человечек, снова подозрительно глядя по сторонам.

- Так чего делать-то будем? - снова зевнул красномордый. - Может, перестренем тех четверых - да и порешаем сразу с ними

Чего тянуть-то?

И снова взмахнул дубиной.

- А ежели эти вздумают вернуться? - и тщедушный мужичок указал глазами в сторону ратников. - Это тебе не с тремя коротышками в лесу с глазу на глаз беседовать. Да и этот, четвертый, что с ними - подозрительный какой-то. Не нравится он мне шибко, вот что я скажу.

- А с чего это он тебе нравиться должен? - осклабился детина. - Голову с плеч - и все дела!

- Э, нет! Ты ж меня знаешь - моё чутье еще никогда не подводило, - шмыгнул носом мужичок и снова стал чесать себе бок.

Детина покосился на него и проворчал:

- Ну, ты голова - делай, как знаешь. Только не тяни долго - а то уже тоска смертная сидеть по лесам без дела-то!

Мужичок посмотрел на него колючими глазками и, немного подумав, сказал:

- Давай-ка поступим вот как. Ты вали, да побыстрей, коротким путем в корчму к старому мельнику - всё едино они его не минуют и остановятся у него на ночлег. Да и осмотрись там - ежели чего, и нашего брата туда на дело скликаешь. А я вот покамест за отрядом этим пригляжу - а то как бы заместо волколаков они нас самих на копья не насадили бы.

И, еще раз ожесточенно почесавшись, как-то вприпрыжку, низко наклонившись к самой земле и чуть ли не загребая пыль своими скрюченными руками, прытко побежал за скрывшимся отрядом ратников.

Детина туповато посмотрел ему вслед и, крякнув, снова скрылся в зарослях.

ГЛАВА 10

СТАРЫЙ МЕЛЬНИК

Солнце клонилось к закату, когда трое земников подъехали к высокому частоколу, за которым угадывался постоялый двор. Облезлая вывеска гласила: "Корчма "Старый мельник".

Вместе с барздукам к тыну подъехало еще несколько телег с неманскими мужиками, которые за пол-дня, проведенных вместе с земниками на большаке, уже малость попривыкли к ним и не обращали на них никакого внимания.

Мартин, не слезая со своего пони, подъехал вплотную к кованым воротам и, взявшись за массивное кольцо, трижды громко стукнул.

Со скрипом отворилась вырезанная в частоколе створка смотрового оконца и сиплый голос спросил:

- Кто будете, судари любезные?

И гулко закашлялся.

- Барздуки мы из Земиголья, едем по торговым делам, - сказал Мартин.

Из оконца высунулся красный шишковатый нос и, покрутившись туда-сюда, просипел:

- Что вы - барздуки, в этом нет никакого сомнения, это я вижу. А вот по торговым ли делам - вот это вопрос...

И гнусаво засмеялся.

- Ты бы, дражайший, поменьше бы разговаривал - а лучше бы открыл свои ворота, да и впустил бы путников на ночлег, - начинал сердиться Мартин.

- А ежели не пущу, тогда что? - снова высунулся нос. - Ночевать в лесу будете?

И снова мерзко захихикал.

Мартин стал закипать от гнева, но подъехавший к самым воротам Лиго тронул его за локоть, успокаивая.

- Нет, разлюбезный, в лесу ночевать мы не будем, - сказал Лиго и, достав из-за пояса монету, внушительно покрутил ее перед красным носом привратника.

Тот высунулся чуть не наполовину сквозь свое узкое оконце и жадно вперился взглядом в серебряник.

- Я, между прочим, сюда на то и поставлен хозяином, чтоб отшивать непотребных гостей! - снова загундел привратник. - Время сами знаете какое! Потому мне и удостовериться надо, что вы - лица порядочные...

- Ну а теперь удостоверился? - нетерпеливо спросил Мартин. - Давай не тяни время - отворяй ворота!

- Вам-то я отворю, а эти-то кто будут? - и нос кивнул на угрюмых мужичков, молча сгрудившихся у своих телег. - Небось, не ваши?

- А тебе какое дело, если плачу за всех? - спросил Лиго. - В пути мы с ними познакомились - простой народ, хлопот вам не доставят.

Привратник пожал плечами, мол, хозяин барин, и нырнул в свое оконце. А через мгновение заскрипели несмазанные засовы на воротах и те тяжело и грузно открылись, впуская на подворье вереницу возов с неманскими мужиками и троих барздуков.

А когда за последней телегой закрылась створка, привратник дернул за рукав одного из подорожных мужичков и тихо спросил:

- Ишь ты, важные птицы эти барздуки, как я погляжу! А ты давно ли их знаешь?

Мужик пожал плечами и буркнул:

- Да прибились к нашей веренице опосля за полдень - прям из

лесу выехали. Токмо их тогда четыре было - но тот, четвертый, вскорости и ускакал вперед. Тоже, судя по одёже, не из простых будет он.

- Ишь ты, вот оно как... - тихонько присвистнул привратник с красным носом.

- Да ты, дядя, не сумлевайся - чудь эта лесная, сразу видно, самая что ни на есть порядочная будет. И деньжата, как ты сам убедился, у нее водятся - так что расплатятся они за всё тут сполна. Внакладе твой хозяин не останется - это я точно тебе говорю!

- А что ж так, порядочная - а из лесу прямёхонько к вам и выехала? Порядочные люди по лесам не шляются ведь...

- А это не нашего с тобой ума дело, - отрезал мужичок. - Мало ли за какой надобностью они в лесу были. А что к нам прибились, в том ничего необычного нет - сам ведь знаешь, какие дела вокруг творятся. Сейчас, дядя, без подорожного каравана никак нельзя.

И, выдернув рукав, пошел вслед за своей скрипучей телегой.

- Хм, четвертый, говоришь, был... - почесал в затылке привратник и, шмыгнув носом, стал запирать засовы на воротах, говоря сам себе: - А ведь ежели он вперед ускакал, то и здесь он быть должен раньше этих трёх. А раньше-то ведь и никого тут такого не проезжало, сходного по описанию. Странное дело, однако - надо бы побыстрей доложить хозяину, как бы чего не вышло.

И, осмотрев через оконце дорогу, не едет ли кто еще, захлопнул смотровую створку и трусцой шмыгнул в хозяйский дом.

Мартин тем временем, привязывая своего пони у крыльца корчмы, тихонько сказал Лиго:

- Смотри, привратник побежал докладываться хозяину - и думаю, как раз про нас.

- Ну и ляд с ним, - пожал плечами Лиго. - У него работа такая - смотреть да докладывать. А меня сейчас совсем другое волнует...

- Да уж, работёнка у этого красноносого - не обзавидуешься, - хохотнул дружинник и подмигнул Пеколсу.

И, снова повернувшись к Лиго, спросил:

- А волнует тебя-то что?

- Когда вернется Мамай - вот что, - сказал Лиго и совсем тихо добавил: - И вернется ли он вообще?

И пошел в дверь.

Пеколс и Мартин только недоуменно переглянулись - и последовали за ним.

***

Корчма встретила земников шумом и гамом, дымом трубочного зелья и пережаренной стряпни, звоном стеклянных бутылей и оловянных тарелок. Никто и не глянул, что вошли барздуки - ибо кому какое было дело до всяких подорожних, что останавливаются на одну только ночь в этих краях, да и едут себе дальше по своим неведомым делам. Это одиноким бродягам да скитальцам были интересны такие же, как они сами колоброды - чтобы вместе скоротать вечерок, подымить трубочкой, посасывая винцо, да обменяться парой-тройкой сплетен, прибившихся ветром в эти места. И то эти одиночки-шатуны время от времени зыркали друг на друга мельком, осторожничали в словах, дабы не ляпнуть про себя чего лишнего. Ибо кто знает, что за человек сидит перед тобой? И не встретит ли он тебя завтра в укромном местечке с кистенем, позарившись на твой нехитрый скарб? А потому такие вот бродяги и вовсе не любопытствовали, когда в корчму заходила небольшая компания - мало ли что у нее на уме? - и старались обходить ее подальше, что было в общем-то на руку нашим земникам.

Шустрый служка, сразу заприметивший от дверей входивших барздуков, быстро подсуетился и освободил им колченогий столик, выпихнув куда подальше парочку захмелевших колобродов.

- Чего изволят господа? - заюлил служка перед барздуками, смахивая не первой свежести тряпкой крошки и лужицы со стола.

- Еды перво-наперво, - хмуро сказал Мартин, сердито осмотревшись вокруг. - И пиво, если у вас его можно пить.

Служка широко осклабился, мелькнув почерневшим зубом.

- Пиво у нас самого отменного качества, господа, попробуйте - не пожалеете! - затараторил он.

- Гляди, как бы тебе затем не пожалеть, ежели вместо пива у вас тут пойло подают, - тоже широко улыбнулся дружинник, но при этом недобро покосился на свой меч.

- Что вы, что вы! - замахал руками служка. - И пиво, и стряпня у нас самые лучшие на всю округу!

- Еще бы, - ухмыльнулся Пеколс, - особливо ежели на всю округу никакой другой забегаловки и нет вовсе.

Служка было нахмурился, но тут в разговор встрял Лиго, до этого задумчиво сидевший за столом.

- Не обращайте внимания на моих друзей, любезнейший, - сказал он. - Это они так шутят - устали с дороги.

И пнул под столом Мартина.

- Несите всё самое лучшее, что посчитаете нужным! И вот еще что - ежели заранее позаботитесь о нашем ночлеге, мы будем вам весьма благодарны.

И тихонько звякнул деньгой в мошне.

Служка охотно закивал головой, заулыбался снова и побежал на кухню.

Лиго проводил его взглядом и, повернувшись к своим спутникам, спросил:

- Ну и какого лешего вы стали его задевать? Имейте ввиду - нам излишнее внимание совсем ни к чему. Особенно до возвращения Мамая - а он что-то задерживается.

И снова нахмурился.

И было от чего. Ведь как только выехали из лесу на тракт после встречи с ратниками, чародей стал заметно нервничать, как будто что-то заприметил. Но от всех расспросов умело уходил - так что в конце концов Лиго замолчал вовсе и перестал ему докучать.

Нагнав на тракте вереницу телег, Мамай тут же углядел старшего в этом обозе, и, недолго дожидаясь, сразу взял быка за рога.

- День добрый, славные дольники! - приветствовал чародей угрюмых мужичков, осторожливо косившихся на догнавших их странных путников.

- Видали и добрее, - хмуро ответил старший и потрогал за поясом свой топор.

- Вы уж простите нас, - улыбался мужичку чародей. - Не возьмете ли в компанию подорожную до корчмы старого мельника меня и моих друзей? А то ведь времена лихие нынче - добрым людям один к одному сходиться нужно, путешествуя по лесам.

- А что ж вы до этого ни с кем не сходились? - деловито заметил старший в обозе, не сбавляя своего размеренного шага.

- Да была причина, покуда ратников не повстречали, - улыбнулся Мамай, зная природную упертость и недоверчивость неманских жителей. - Вот и решили внять их совету - да и выехать на тракт к людям.

- Ну, выехали - дальше-то что? - спросил мужичок. - Мы вас и знать не знаем. Так чего ж вы хотите?

Мамай хохотнул и понял, что без чар здесь никак не обойтись. Слово за слово, немного, самую толику колдовства - и вот уже через несколько минут старший в обозе, дивясь сам себе, разрешил земникам и чародею остаться с ними.

А еще через некоторое время, когда их появление уже ни у кого не вызывало ни удивления, ни лишних вопросов, отозвал в сторонку Лиго и сказал:

- Мальчик мой, я сейчас вынужден буду вас покинуть - но не переживай, не надолго.

- Это как еще - покинуть? - изумился земник.

За всё прошедшее время он уже привык считать чародея своим неразлучным спутником. И его внезапный отъезд поверг барздука в немалое беспокойство.

- Я тебе еще раз говорю, не волнуйся, - уже настойчивей повторил Мамай. - Я мог бы, конечно, обойтись с тобой, как с этими мужиками, и навеять немного чар - но не буду. Просто скажу, что мне очень необходимо вас покинуть на некоторое время - надеюсь, до вечера я вас догоню.

- А как же мы? Что нам делать? Дальше-то куда? - залепетал было Лиго, но чародей остановил его одним только взглядом.

- Езжайте прямо, вместе с обозом. Думаю, не ошибусь, если скажу, что солнце еще не уйдет за небокрай, а вы уже свои бороды будете мочить в пивных кружках в корчме "Старый мельник"! - улыбнулся Мамай. - Там мы с вами и встретимся. Возможно, если всё благополучно, к вашему приезду я уже буду вас там ждать...

- Если всё благополучно? - воззрился на него Лиго. - А если нет?

- А если нет, мой мальчик, - я сделаю всё, чтобы стало благополучно, - твердо ответил чародей с нажимом на последние слова.

И выразительно посмотрел на земника.

- И когда нам тебя ожидать? - снова спросил Лиго, опустив взгляд.

- В таком случае я буду позже, возможно вечером или даже ночью, - сказал Мамай. - Но даже если я не вернусь к утру, всё равно без меня ни шагу - лучше останьтесь на денёк на отдых в корчме. Уж к концу следующего дня я точно буду с вами.

- Но...

- Никаких возражений, Лиго, - сказал Мамай. - Езжайте с обозом до самой корчмы, отдыхайте и набирайтесь сил. Но только лишнего ничего не ляпайте языком и вообще, держитесь подальше от всех разговоров и расспросов с чужаками. И если вдруг почуете недоброе что-то - хотя искренне надеюсь, что до этого всё же не дойдет - лучше старайтесь быть у людей на виду. И еще - всё время держитесь друг дружку!

И, махнув рукой, умчался вперед.

- Куда это он? - только и успели моргнуть глазом Мартин и Прок.

Но Лиго только молча пожал плечами. И лишь спустя время пересказал своим друзьям разговор с чародеем.

Так и ехали они вместе с обозом до самой корчмы весь остаток дня, удивляясь резкой перемене, происшедшей с их

маленьким отрядом. И даже сейчас, сидя за столом в ожидании сытного ужина, Лиго ломал голову над тем, куда и зачем запропастился чародей, и успеет ли вернуться он к вечеру?

***

Раздумья земника прервал громкий звон стеклянных кружек с шапками белой пены.

- Оп-ля-ля! - весело сказал служка. - А вот и пиво, чтобы развеять вашу грусть, сударь!

И со стуком поставил кружки на стол.

- Пожрать бы тоже не мешало, - буркнул Мартин. - А то сейчас захмелеем с голодухи. А голодные земники, братец - ух, буйные во хмелю!

И подмигнул служке, опять как бы невзначай лязгнув мечом у пояса.

- И ужин будет сей же миг! - не обращая внимания на притворные угрозы барздука, сказал служка и снова исчез, появившись буквально через мгновенье с полным подносом снеди.

- Ух, ты! - только и смог промолвить дружинник, глядя на дымящиеся блюда.

А Пеколс только молча сглотнул слюну.

- Ну, гляди, братец, ежели всё и взаправду так вкусно, как выглядит - будут тебе от меня лично щедрые чаевые! - сказал Мартин, жадно пожирая глазами стряпню.

- Нисколько в этом не сомневаюсь! - осклабился служка и добавил: - Приятно провести время!

И шустро исчез.

- Ну-с, господа барздуки, не вешать нос! - воскликнул Мартин. - Сидим в шумной корчме, в кружках плещется пиво, а на столе сытный ужин - всё как в старые добрые времена! Так давайте за это и выпьем!

И дружинник поднял свою кружку.

- Сударь, не грустите, - сказал Пеколс, глядя на своего хозяина. - Вернется еще Мамай...

- Тсс, - вдруг округлил глаза Лиго и опасливо посмотрел по сторонам. - С ума сошел что ли, Прок? Договорились же держать язык за зубами и не называть друг друга настоящими именами...

- Да? - вдруг рассмеялся Мартин. - А его-то ты как сейчас только что назвал?

И весело толкнул Лиго.

Тот хмыкнул и, покрутив головой, улыбнулся.

- Да ну вас, - только и сказал Лиго, и тоже поднял свою кружку.

Мартин расхохотался и провозгласил:

- Чтобы больше никогда не попадать впросак!

И земники с размаху стукнулись - да так, что пивная пена полетела во все стороны. После чего накинулись на горячий ужин - и громко затрещали кости на их крепких зубах.

- Вот тебе и чудь лесная! - рассмеялись вокруг. - Сами с виду вроде малыши - а вот пожрать губа совсем не дура!

Но барздуки не обращали на окружающих никакого внимания, наминая с дороги местную стряпню и вспоминая былые посиделки в кабачках и трактирах Земиголья.

- Эй, малыши! - окликнули земников из-за соседнего столика, когда барздуки отвалились от стола и задымили своими трубками. - Вы откуда такие будете?

Но Мартин, пнув тихонечко под столом своих товарищей, хитро отмалчивался, приготовив шутку для острослова.

- Ну, чего молчите, малыши? - снова подали голос.

- А нам с посторонними мама с папой разговаривать не велят, - ответил Мартин и, громко отрыгнув, выпустил кольцо сизого табачного дыма.

Вокруг все покатились со смеху.

- Ишь ты, какие языкастые малыши, - отозвался из-за соседнего столика острослов, по виду походивший не то на лесного охотника, не то на егеря. - И откуда такие берутся?

И с вызовом посмотрел на земников.

- А это ты опять-таки у мамы с папой спроси, - съязвил Мартин к всеобщему гоготу корчмы.

Шутник покраснел от ярости и хотел было вскочить с места, но тут ему на плечо опустилась могучая тяжелая лапа.

- Сиди, паря, и не задирайся, - прогудел густой бас. - А не то вылетишь отсель в два счета, как пробка из бутыли.

Острослов тут же покорился и опустил взгляд - ибо хозяин этого голоса был человеком во всех отношениях удивительным. И земники во все глаза глядели на него.

У соседнего стола стоял огромный, медвежьего вида человек с густой и огненно-рыжей бородищей до самого пояса. Крупный нос картошкой выпирал прямо из огненных зарослей широченных усищ, а над ними пронзительно сверлил гостей взглядом единственный ярко-голубой глаз, вторую же половину лица пересекала черная засаленная повязка. А вот вопреки дремучей волосатости лица, голова этого великана была напротив, совершенно лысой и иссиня выбритой, и в левом ухе сверкала начищенная до блеска тяжелая серебряная серьга. Общий вид грозно подчеркивала пара изогнутых гигантских ножей, заткнутых за широкий кожаный пояс. Это и был тот самый старый мельник, хозяин одноименной корчмы, человек непростой и

удивительной судьбы.

Пришел он в эти края невесть откуда - и вид у него уже тогда был самый что ни на есть разбойничий. Ни с кем особо дружбы не водил, разговоров не вел. Поселившись в свое время на отшибе в нечистом месте, он сперва устроил запруду на лесной реке и соорудил мукомольню. Над ним тогда много кто подсмеивался втихаря, а кто и подшучивал в открытую, крутя пальцем у виска, мол, ничего у тебя не выйдет здесь - больно место он выбрал гиблое да лихое. И так оно и было в первое время - то запруду прорвет и затопит, то на мельничном колесе лопасти все переломает или запутает до невозможности речными водорослями, а то и вовсе без видимой на то причины всё начнет портиться и гнить. Смекнул тогда этот странный чужак, что дело тут нечисто. И решил или выпровадить куда подальше чертей, что ему мельницу портили, или взнуздать их как следует и заставить работать на себя.

Сказал - сделал. Как уж он это всё провернул, как ему это всё удалось - то никому не ведомо. Душу он в преисподнюю продал или что другое - это неизвестным осталось. Но как-то вдруг все его напасти и невзгоды прекратились - и зажил он припеваючи. И мельница стала крутить свои колеса и день-деньской, и вдобавок ночь напролет. И потянулись к нему со всей округи возы да телеги на мукомольню. Брал мельник за работу недорого, дело своё знал справно, и прибыток его рос вгору. Да только чтоб отвадить всяких завистников, тяжеленные мешки кидал он на телеги, словно играючись - будто показывая всем своим видом: а ну-ка, попробуй сунься за чужим добром - враз тебя самого на муку измельчу!

А вслед за мельницей для постояльцев хозяин и корчму сколотил вскорости - и со временем стала она известной на всю округу, да так, что потянулись уже не только на мукомольню, но и на хмельное зелье к мельнику мужички да странники всякие. А вскорости и сам тракт как-то незаметно вроде бы ответвился сперва в сторону мельницы с корчмой, а затем и вовсе навсегда сделал петлю к этому месту. Ну а раз тракт сам переместился к корчме - то тут уж сам бог велел и постоялый двор срубить. А чтоб неповадно было всяким злоимцам да лиходеям шкоду учинить какую, обнесено это было всё высоченным острозубым тыном из дуба.

Понятно, что такой деловой разворот многим глаз колол да резал, спать ночами спокойно не давал. Да только невесть каким образом, а мельник быстро давал укорот всяким злодеям да завистникам - и не просто давал, а нагонял на них прямо-таки нечеловеческой жути, чтоб неповадно впредь соваться сюда было.

Оттого и пошли байки всякие, что, мол, обнюхивается старый мукомол с самой нечистой силой, а то и сам в услужении у нее ходит - а чертяки рангом поменьше ему всю работу и делают, и незваных гостей отваживают, и деньгу к деньге сколачивают, да ее же и берегут от завистников всяких. Мельник никого и не разочаровывал, а только посмеивался в свою огненную бороду да переиначил на свой лад старую пословицу, которая в его устах звучала теперь так: "С чертями жить - самому чертом быть!" И всем своим лихим обликом будто подчеркивал эту самую близость - и рожа разбойничья, и сам вида грозного, да еще и крив на один глаз.

И вот этот медвежьего вида могучий человечище сейчас нависал над земниками огромной скалой.

- Ну-с, птахи лесные, малыши-бородачи, кто такие будете? - прогудел своим басом мельник. - Только, чур, не врать - а то вмиг выпорю да чертям на съеденье отдам!

Барздуки неуютно поежились и с опаской взирали снизу на эту огромную бородатую глыбу.

- Мы - земники из Земиголья, сударь... - промямлил Мартин, с которого былую браваду как рукой сняло.

- Ага-ага, вижу я, что вы не лешаки и не дивы, - закивал головой хозяин корчмы, сверля их своим единственным глазом. - Хотя эти последние что-то давненько в наших краях не объявлялись. Чего не скажешь о первых.

И ухмыльнулся в свою бородищу.

Земники на миг задумались, как это следует понимать слова хозяина, но тот быстро спросил:

- Присесть рядом с вами изволите, господа?

И, не дожидаясь ответа, грузно опустился на своевременно подставленный служкой массивный стул. Дерево под мельником натужно скрипнуло.

- Ну, так кто такие будете? - сверлил их взглядом ярко-синий глаз. - Как звать-величать знатных гостей?

- Мы это... по торговым делам... - тихо сказал Лиго и опустил глаза, почему-то покраснев.

- Ну да, по торговым, - ухмылка не сходила с лица хозяина корчмы и он по очереди смотрел то на одного, то на второго, то на третьего барздука. - А торгуете хоть чем, судари вы мои разлюбезные? Товары ваши где?

Земники молчали.

- Ну, судя по тому, что вы тут кошельком звените налево и направо, дела ваши совсем неплохо идут, не так ли? - спросил мельник. - Наверное, распродались хорошо - да и возвращаетесь восвояси с прибытком.

И снова в ответ тишина.

Мельник ухмылялся, глядя на покрасневшую троицу.

- Ну ладно, молчите, дело ваше, - кивнул головой мельник. - Только вот последний вопрос - куда вы дружка своего четвертого спровадили, а?

И, судя по тому, как земники изумленно вздрогнули, мельник заулыбался еще больше.

- Что, думали, сидим мы тут и не знаем, что на шляхе делается? - наклонился к ним хозяин и зашептал чуть не в самое ухо. - Думаете, до нас слухи о разбое не доходят, да?

И, окинув съежившихся барздуков победным взглядом, мельник продолжил:

- Да здесь, голуби вы мои лесные, только об этом и гутарят, что ни день - то там обоз разбили, то здесь путников на осину вздернули. Так-то!

Лиго краска еще больше ударила в лицо и он, подняв на мельника налитые гневом глаза, вдруг зло сказал:

- Вы себя в зеркало видели, любезный, что нам про разбой тут рассказываете? Уж не ваших ли помощничков рук дело?

И земник твердо посмотрел в единственный глаз хозяина корчмы.

Мельник откинулся на стуле и с интересом оглядел Лиго.

- Ух, ты, храбрый какой, - улыбнулся он. - Сразу видать, что белая косточка да знатная кровь. Ишь, как закипел! Вот оно и выяснилось, кто тут за старшего. Ну и заодно, что вы ни по каким торговым делам и не смыслите!

И мельник, улыбаясь, посмотрел на барздуков, а затем спросил, снова наклонившись к ним:

- Ну, так куда путь держите, голуби?

Но земники упрямо молчали.

- Ну, как знаете, господа хорошие, - спустя время сказал мельник. - Я вас предупредил - не озорничать и не баловаться, никого не задирать шутками да острым словом, деньгой зазря не швыряться, чтоб завистников на себя не накликать. Народ тут разный ошивается, тёртый да матёрый. Одному вы уже в глаза попали, заприметил он вас, цепляться начал. Еще слово-другое - глядишь, и заваруха бы началась. Так вы вместо благодарности меня самого в разбойнички записали!

Мельник широко осклабился, обнажив сквозь густую бородищу ряд крупных желтых зубов.

- Ну, я бы его живо заткнул! - вскинулся Мартин, схватившись за рукоятку меча.

- Ну-ну, не горячись, малыш! И не нужно чуть что, хвататься за свой ножичек! - примирительно, но в то же время полушутливо

сказал мельник, а затем, оглядев его с ног до головы, спросил: - Небось, дружинник? Из военных?

И, почесав своей огромной лапой лысую синюю башку, спросил:

- Это кто ж у вас там сейчас в Земиголье заправляет-то? Никак толстяк Бортень? Ну, передавайте поклон этой старой кадушке - много в нее и пива, и вина влазит!

И громко расхохотался, перекрыв гул корчмы.

У земников только рты и пооткрывались.

Мельник еще раз посмотрел на них повеселевшим глазом и сказал:

- Вот что, голуби мои, я вас предупредил - а там делайте, как сами знаете. Куда вы идете, меня на самом деле волнует мало. Главное, что здесь вы в безопасности и можете, ежели что, пересидеть какое-то время, дожидаясь своего четвертого дружка. Видать, нелегкая вас выгнала из дому, раз так далеко завела. Ну, да моё дело - сторона. Но ежели что, зовите смело - барздукам я завсегда рад, шибко нравится мне ваш мелкий народец. А за то, что острастки на вас навел - так за это простите великодушно! Пошутил малость - мы люди дикие, живем в глуши, манеры нам неведомы.

И мельник развел руками. А затем, встав со стула, сказал перед уходом:

- Когда отдыхать надумаете, кликните служку - покои ваши уже готовы. И если что, вам и ужин, и завтрак, и обед туда подадут. И за пони своих также не беспокойтесь - их уже почистили и накормили.

И, кивнув еще разок, мгновенно исчез в сизом дыму прокуренной галдевшей корчмы.

Земники изумленно смотрели ему вслед.

- Вот те раз! - только и смог вымолвить Прок. - Ежели этот мельник старину Бортня знает, то и Мамай ему тоже ведом...

- Тсс... - сделав страшные глаза, зашипел на него Лиго.

- Ай, да брось ты, - махнул на него Мартин. - И пол-дня не прошло, как нас уже вывели на чистую воду. Еще минут пять беседы - и эта плутовская рожа запросто бы сообщила нам свои собственные имена!

Лиго не нашелся, что и сказать - а только крякнул и с досады почесал голову.

А затем, посмотрев друг на друга, земники невесело рассмеялись.

ГЛАВА 11
ГДЕ МАМАЙ?

Утро выдалось мрачным и тусклым. Серый рассвет лениво разводнял мглу, просеиваясь в капельках дождя. Моросило еще с ночи, накрапывало. Тихонько, но монотонно стучало по крышам, по слюдяным занавешенным оконцам, вгоняло в сонливость и скуку, навеивало тоску. Небо всё обложило плотными тучами - без просвета, без единого проблеска. Дождь, судя по всему, обещал идти весь день, словно кого-то оплакивая.

И у земников на душе было также противно и тяжело - будто кошки скребли. Чародей вчера так и не появился.

То ли из-за непогоды, то ли из-за охватившего мрачного настроения, но вставать вовсе никому не хотелось. Лиго ковырял пальцем в стенке, отвернувшись от окна, весь во власти скверных мыслей. Мартин лениво разглядывал моросящий за окнами дождь, а Прок, натянув одеяло по самый нос, отстраненно смотрел, как трудяга-паук прядет свои серые узоры на деревянном потолке.

И если бы не тихий стук в дверь, троица и дальше продолжала бы валяться на кроватях.

Земники переглянулись - на их лицах появилось некоторое оживление. Лиго вскочил и, как был, голопятый, в длинной спальной сорочке, метнулся к двери.

Но его радостное предчувствие тут же улетучилось, словно дым - на пороге стоял давешний служка. Лиго сошел с лица, и мрачные мысли снова охватили его. Он, шаркая, протопал к кровати и тяжело завалился на нее.

Служка какое-то время с интересом смотрел на голые ноги барздука, так напоминавшие гусиные лапы, а затем, словно отгоняя наваждение, потряс головой и, улыбнувшись, сказал:

- Утро доброе, милостивые судари! Как провели ночь?

Мартин хмыкнул, но вполне миролюбиво ответил:

- Да за ночь спасибо, отдохнули хорошо. А вот утро могло бы быть и получше.

Служка развел руками:

- Ну, тут уж ничего не попишешь - природа-с!

Мартин снова хмыкнул и натянул одеяло на себя, вопросительно глядя на служку, мол, зачем пожаловал.

Тот с полувзгляда понял намек и тут же спросил:

- Не желаете ли завтракать?

- Разве что в постель, - улыбнулся Мартин и посмотрел на своих товарищей.

Лиго так и лежал, отвернувшись к стенке, всем своим видом показывая, что ему всё равно. А вот Прок заметно оживился и засопел.

Служка улыбнулся про себя и ответил:

- Изволите здесь откушать? Тогда я подам завтрак наверх через пару минут.

И, уходя, как бы невзначай через плечо бросил:

- На вашем месте, судари, я бы всё-таки запирал за собой двери. И перед тем как их открыть, не мешало бы спрашивать, кто за ними находится. А то мало ли что...

И быстро протопал вниз к лестнице.

- Вот тебе на! - захлопал глазами Мартин и тут же подскочил к двери.

Посмотрев по сторонам, дружинник пожал плечами, но дверь тем не менее запер на засов.

- Странная корчма какая-то, - сказал Прок, снова закладывая руки за голову.

- Да, что-то такое тут есть, - кивнул Мартин. - Хозяин сам на разбойника похож - хотя вроде владыку Бортня знает. А ежели хотел бы нас прирезать - уже бы мы, как миленькие, валялись бы где-нибудь в сточной канаве или в лесу под корягами, и никакие запоры тут бы не помогли.

- Это точно, - широко зевнул Прок, закрывая глаза.

Мартин с интересом посмотрел на него, а затем, растянувшись в улыбке, сказал:

- Слышь, Пеколс, ты, я смотрю, вконец обнаглел! Вылеживаешься здесь, будто кумушка на сеновале. Кто из нас слуга? А ну, живо вылезай из-под одеяла да подай кувшин с водой - умываться самое время!

Пеколс вскочил, будто ужаленный, и недовольно буркнул:

- Ну, кому слуга, а кому и нет вовсе...

Но, тем не менее, потянулся за своей одеждой.

Мартин хмыкнул и мотнул головой.

И в этот миг Лиго вдруг застонал и схватился за грудь.

Мартин и Прок тут же бросились к нему.

- Что, что случилось? - наперебой загалдели они.

Лиго лежал с расширенными от боли глазами, сцепив зубы и затаив дыхание. А затем, будто его внезапно выпустили из когтистых лап, шумно выдохнул и сел на кровати, тяжело дыша. Лоб земника покрылся капельками холодного пота.

- З-з-заколка... - еле вымолвил он, растирая грудь.

И посмотрел на друзей виноватыми глазами.

Дрожащей рукой Лиго полез за пазуху и осторожно вытащил оттуда кожаный гайтан с подарком волхва.

Земники ахнули - гайтан был весь покрыт инеем, будто только что вынутый из глубокого ледника. Лиго не верил своим глазам - и опасливо, путаясь дрожащими пальцами, стал развязывать его.

Из гайтана пахнуло морозом - и студеный воздух выпорхнул оттуда стылой белесоватой испариной. Заколка льдисто синела в глубине, будто сморщившись в размерах - и чуть слышно подрагивала, будто в нее саму кто-то вонзил свою когтистую лапу.

Студеный воздух вышел. Иней на гайтане стал понемногу оттаивать - и вместе с ним стала оттаивать и заколка, замерцала еле слышной теплой искоркой где-то далеко в глубине.

- Вот тебе раз... - чуть слышно прошептал Мартин. - Что это было-то?

Лиго хорошенько потер грудь, еще раз шумно выдохнул и осторожно пошевелился. Ноющая боль, что всё еще держала земника в своих руках, также постепенно сходила на нет.

- Вы в порядке, хозяин? - стал трясти его за плечи насмерть перепуганный Пеколс.

Лиго немного посторонился, отводя руки старого слуги.

- Уже всё хорошо, - сказал Лиго и затем, прислушавшись к себе еще раз, добавил: - Ну, или почти...

- Ты точно в порядке? - переспросил Мартин, внимательно глядя на товарища. - Может, лучше полежишь немного?

- А я что делаю? - слабо улыбнулся Лиго и, завязав гайтан, снова спрятал его на груди.

Мартин осторожно указал на заколку и спросил:

- А ежели эта штука снова тебя схватит?

Лиго пожал плечами:

- Ну что ж, значит, так тому и быть.

И, повернувшись к Пеколсу, сказал:

- По-моему, там кто-то грозился воды принести для умывания?

И, видно было, что через боль, подмигнул.

Пеколс мигом метнулся в угол за тазом и водой, и стал сливать своему хозяину.

Лиго потер глаза, поплескал себе в лицо и потянулся за услужливо поданным рушником.

- А мне? - спросил Мартин.

- А вы, сударь, и без моей помощи как-нибудь обойдетесь! - отрезал Пеколс.

Мартин хмыкнул и стал шумно плескаться и фыркать над медным тазом, разбрызгивая во все стороны воду.

- Я смотрю, друже, тебе мало луж за окном, - улыбнулся Лиго, глядя на дружинника, - так ты решил их завести еще и прямо здесь!

Но Мартин только хохотнул в ответ - вытереть пол, по его мнению, было кому.

И в этот миг снова раздался стук в дверь - а затем весь дом и подворье будто взорвались: кто-то истошно закричал, с треском захлопали двери, громко затопотали тяжелые башмаки по лестницам, всё вокруг наполнилось невероятным шумом и гамом.

Земники переглянулись. Мартин мокрыми руками схватил меч и резко распахнул дверь. За ней уже никого не было - от служки уже и след простыл. Вокруг суетились и бегали постояльцы, не понимавшие, что происходит. А на пороге, чудом не затоптанный множеством ног, стоял поднос с дымящимся завтраком земников.

***

Утро, и без того мрачное, было испорчено окончательно.

Решили спуститься вниз да разузнать, что случилось.

В корчме стояла несусветная суматоха - кто-то бегал, кто-кто кричал, и земников пару раз чуть вовсе не сбили с ног. Наконец Мартин крепко ухватил за локоть пробегавшего мимо щуплого невзрачного мужичонку и, хорошенько тряхнув, спросил:

- Что стряслось-то?

Мужичок щурил сверху осоловелые глазки на наглого земника, но, поскольку и сам ростом был ненамного выше любого барздука, дернулся разок-другой и, наконец, промямлил:

- А это, ночью тут закололи одного постояльца...

- Ночью? Здесь? - страшно выпучил глаза Мартин.

А Лиго и Прок поневоле схватились за свои секиры.

- Ну не прям здесь, - зашамкал мужичонка, утирая сопливый нос, - а недалече, за воротами в лесу. И обоз, говорят, какой-то тоже разбили на тракте.

И вдруг снова резко дернулся. На этот раз Мартин его не смог удержать, и мужичонка шустро юркнул между столами и помчался к выходу, что-то ворча на ходу и недовольно оглядываясь.

- А кого зарезали хоть? - крикнул ему вдогонку дружинник, но мужичок уже испарился за дверью.

Мартин зло сплюнул под ноги.

- Витязя, говорят, знатного какого-то закололи, - вдруг над самым ухом сказал чей-то голос. - И не просто так, а, бают, целая стая волколаков.

Земники вздрогнули от плохого предчувствия и быстро оглянулись - за столом сидел вчерашний острослов в темном плаще и пыхтел своей пенковой трубкой, с какой-то жесткой хитринкой посматривая на барздуков.

- А тебе откуда то ведомо? - спросил Мартин, твердо выдерживая взгляд незнакомца. - Ты там был что ли?

Острослов вспыхнул на миг, а затем, затянувшись трубкой,

шумно выпустил струю густого и едкого табачного дыма. И сквозь сизые клубы до земников донеслось:

- А вы-то что вскинулись, а? Никак, его и поджидали вчера? Ну-ну...

И, не то хрипло закашлявшись, не то рассмеявшись, будто собака лает, незнакомец встал и, махнув черным плащом, вышел в дверь, не оборачиваясь.

Барздуки застыли на месте, переглядываясь между собой.

- Не связывайтесь вы с этим Мелехом, - сказал сзади другой голос. - Одни только хлопоты себе наживете...

И из-за спин барздуков вышел служка.

- Вот еще! Нужен он нам больно, связываться с ним! - смерил его взглядом Мартин.

- Ну, сударь, моё дело маленькое - вас предупредить, - развел руками служка. - А там смотрите сами. Просто глаз на вас он уже положил - а это недобрый знак, попомните моё слово.

- Ну, это мы еще посмотрим, - задиристо ответил Мартин.

Но тут в беседу вмешался Лиго и осторожно спросил:

- Скажи-ка, любезный, а что про этого погибшего витязя слышно-то?

Служка пожал плечами:

- Да ничего особенного как-то. Говорят, не доехал буквально пары-тройки верст до нашей корчмы - нарвался не то на волчью стаю, не то на самих, будь они неладны, волколаков. Силы неравные были - зарезали его ироды, по мелким кусочкам разнесли, вот...

Лиго тихо опустился на стул.

Служка с любопытством уставился на него:

- А что, знакомец какой сударя будет или как?

Но Лиго его уже не слышал - мрачные мысли снова нахлынули на него и, весь снедаемый плохими предчувствиями, земник невзначай схватился за грудь, где висел гайтан с подарком волхва. Но заколка молчала, никак не давая о себе знать - как будто бы и не было ничего утром, когда сердце земника внезапно схватила когтистая лапа острой ледяной боли.

"Неужели Мамай? - думал барздук. - И вот так глупо? Не доехав пары верст до постоялого двора? Вот так вот просто и обыденно погибнуть от засады волколаков? Не может быть!"

Земник сидел, свесив голову.

А служка продолжал бубнить:

- Это еще хорошо, что у нас тут порядки строгие и засовы крепкие - не токмо на ночь, но и днем мы запираем ворота. Хозяин в энтом вопросе спуску никому не даёт! А так, не дай боги, уже б эти твари и здесь порезвились бы от души. Но

побоятся, сюда не сунутся - старого мельника вся округа знает! Так что вы не сумлевайтесь, здесь вам спокойно отдохнется...

Мартин, глянув на свесившего голову Лиго, вдруг зло спросил служку:

- Здесь... А там, за воротами - спокойно ли?

И кивнул за частокол.

Служка недоуменно пожал плечами.

- А я почем знаю? - сказал он.

- Почем, почем... - вдруг взъярился дружинник и, наступая на служку, шаг за шагом стал зло говорить: - А может, и знаешь как раз! Может, вы тут сами себе и свили кубло разбойное, да присматриваете себе путников да постояльцев, чтоб затем их в лесу встретить да поживиться!

Служка, хлопая глазами, попятился назад.

И тут сверху словно громыхнуло басом, да так, что и служка, и земники поневоле спрятали головы в плечи - таким неожиданным и сильным был этот рявкнувший голос:

- Ты говори, парень, да зря не заговаривайся!

В корчме, вызывающе сложив руки на груди, стоял рыжебородый одноглазый мельник, великаном возвышаясь между столиками.

Медленной грузной поступью, аж половицы заскрипели под тяжестью его могучих шагов, хозяин корчмы приблизился к барздукам и вперил в них свой единственный глаз, налитый гневом.

- Вы, чудь лесная, чересчур уж бойкие малыши - и на язык, как я погляжу, тоже, - сказал мельник, нависнув над ними. - Но вот что я вам скажу - лучше-ка попридержите свои рассуждения при себе, пока они вам не вышли боком.

Мартин и Прок так и стояли, втянув головы в плечи. Один только Лиго, казалось, безучастно сидел на стуле, погруженный в свои мрачные раздумья.

Мельник внимательно посмотрел на него, засопел сердито и вдруг, наклонившись, что-то шепнул ему на ухо. А затем, еще раз смерив барздуков суровым взглядом, сказал:

- Вы бы не путались здесь под ногами, покуда ратники не приедут - а шли бы себе отдыхать наверх. Завтрак вам туда подадут. Мой вам совет - сегодня никуда не уезжайте, передохните день здесь, дождь переждите. А завтра поутру, ежели будет охота - скатертью дорога на все четыре стороны! А там - как знаете, решайте сами.

И, отвернувшись, вышел во двор.

Лиго сидел с открытым ртом - а на него удивленно, но совсем непонимающе смотрели Мартин и Прок.

- А что он тебе сказал-то? - спросил дружинник.

И тут впервые за всё утро Лиго вдруг улыбнулся по-настоящему и, кивнув служке, стоявшему неподалеку, весело сказал:

- А что, любезный, у вас на завтрак сегодня еще что-то осталось? А то с этой вашей суматохой вся еда наша запылилась поди!

Мартин и Прок смотрели на Лиго во все глаза. И когда служка торопливо закивал и унёсся прочь за стряпней, дружинник еще раз изумленно спросил:

- Так что он сказал тебе, Лиго?

Лиго ухмыльнулся, подмигнул заговорщически своим друзьям и, оглянувшись по сторонам, наклонился и зашептал:

- Он сказал, это был не Мамай...

***

Земники сидели в своей комнате наверху и с огромным удовольствием уминали принесенный служкой завтрак.

- Не понимаю, - говорил с набитым ртом Мартин, - откуда этот увалень знает не только старину Бортня, но и Мамая?

- Ага, чудеса, да и только, - поддакивал Пеколс, с опаской глядя, как во рту дружинника с невероятной скоростью исчезают самые большие куски.

- Да я почем знаю, - пожал плечами Лиго и подцепил вилкой крупный кусок, уводя его из-под самого носа Мартина. - Просто чувствую, что с нашим другом всё в полном порядке.

- Чувствуешь? - посмотрел на него дружинник. - А этот случай с заколкой - это что такое было? Что тогда ты чувствовал?

- Хм, - задумался Лиго, - тогда было непонятно ощущение опасности, что ли - будто острые и до жути ледяные когти схватили сердце и сжали его. А потом вдруг раз! - и отпустили. Давно такого не было - чтобы заколка давала о себе знать. Почитай, с самого Земьгорода...

Лиго вздохнул, вспомнив то время, которое, казалось, было совсем недавно - и вот уже нет его, унеслось в водовороте событий невесть куда, так далеко, что и не вернуть его больше. Где те совсем еще беззаботные дни выпускника вайделотской школы, куда они подевались? Как так случилось, что еще вчерашний школяр взвалил на себя такой непомерный груз? Кто скажет, что делает здесь он, юный земник, далеко-далеко от своего дома и уютного поместья, от вечно ворчливого дядюшки Брыля и воеводы Бортня? Из тех вроде бы недавних, а уже таких далеких дней сидит напротив него разве что только его старый неизменный слуга Пеколс с вечно взъерошенными волосами. Как сон, канули в прошлое и школа, и дядюшка с воеводой, и владыка

Куреяс, и Вечевой Сбор. Остался только слуга, верный, как старый пес, Прок - да новый друг в лице Мартина, надежный и простой парень, на которого можно опереться. Только вот куда занесли этих трех земников извилистые дороги? И что ожидает их дальше?

Лиго тряхнул головой, гоня от себя невеселые мысли.

- А вы слышали, как мельник дал совет никуда не ехать сегодня? - спросил Мартин. - Что-то мне дают покоя его слова.

- С чего бы это? - спросил Лиго.

- Да не знаю, муторно как-то на душе, - ответил дружинник. - И это еще, как его, Мелех который, что вчера задирался к нам, тоже из головы не выходит... Как бы эти двое в одну дуду в итоге не играли, вот что я думаю.

- Да брось ты, - отмахнулся Лиго. - Сам ведь говорил, что ежели б захотел мельник или кто-либо из его слуг с нами что-нибудь сделать - мы бы и пикнуть не успели бы! И сейчас не болтали бы все вместе за кружкой горячего киселя!

- Ну а заколка? - не унимался дружинник. - Ведь схватило тебя сегодня нешуточно! В прошлый раз ежели б не Мамай, то и не выпутался б ты вовсе...

Лиго мрачно глянул на Мартина, и тот осекся, прикусив язык и понимая, что сболтнул лишнего.

- В этот раз вообще как-то не так всё и было, - вздохнув, сказал Лиго. - Тогда заколка жгла, как раскаленный уголь - а сегодня холодом сердце сковала. Как во сне, что привиделся мне у Медейны...

И сам тут же осекся на полуслове.

Помолчали немного, прихлебывая горячий и густой кисель. Каждый думал о своем. За окном мерзко и мелко тарабанил по слюдяному оконцу противный серый дождь.

- А все-таки да, лучше уж пересидеть непогоду под крышей, - сказал спустя некоторое время Мартин. - А то как представлю ехать по этой мокроте в лесу, бр-р-р!

И земник поежился.

Пеколс угрюмо хмыкнул:

- А куда ехать-то, знает здесь хоть кто-нибудь? Завел нас этот чародей неведомо куда - и бросил в этом разбойничьем кубле. А мы сидим здесь, кисели попиваем - а вот как бы беспечность-то нашу нам вскорости не пришлось расхлебывать вместо киселей!

- Тьфу ты! - рассердился Мартин. - Ну сказал же Мамай ожидать его в корчме у старого мельника. Я правду говорю, Лиго?

Лиго кивнул.

- Ай, да ну вас! - махнул на них рукой Пеколс. - Я всегда не верил ни этому, ни каким-либо другим чародеям - один обман да

плутовство только.

- Чего ты кипятишься, Прок? - спросил слугу Лиго. - Ты думаешь, мне на душе весело? Мамай ведь обещал если не вечером, то ночью нас догнать здесь. А поди ж ты - его и нет до сих пор!

- Так что, сидеть здесь сложа руки? - не унимался Пеколс.

- Ну да, именно ждать, - кивнул Лиго. - Он так и сказал, ежели что, отдохнуть день в корчме - а уж к вечеру он вернется. Вот мы и сидим здесь.

- Один уже вернулся, а как же, - ворчал слуга. - Вот, уже укокошили его ночью, да говорят, еще и обоз разбили неподалеку тоже. Как отсюда выбираться будем в случае чего, ежели чародей этот не вернется вовсе? И куда вообще тогда поедем? Думали об этом? То-то же...

И слуга сердито отвернулся.

- Вернется! - твердо сказал Лиго, но на немой вопрос Мартина: "А сам-то веришь ли в это?" тихо опустил глаза.

На душе опять стали скрести кошки. Все снова замолчали, то ли прислушиваясь к дождю за окном, то ли отгоняя скверные мысли, настырно лезущие в голову.

Наконец Мартин шумно отодвинул от себя поднос и сказал:

- Ну, вы как знаете, а я пойду-ка спущусь вниз да разведаю, что там и к чему. Может, вести какие сорока на хвосте принесла...

- Только смотри, чтобы ты там неприятностей никаких на хвосте нам не принес, - буркнул ему вслед Лиго, зная задиристый нрав товарища.

- А пусть не лезут, - резонно заметил Мартин и, нацепив ножны, пошел к двери.

- Я не только Мелеха этого имею ввиду, - сказал Лиго вдогонку.

Но дружинник только улыбнулся в ответ и хлопнул дверью.

***

Время близилось к полудню, но небо было всё таким же серым и мрачным, нависая прямо над головой пунцовыми тучами, которые беспрерывно решетили землю мелким противным дождем. В корчме, затихшей было после утренней суматохи, снова началось некоторое оживление, когда вместе с первым дуновением сырого промозглого ветра к воротам прибило насквозь вымокший обоз. Новые постояльцы, тихо ругаясь под нос, прошлепали разбухшими от воды сапогами и башмаками, оставляя за собой на полу грязные лужи.

Заказав выпить и перекусить, гости как-то быстро оттерли от растопленных каминов старых постояльцев и вскоре по корчме потянулся кисловатый запах прелой одежды. Зазвенели кружки и миски, заскребли ложки и вилки, зачавкали голодные рты. "Давай, паря, побольше горяченького, да побыстрей!" - приговаривали обвислые усы и мокрые бороды на служку, который метался между кухней и столиками и еле-еле успевал подавать прибывшим гостям стряпню и напитки.

И вот уже слегка разомлевшие и малость захмелевшие гости блаженно отвалились от столов, вытянули лениво ноги к камину, шумно утираясь и фыркая. Зашуршали кисеты, едко задымили трубки промокшим табаком, будто подавая условный знак. И вскорости к обогревшимся новичкам подтянулись старые постояльцы, которых снедало томившее их любопытство - началась неспешная беседа.

Как обычно водится в таких случаях, посетовали на непогоду, на размокшую дорогу, на глубокие ухабы да огромные лужи. Степенно покивали головами, соглашаясь. Затем перешли к последним слухам, которые не то ветром прибило, не то сорока на хвосте принесла. Мартин, сидевший неподалеку за столиком, коротая одиночество с кружкой горячего сбитня, навострил уши.

А слухи вокруг ходили мрачные, под стать темному небу за окном. Поговаривали, что волколаки опять кого-то живьем задрали, и что спасу от них теперича почитай что и нету никакого - рыскают себе стаями по лесам и никто ничего сделать не может с этим. Шептались, что умертвия и всякая другая нежить поганая чуть ли не свободно пересекают кордоны Порубежья, наводя жуть на местных жителей. А недавно, мол, со стороны Лесистых гор забрел в Неманские края дикий волот-великан - огромный, жуткий, с одним глазом. Обсел, мол, какую-то дорогу и давай хватать всех путников да проезжих и в торбу к себе запихивать.

- Знаю я одного такого великана, - вдруг раздался насмешливый голос, - он здесь в качестве корчмаря да мельника подвизался!

И голос хрипло рассмеялся.

Все оглянулись испуганно - в дверях стоял тот самый вчерашний острослов по имени Мелех и язвительно улыбался в свои обвисшие от дождя редкие усы.

Служка поперхнулся от такой шутки, споткнулся буквально на ровном месте и чуть не растянулся во весь рост на грязном полу.

- Ну, ты это, паря, потише! - одернул острослова кто-то из зала. - Будешь такие шутки шутить - мигом за воротами да под дождем окажешься!

Мелех пожал плечами и прошел к свободному столику. При этом он по пути заметил сидевшего Мартина и нахально ему подмигнул. Дружинник и бровью не повел.

Беседа неспешно вернулась в свое русло.

- Ну великан - дело такое, далекое, - заметил кто-то. - А вот что поблизости деется, люди добрые? Слыхали или видали что-нибудь?

Новички зашептались, заворчали, забубнили наперебой. Вся округа уже была оповещена каким-то неведомым образом о случившемся утром неподалеку от корчмы. Но подробностей никто никаких не знал.

- А что за разбой учинили надысь с обозом? - снова спросил кто-то. - А то, ежели так пойдет, и вовсе за порог хоть не ходи.

Тут уж зашумела и заволновалась вся корчма - для большинства постояльцев, многие из которых и были обозниками, тема была острой и животрепещущей.

- Как обычно, один только трёп пустопорожний, - вдруг хрипло произнес над ухом у Мартина язвительный голос.

Дружинник вздрогнул от неожиданности и поднял глаза. У столика стоял вчерашний острослов, Мелех, и смотрел на земника долгим немигающим взглядом.

- Пустишь компанию составить? - нагло осведомился острослов и, не дожидаясь ответа, плюхнулся рядом на стул.

Мартин молча покосился на него, но ничего не сказал.

- Ну, давай знакомиться, дружок, - не то улыбнулся, не то ощерился острослов. - Меня кличут здесь Мелех.

Мартин промолчал.

- Ну, как знаешь, - хмыкнул острослов и шумно потянул в себя пиво, неприятно посмеиваясь в свои редкие усы.

- А чем занимаешься, малый? - снова спросил Мелех, явно настроенный разговорить земника. - Вижу по выправке, что ты

хоть и чудь лесная, а ратных дел, однако, не чураешься. Военную косточку, знаешь, заметно сразу. Охраняешь небось тех своих двоих попутчиков в дороге, да?

Земник упорно молчал, будто не замечая назойливого соседа.

- Гордый, да? - сощурил глаза Мелех. - Вы там у себя в лесах все такие? Или только на-люди важность напускаете?

Мартин пренебрежительно смерил Мелеха взглядом - и снова отвел глаза.

- Ох, ты! Ну и посмотрел - ажно нутро мне прожег! - мерзко захихикал Мелех и вдруг, наклонившись, дыхнул на земника смрадом из гнилого рта: - А ловко ты меня вчера отшил, малый! Бойкий, видать, на язык-то. А вот как ты в деле, а?

И острослов откинулся на стуле, с усмешкой разглядывая земника.

Мартин медленно поднял глаза и, встретив насмешливые глаза острослова, который явно напрашивался на драку, твердо посмотрел в них, в самые зрачки.

- Хочешь проверить? - спокойно спросил земник, и положил руку на рукоять своего меча.

Мелех ощерился снова, обнажив острые желтые зубы - глаза его полыхнули еле скрываемой злобой.

И тут вдруг за его спиной раздался насмешливый голос:

- Так-так-так, кого я вижу? Мелех! Ба, знакомые всё лица!

И у самого лица острослова вдруг мелькнуло холодное жало клинка, упершись своим острием ему в подбородок.

У стола стоял ратник из тех, что вчера поутру встретили барздуки в лесу, и весело глядел на дружинника.

- Помощь нужна? - осведомился ратник у Мартина.

- Благодарю, сударь, - мотнул головой земник. - Я уж и сам его как-нибудь окорочу!

- Ну, как знаете, - кивнул ратник и спросил: - Позволите присесть? Хочу вот поговорить по душам со старым знакомцем.

Мартин посторонился - и ратник, не убирая клинка от горла острослова, сел напротив. Мелех с еле скрываемой злобой смотрел то на него, то на земника.

- Ну, как живешь, гнида? - спросил ратник. - Много ли еще душ на тот свет отправил?

Мелех зашипел сквозь зубы:

- А сколько ни отправил, все мои будут...

- Будут, будут, - кивнул головой ратник. - Висеть тебе сегодня же на суку, плесень мерзкая!

Мелех заскрипел зубами.

- Но-но, не рычи мне здесь, - сказал ратник и чуть больше надавил на клинок.

Из-под острия тонкого кончара на шее злодея выступила капля крови. Мелех, задрав подбородок кверху, только яростно вращал глазами и царапал грязными ногтями стол.

- Эй, ребятушки, ко мне! - кликнул ратник.

И, когда через миг возле стола возникли двое бравых молодцов, ратник указал на Мелеха:

- Возьмите эту погань, да свяжите покрепче. Выедем за ворота - я эту тварь самолично на первой же осине вздерну!

Молодцы лихо козырнули, подхватили острослова под руки и потащили к выходу.

И тут случилось следующее. Из толпы завсегдатаев вдруг выскочил огромный красномордый детина с туповатой рожей, и взмахом дубины уложил одного из конвойных. Мелех в мгновение ока выкрутился ужом из рук и, выхватив из одежды острый кинжал, полоснул им по лицу другого - и ринулся вон. А за ним, всё сшибая на своем пути, бросился к выходу и детина с дубиной.

Ратник кинулся было за ним, но споткнулся о чью-то ногу и с грохотом упал во весь рост, запутавшись в ножнах и плаще. Мелех на ходу обернулся и растянулся в злорадной улыбке - и выскочил из корчмы во двор.

В толпе промелькнула уродливая, приплюснутая с боков, рожа согнутого в три погибели чесоточного мужичка - и быстро-быстро зашкандыбала к двери.

- Стоять! Тревога! - крикнул ратник, пытаясь встать и путаясь в длинном плаще.

Всё произошло так быстро, что Мартин даже глазом не успел моргнуть. И вот теперь, будто очнувшись от громкого крика, земник подскочил и, схватив тяжелую кружку Мелеха, метнул ее вслед странному уродцу.

Кружка, кувыркаясь, пролетела несколько сажен и уже в самых дверях врезалась в плешивый затылок подельника острослова. Уродец взвыл и покатился со ступенек вниз, где и распластался прямо в луже у порога. А затем, вскочив и погрозив кулаком в пространство двери, согнулся в три погибели и побежал к частоколу, загребая руками землю. И прямо так, с разгону, вскочил на него и перемахнул на ту сторону.

И в этот же миг раздался крик привратника - ворота с грохотом открылись, и наружу из постоялого двора вылетели на взбешенных конях два всадника: это был Мелех со своим спутником.

Мартин и ратник уже выскочили во двор - но было поздно. Всадники мчались во весь опор. И лишь издалека сквозь морось докучливого дождя раздался злобный крик Мелеха:

- Я с вами еще поквитаюсь!

И разбойники растаяли в серой пелене дождя.

Ратник яростно топнул от бессильной злобы несколько раз ногой прямо в луже, обдав окружающих грязными брызгами. Затем повернулся и, сплюнув на землю, сердито зашагал в корчму.

Через несколько минут раздались громкие крики и ругань - это выясняли отношения хозяин корчмы и разозлившийся ратник.

Мартин, отряхиваясь, вернулся в корчму.

- Что здесь происходит? - встретили его в дверях изумленные Лиго и Прок. - Твоих рук дело?

Мартин только нехотя отмахнулся - и плюхнулся за стол. А затем, сердито заворчав, придвинул стул поближе к камину обсушиться.

Там же, у огня, служка уже хлопотал над двумя ранеными конвойными - одному пытался наложить повязку на располосованную щеку, а другому подавал бутыль с холодной водой, которую тот прикладывал к огромной, налитой кровью шишке на лбу.

- Красавцы, нечего сказать! - сердито буркнул ратник, незаметно вынырнувший сзади. - Хороши бойцы - одну падаль вдвоем удержать не смогли!

И снова сплюнул на пол.

Молодцы сидели, потупив глаза.

- Да и я тоже хорош! - топнул ногой ратник.

- Хватит серчать, - пробасил мельник, будто по мановению тут же воплотившийся у очага. - Что было, то было - не удержали их. В следующий раз подвезет больше.

- Да когда он будет, этот следующий раз, - в сердцах крякнул ратник и сердито отвернулся.

- Ну, ничего, со всеми бывает, - примирительно гудел хозяин корчмы. - Давай-ка лучше по стаканчику красненького тяпнем - глядишь, и успокоишься малость.

А затем, вдруг хитро прищурившись, сказал:

- А все-таки знатно ты у меня на полу растянулся - любо-дорого было посмотреть!

И засмеялся так, что показалось, будто громыхнуло с неба.

Ратник густо покраснел - и выбежал из корчмы.

- Ну, нам здесь делать нечего, покамест всё не успокоится, - сказал Мартин и, прихватив кем-то в суматохе неосторожно забытый на столе кувшин с вином, пошел наверх.

- Эгей! - вдруг крикнул вслед барздуку мельник.

Мартин замер и медленно повернулся.

- А ты малый ничего, метко бросаешь, - осклабился рыжебородый великан. - Ужин с меня причитается, голубь ты мой

лесной!

И подмигнул своим единственным грозным оком.

Мартин попытался выдавить из себя некое подобие улыбки, кивнул и быстренько зашагал наверх - приключений ему хватило до самого вечера.

Пеколс, тем временем уже успевший сунуть нос в кружку дружинника, пока тот выбегал за разбойниками, залпом допил остывший сбитень и вопросительно посмотрел на своего хозяина.

- Да, Мартин прав, пойдем-ка лучше наверх, - сказал Лиго. - Всё равно сейчас в этом бедламе ничего не разберешь.

И, кликнув служку, сказал:

- Любезный, когда освободитесь, принесите нам наверх чего-нибудь выпить.

И земники дружно затопали своими башмаками по лестнице.

- Ну и денёк выпал - отдохнули на славу, - ворчал Пеколс, шмыгая раскрасневшимся носом и предвкушая добрую попойку.

Но выпить толком так не удалось. Потому что не успели они за собой закрыть дверь, как в нее раздался настойчивый стук.

Пеколс распахнул двери - в проеме стоял давешний ратник и, оглядывая всю комнату, прокашлялся и спросил:

- Простите, господа, а кто из вас будет Лиго Бирзулис?

У Пеколса только челюсть и отвисла, а Мартин с Лиго поперхнулись от неожиданности вином.

Ратник еще раз внимательно посмотрел на каждого из земников - и в конце концов остановил свой взгляд на Лиго.

- Сударь, вы уж простите, но во всей этой суматохе я забыл вам передать послание от вашего друга. Кажется, его зовут Мамай.

И протянул промокший свиток.

Лиго изумленно принял письмо.

Ратник щелкнул каблуками и сказал:

- Всего хорошего, сударь!

И, быстро глянув на Мартина, кивнул также и ему:

- Благодарю за помощь!

И, браво развернувшись, протопал вниз.

Лиго крикнул вслед:

- Простите, сударь, а вы кто? Как ваше имя?

Ратник на миг остановился, затем хлопнул себя по лбу и рассмеялся:

- Вот уже денёк! Совсем всё из головы вылетело!

И, развернувшись, отвесил короткий поклон головой.

- Имею честь представиться - младший боярин Юргис Тренята! - гаркнул ратник и уже чуть тише добавил: - Из конной дружины боярина Монтовта Тевтивила, приставленного охранять

южное Порубежье...

Какой-то миг ратник помолчал, затем звонко щелкнул каблуками и тут же сбежал по лестнице вниз.

Барздуки смотрели то вслед ратнику, то друг на друга ничего непонимающими глазами, пока наконец-то Мартин не прикрикнул на зазевавшегося Пеколса:

- Да дверь-то прикрой, болван!

Пеколс, выглянув на лестничный проход и убедившись, что больше никого нет, захлопнул дверь.

Лиго дрожащими от волнения руками развернул свиток. На удивление, хоть бумага была вся насквозь промокшей, чернила на ней держались стойко и совсем не потекли.

"Дорогие друзья! - гласило письмо. - Вы простите, что заставил вас волноваться и переживать, но неотложные дела принудили меня отказаться от гостеприимного крова корчмы. Старому мельнику вы можете доверять безоговорочно, как мне самому, хоть он и весьма грозен на первый взгляд. Я и сам бы рад с ним повидаться - но, увы, не получится в этот раз.

Искренне надеюсь, что вы хорошо и с пользой для себя провели выпавший для отдыха день. Ибо следующая такая передышка выпадет еще очень нескоро. Дорога впереди трудная и полна опасностей - и поскольку я за вами заехать не смогу, вам потребуется надежный провожатый, коим и является податель сего письма. С его помощью вы быстро и без особых хлопот доберетесь до ближайшей заставы на Порубежье, где я вас и буду ждать.

Отправляйтесь, не мешкая, из корчмы на следующее утро вместе с подателем сего письма, боярином Юргисом Тренятой - и уже к вечеру мы снова будем вместе!

Искренне ваш,

чародей Маркисуат".

Лиго повертел письмо туда-сюда - но больше ничего написано не было.

- Вот тебе снова неожиданности, - буркнул Пеколс. - Не нравится мне всё это, ой как не нравится.

И ожесточенно стал чесать свои взъерошенные волосы.

- А вы уверены, что это письмо от Мамая? - вдруг подозрительно спросил Мартин. - Кто из нас знает его почерк? Не подлог ли это?

Лиго пожал плечами и хотел было что-то сказать, но тут письмо зашипело, зачадило - и за пару мгновений растаяло в руках без следа.

Мартин смотрел во все глаза на произошедшее только что перед ним самое настоящее чудо - и не мог придти в себя. А вот

Лиго запрокинул голову и громко расхохотался.

- Узнаю почерк волхвов! - смеясь, сказал земник. - Это будет получше любых доказательств и подписей!

А Пеколс только сердито сплюнул и отвернулся.

ГЛАВА 12

ЗАСАДА В ЛЕСУ

Дождь прекратился ночью. Поэтому выехали с самым первым лучом солнца, прорезавшим небокрай своим розовым клинком.

Птицы уже расшумелись задолго до того, как небесный окоём стал подсвечиваться снизу просыпающимся светилом. Пернатые сперва несмело, а затем всё громче и настойчивей стали выводить свои переливчатые трели, перекликаясь между собой витиеватыми коленцами и не замолкая ни на миг.

Еще затемно все земники были на ногах и, спустившись вниз, наткнулись на спешащего к ним навстречу Треняту.

- С добрым утром, господа! - одобрительно сказал им ратник, оценивающе оглядев каждого из барздуков.

- И вам того же, - кивнули ему Лиго и Мартин.

А вот Пеколс еле слышно буркнул под нос:

- Утро может быть и доброе - а вот посмотрим, каким будет этот день...

Но на него никто не обратил внимания.

Собирались недолго - кони были вычищены и накормлены, и стояли уже под сбруей, когда земники заканчивали на скорую руку свой завтрак.

Из кухни выглянул мельник, о чем-то пошептался с Тренятой, время от времени искоса поглядывая на барздуков. Затем вроде бы добродушно кивнул им, махнув своей огненной рыжей бородой, и пророкотал:

- Счастливой дороги, лесной народец! Передавайте поклон нашему общему другу - вы знаете, о ком я говорю!

И тут же снова исчез.

Расплатились с вездесущим служкой, который сунул им напоследок большой мешок с провизией, шепнув, что это подарок от хозяина корчмы.

Приторочив сумку с едой на одного из пони, барздуки еще раз проверили сбрую перед дорогой. Ратник и два его горе-помощники уже ожидали в седле. Лица копейщиков были угрюмы от вчерашних событий, и они стыдливо прятали от земников глаза, отвернув в сторону свои перевязанные головы.

Ворота тихо скрипнули, выпустив за частокол шестерых всадников, и также быстро затворились. Вокруг стоял еще густой утренний туман, и воздух был весь напоен влагой от вчерашнего

дождя. Рассветная прохлада, неразлучная спутница туманов, тут же дала о себе знать, проникнув своими скользкими щупальцами под одежду и заставив плотнее закутаться в дорожные плащи. Даже цокот копыт таял в сырой траве - вокруг струилось только белое туманное молоко, поглощая все звуки и четкие образы. И в этом светлом колышущемся мареве силуэты всадников также таяли и исчезали, принимая таинственный и загадочный вид.

Шестеро всадников перевалили через осклизлый бревенчатый мосток на насыпи, под которой уже поскрипывали колеса водяной мельницы хозяина корчмы, и растворились в вязком киселе тумана, в котором утонул старинный тракт.

Ехали первое время молча - то ли еще давала о себе знать утренняя дрёма, то ли обступивший со всех сторон всадников густой туман не располагал к беседам. Лишь некоторое время еще раздавался чуть слышный скрип мельничных колес, а затем пропал и он в плотном влажном сумраке. И лишь когда над небокраем показался верхний краешек огненного лика извечного светила, белесая мгла стала понемногу таять.

Солнце выглянуло неспешно и важно, даже с некоторой ленцой, как и подобает истинному владыке неба и земли. Словно в приветствии, улыбнулось всему сущему, краснея от смущения, что немного заспалось в этот раз - и затем стало уверенно подниматься в небо, пристально оглядывая свои владения и силясь подсчитать, много ли набедокурили за прошедшую ночь темные силы.

Плотный туман скрывал от небесного светила следы проделок разной нечисти - а потому и солнце, слегка нахмурив свой ясный лик, сурово взмахнуло золотистым клинком, и стало резать и кромсать дымчатый туманный кисель на жирные ломти, которые медленно покачивались в воздухе и таяли в теплых лучах. Рваные ошметки молочного марева уползали в низины и овраги, прятались в тени подлеска и кустарника, оседали печально слезами росы на травах и листве. Наваждение ночи и вчерашнего серого дождливого дня таяли вместе с остатками тумана - а с ними вместе исчезали и все былые страхи и сомнения.

- Здравствуй, светлое и тресветлое солнышко! - вдруг звонко и радостно воскликнул Лиго.

Остальные всадники от неожиданности вдруг замерли, а затем встрепенулись и приветливо заулыбались друг другу, сгоняя рассветную дрему.

Птицы разгалделись еще пуще прежнего и ратник, ткнув нагайкой в сторону звонкоголосых певцов, заметил:

- Ишь, как глотку дерут! Видать, соскучились-то за

вчерашний день по теплу и свету!

Лиго глянул на него, улыбнулся и, пришпорив своего пони, вдруг по-ребячески пронзительно и заливисто свистнул - и тут же рванул вперед. Мартин на мгновение опешил, а затем, громко гикнув, последовал его примеру и помчался наперегонки.

Ратник воззрился им вслед, а затем, хлопнув себя по боку, хохотнул:

- Вот тебе и на! Вот тебе и знатные земники! А глянуть - так сущие дети! Мальцы - да и только!

И, взмахнув нагайкой, понесся следом.

- Не отстава-а-а-а-ать!.. - летел за ним его крик.

И копейщики, дотоле угрюмо дремавшие в своих седлах под мерное покачивание дороги, вдруг тоже расплылись в широких улыбках и, переглянувшись между собой, также рванули вперед.

Один только Пеколс ошарашено смотрел всем вслед, раскрыв рот. А затем, сердито покачав своей взъерошенной головой, сплюнул в сердцах:

- Тьфу ты, ну ты! Детство сплошное - да и только!

Но на всякий случай слегка пришпорил и своего лохматого лошака, и затрусил следом, подозрительно оглядываясь по сторонам.

***

Солнце поднялось уже высоко и стало понемногу припекать, когда широкий тракт стал еле заметно сужаться и петлять между холмами. Впереди синел темной громадой огромный лес - и большак, несмотря на все свои повороты и изгибы, неуклонно приближался к нему, вползая под нависшие тени угрюмых разлапистых крон.

- Денёк, судя по всему, будет жарким, - сказал Мартин, поглядывая на небо с клубившимися в нем белоснежными облаками. - Видать, солнышко сегодня не на шутку отыграется за вчерашнюю сырость да морось.

И Лиго согласно кивнул.

- Скоро будет не так припекать, - сказал Тренята, ткнув нагайкой в темнеющий впереди лес. - Там будет попрохладней.

Лиго посмотрел вперед, на громаду вековечной пущи - и неясное сомнение стало закрадываться в душу. Земник внимательно прислушивался к себе - но нет, заколка молчала и не давала о себе знать.

Лиго пожал плечами и на всякий случай спросил:

- А долго ли нам до заставы добираться?

Тренята подумал немного, а затем ответил:

- Ежели ехать не торопясь, то до темноты доберемся однозначно...

Но, почесав голову, хмыкнул и добавил:

- Правда, не хотелось бы вот дотягивать до темноты, вот что я вам скажу - мало ли что...

Лиго и Мартин на миг замерли - и уставились на ратника.

Но тот смотрел мимо, как будто ни в чем не бывало.

- Разбойники? - еле слышно, одними губами спросил Лиго.

И ратник кивнул в ответ.

Земники переглянулись и, подъехав поближе, спросили:

- Так может, стоит поторопиться?

Тренята весело глянул на них, усмехнулся и подмигнул:

- Не робей, лесной народ! Старый мельник еще утром выпустил голубя с донесением на заставу - так что нам на встречу должен выехать дозор. Думаю, Мелех не отважится тягаться с нами, зная, что подмога вот-вот подоспеет!

Мартин хмыкнул и поджал губы.

- Что-то нет у меня веры вашему мельнику, - сказал он. - Больно рожа у него лихая - сам он на разбойника смахивает.

- Что смахивает - то верно, - согласно кивнул Тренята и продолжал трусить по дороге как ни в чем не бывало.

Мартин и Лиго снова переглянулись.

- Так может, он и есть один из них? - продолжал наседать дружинник.

Тренята вдруг остановил коня и удивленно глянул на барздуков.

- Кто? Мельник? - спросил ратник и, запрокинув голову, вдруг громко расхохотался.

И, отсмеявшись, вытер краешком руки слезинку в углу глаза.

- Ох, и развеселили! - сказал ратник. - Мельник - и глава шайки! О-хо-хо!

- А что такого? - насупился Мартин. - Рожа у него самая что ни на есть разбойничья - это раз. Косит, понимаешь, своим глазом, нутро высверливает. Одевается сам, что тот ухарь с большой дороги - свидал его кинжалы за поясом? Вот тебе два. Ну и вчерашний день только подкрепил мои подозрения, когда Мелеха ловили - да не сумели поймать! Вот тебе и три!

Барздук загибал пальцы на руке - а ратник улыбался всё шире и шире с каждым разом.

- Всё? - спросил Тренята, когда Мартин замолк.

И, обернувшись к Лиго, спросил:

- Ну, а вы, сударь, что думаете?

Лиго пожал плечами и ответил:

- С одной стороны Мартин прав - больно уж подозрительный этот мельник. А с другой...

И, задумавшись на миг, вдруг тише сказал:

- А с другой стороны - откуда этот мельник знает Мамая? Вряд ли наш чародей якшается с разбойниками...

Тренята согласно кивнул и посмотрел на Мартина:

- Еще вопросы будут, сударь?

Дружинник сердито буркнул:

- Будут! Но попозже!

И, пристегнув своего пони, рванул вперед.

- Как знаете! - крикнул ему вслед ратник.

И затем снова прикрыл глаза и неспешно стал раскачиваться в седле, насвистывая под нос какую-то песенку.

Лиго посмотрел на него, затем на ускакавшего вперед Мартина, и собирался уже было последовать примеру дружинника, как вдруг почувствовал, что его кто-то тихо тронул за локоть. Обернувшись, увидел Пеколса, который делал ему страшные глаза и всем своим видом показывал, что надо бы отстать от ратника да и поговорить о чем-то важном по душам.

Посмотрев назад, Лиго увидел вдали двух копейщиков, которые, казалось, также подремывали в седле и даже не думали куда-то спешить.

- Да уж, те еще вояки, - криво улыбнулся Лиго и стал понемногу придерживать своего пони, чтобы ненароком не вызвать подозрений у ратника.

Отстав на некоторое расстояние и оказавшись посередине между задремавшим Тренятой и замыкающими сзади копейщиками, Лиго и Прок наконец-то могли свободно пошептаться.

- Ну, что думаете, сударь? - спросил Прок, ежеминутно оглядываясь по сторонам, чтобы никто не подобрался слишком близко. - Я случайно подъехал и услышал вашу беседу. И вот что я вам доложу - очень уж всё это подозрительно: и исчезновение Мамая, и корчма эта с ее хозяином, и Мелех со своими дружками, да еще и этот ратник Тренята - и откуда он только взялся?

И, наклонившись почти к самому уху Лиго, Пеколс горячо зашептал:

- Сударь, чует моё сердце, здесь пахнет сговором!

Лиго воззрился на своего слугу.

- Ты что такое несешь, Прок? - удивился Лиго. - Откуда такие мысли?

Пеколс снова оглянулся по сторонам.

- Сударь, здесь не до шуток. Хотят они нас заманить в ловушку - да и обобрать! Или, чего хуже, и вовсе прикончить!

И многозначительно вздернул свои мохнатые брови.

Лиго от удивления даже остановил своего пони.

- Они - это кто? - спросил Лиго.

- Они все, - неопределенно махнул рукой Пеколс и снова стал шептать: - Вот скажите, вы уверены, что мельник этот послал донесение на заставу, а не в разбойничье логово? Не уверены? То-то же!

И, не дожидаясь ответа, Прок продолжал шептать:

- Или вот этот Тренята - откуда он взялся? Принес письмо, которое фыррр, и растаяло в воздухе - поди потом докажи, что оно именно от Мамая!

И, опасливо оглянувшись, Пеколс с жаром тут же добавил:

- И чародей ваш в первую очередь вызывает подозрения! Он-то всё это и придумал, вот что я вам скажу! И знаете для чего? Чтобы завладеть вашей заколкой и присвоить ее себе!

И Прок откинулся в седле, с важным видом поглядывая на своего хозяина.

Лиго смотрел пару минут на своего слугу, а затем вдруг сердито сказал:

- Прок! Я понимаю всю твою нелюбовь к волхвам, но не забывай одной вещи - твой хозяин также почти несостоявшийся волхв. Ведь я учился в школе вайделотов, если помнишь, конечно.

И хмуро улыбнулся, а затем продолжил:

- Но пойми также и другое - если бы Мамай хотел причинить вред мне, да и всем нам, то у него и до нынешнего дня было огромное количество разных возможностей это сделать. Так что не мели вздор! А то всё-таки я рассержусь на тебя по-настоящему!

И, еще раз сердито оглядев опешившего слугу, вдруг гикнул, вздыбил своего пони и, пришпорив его, рванул вперед, подняв клубы пыли и догоняя ускакавшего далеко по тракту Мартина.

Прок ошалело смотрел вслед своему хозяину.

От гиканья и громкого топота проснулся и ратник. Тренята протер глаза, осмотрелся вокруг и, заприметив далеко позади копейщков и Пеколса, заорал им что было мочи:

- Не отставать! Держаться вместе!

И также поскакал вперед, догоняя двух земников, уже въезжавших под своды пущи.

***

Лес встретил барздуков не только долгожданной прохладой, но и угрюмой тишиной с тенистым полумраком. Подождав своих отставших спутников, Мартин и Лиго понемногу привыкали к сумрачному освещению после яркого солнца.

- Ну, что скажешь? - спросил Лиго у Мартина.

- Скажу, что чую во всем этом какой-то подвох, - сказал дружинник. - Так что ты посматривай хоть краем глаза и на этого Треняту, и на его копейщиков. Но не забывай также и по сторонам поглядывать, дабы чего вдруг не проворонить.

И Мартин криво усмехнулся.

Тем временем уже подоспел и сам ратник.

- Куда вас несет-то? - недовольно спросил он, подъезжая к земникам.

- Да вот, до темноты хотим на заставу вашу попасть, - поддел его Мартин.

Ратник быстро глянул на земника, но ничего не сказал. А, дождавшись Пеколса и копейщиков, вдруг резко сказал:

- Ну, вот что, господа барздуки! Нравится это кому-то или нет, а с этой минуты подчиняться вы будете мне! Потому что я дал слово вашему товарищу доставить вас к нему живыми и невредимыми. А младший боярин Юргис Тренята слово своё держит твердо!

И ратник многозначительно глянул на земников.

- Поэтому по лесу будем ехать в следующем порядке - впереди я, посредине вы, господа земники, а замыкающими будут мои люди! Никаких возражений я даже и слушать не хочу до тех пор, пока не выберемся на ту сторону этой пущи. А уж там, на той стороне, можете жаловаться на моё самоуправство кому угодно и как угодно!

И, не давая даже и рта раскрыть кому-либо из барздуков, развернул своего коня и решительно двинулся вперед. Опешившие земники попытались было оглянуться, но увидели хмурые и настроенные очень серьезно лица копейщиков.

- Вот тебе и дела! - крякнул Мартин и положил руку на свой клинок.

Спереди раздался резкий голос Треняты:

- Сударь Мартин! Я отлично запомнил ваши боевые навыки еще вчера - но я бы вам настойчиво не советовал пытаться применить их на мне и моих людях. Ибо я буду вынужден доставить вас всех к вашему товарищу в связанном виде, что, думаю, не добавит вам хорошего настроения. Поэтому, будьте добры, во избежание всяческих недоразумений оставьте свой меч в покое - и приберегите его для других случаев. Надеюсь, правда, что всё-таки боги отведут от нас такие непредвиденные случайности.

Но дружинник, чья честь уже была задета, тут же вспыхнул и выхватил клинок:

- И не подумаю, сударь!

Копейщики тут же двинулись вперед, выставив перед собой пики и направив их на Мартина. Тренята поднял руку вверх, приказывая остановиться и, тяжело вздохнув, подъехал к Лиго.

- Сударь Лиго, - сказал ратник, - я так понимаю, вы среди земников за старшего. Пожалуйста, поверьте, в моих интересах

доставить вас всех живыми и как можно скорей к вашему другу Мамаю. Он сам вам всё расскажет, почему не смог приехать лично за вами в корчму. Поэтому я искренне надеюсь на ваше благоразумие - будьте так добры, отдайте приказ вашему товарищу вложить меч в ножны.

И пристально посмотрел на барздука.

Лиго прямо встретил его взгляд и, не увидев там ничего такого, что могло бы вызвать хоть толику сомнений, тихо сказал:

- Я вам верю, сударь!

И затем возвысил голос:

- Мартин, спрячь, пожалуйста, меч!

Дружинник с яростью посмотрел на Треняту, затем на его людей и спросил:

- Лиго, ты уверен вполне?

Но Лиго молчал.

Мартин зло сплюнул - и со звоном вставил клинок в ножны.

- Благодарю вас, господа! - кивнул Тренята.

Развернулся - и с подчеркнутым достоинством снова двинулся вперед.

Настроение у всех было испорченным. Так и ехали снова молча, каждый думая о своем да посматривая время от времени по сторонам.

Тропа в пуще вилась неспешно, крутилась ужом в разные стороны, неожиданно сворачивала и затем снова распрямлялась подобно выпущенной стреле. Вскарабкивалась на густые прихолмки вверх и снова скатывалась вниз в глухие сырые распадки. Тренята ехал впереди, настороженно всматриваясь и вслушиваясь в окружающее. За ним, несколько поуныв, трусили на своих пони земники - Лиго следом за боярином, время от времени поглядывая по сторонам, но больше погруженный в свои мысли; ворчливый Прок подозрительно зыркал то вправо, то влево, крутя своей взъерошенной головой; Мартин, который так и не спускал руки со своего меча и вслушивался скорее в то, что происходит сзади него, словно ожидая подвоха со стороны копейщиков или какого удара в спину. Но сами копейщики, казалось, и вовсе не обращали внимания на вздрагивавшего чуть ли не при каждом их шорохе барздука, и больше глядели по бокам на клубящиеся кусты да заросли.

Ехали, ехали, и вдруг как-то неожиданно для себя вдруг обнаружили, что и звуки все вокруг тоже куда-то пропали, будто сгинули. Даже топота копыт не было слышно - он надежно тонул в замшелом ковре под ногами. Ни тебе треска веток, ни шума ветра в вышине - только одна какая-то обволакивающая тишина, густая, будто сбитень. И казалось, что и сами движения в этой

сонной пуще становятся какими-то вялыми, замедленными, будто в дрёме.

И тут словно ветром донесло из кустов еле слышный то ли шепот, то ли приворот колдовской. Чьи-то губы шептали: "На море-окияне, на острове Буяне сидит бабушка немилая со своим рукодельем. Перед ней волчок - золотой иглой зашивает роток, зашивает глазок, чтоб ни крикнуть, ни глянуть, ни посмотреть, чтобы заснуть крепким сном на веки-вечные. Головы ваши чугунные, веки тяжелые, руки слабые. Спите, дремлите, ко мне придите. Слово моё крепко, нет от него отвороту - как и у вас нет сил..."

Тренята мотнул головой, провел ладонью по взопревшему лбу, словно смахивая наваждение - сон так и накатывал предательски на путников.

"Что за чертовщина?" - вздрогнул Тренята, протирая глаза.

И, слегка оборотившись, видел, что барздуки также клюют носом, мерно покачиваясь в седле своих нагруженных пони. А чуть дальше, за ними, также свесили обвязанные головы его копейщики.

- Не спать! Не спать! Гляди в оба! - вдруг крикнул боярин и с гиком вздыбил коня.

Но его звонкий клич как будто потух в окружающем сонном мареве.

- Да что же это такое? - изумился Тренята и, развернувшись, огрел плеткой пони земников.

Те осоловело похлопали своими глазами, а затем, будто очумев, вдруг громко и недовольно заржали, топая копытами. Барздуки открыли свои глаза, недоуменно осматриваясь вокруг. А Тренята уже лез назад, расталкивая сонных земников и пытаясь добраться до своих дремавших копейщиков. Те сидели в седлах, свесив головы чуть не на гривы своих коней, и спали самым безмятежным образом.

- Не спать! Подъём! Тревога! - орал взбешенный боярин, нещадно стегая плетью и своих нерадивых ратников, и их осоловелых коней.

И в этот миг вдруг раздался громкий и пронзительный свист - вылетел неожиданно из густых зарослей, будто каленая стрела, и нещадно ударил по нервам. Свист был протяжный, злой, торжествующий - он разрезал сонное марево, словно клинок масло. И стал кромсать нещадно слух и души путников.

А когда злодейский посвист утих, из зарослей где-то впереди раздался глумливый и едкий смешок. И гнусавый голос произнес:

- Ну что, боярин, посчитаемся наконец?

Не было ни треска падающих поперек дороги бревен, ни

писка выпущенных стрел, ни страшных криков или ругани. Просто кусты впереди шевельнулись - и из них вышел Мелех, зло ощерившись желтыми зубами и с самострелом в руках наперевес.

- Я ведь предупреждал, боярин, что еще свидимся, - прогнусавил разбойник и подмигнул: - Жаль вот только, что в последний раз!

И тут же злорадно и громко расхохотался, не спуская глаз с Треняты.

Барздуки замерли, положив руки на мечи и кистени. Но боярин осторожно покачал головой, давая им знак, что не нужно совершать резких движений.

И словно в подтверждение его слов заросли с боков и сзади также бесшумно раздвинулись - и путников окружили хмурые и суровые лица лесных разбойников, во взгляде которых читалась тупая и беспощадная решимость.

- Давай без глупостей, Тренята! - пригрозил Мелех. - Тебе это, конечно, не поможет - но вот спутникам твоим легкая смерть не помешает. Так что выбирай - сам сгинешь, как падаль, в мучениях и кровавых соплях, или и этих всех за собой на пытки потащишь!

И поднял самострел.

Вокруг загоготали бородатые морды, ухмыляясь и корча гримасы. Земники смотрели на всё происходящее, словно это и не с ними было - а если и с ними, то в каком-то нехорошем сне, от которого они вот-вот проснутся.

И лишь Тренята, казалось, только один осознавал до конца, что же все-таки случилось. И чересчур спокойно себя вел, прямо и твердо глядя в глаза разбойнику.

И от этого взгляда Мелеху вдруг стало несколько не по себе, он слегка заерзал, крепче сжал самострел и вдруг зло сорвался на крик:

- Ты чего молчишь, сволочь? Отвечай!

Но боярин только улыбнулся и покачал головой.

- Ты вот что, Мелех, - сказал вдруг звенящим голосом боярин, - скажи своим людям, что ежели сейчас все сложите оружие, то может быть Великий Князь вас и помилует. Годков двадцать отработаете в каменоломнях - а там будете вольны, как птицы. Зато шкуры свои сохраните. Тебе, правда, этого, не обещаю.

И, слегка склонив голову и прищурившись, нагло посмотрел прямо в зрачки злодея.

От такого нахальства Мелех даже раскрыл рот - а его люди замерли на миг, переваривая услышанное. А затем вдруг все, словно по команде, расхохотались, запрокинув нечесаные головы и патлатые бороды, расщерив смрадные рты с гнилыми зубами, и толкая друг друга локтями.

- Ишь ты, помилуют! - ржали разбойнички, утирая грязными лапами навернувшиеся от смеха слезы. - Лет двадцать в каменоломнях, гы-гы-гы!

Отсмеялись.

И тут же на путников глянули несколько десятков беспощадных и холодных глаз. И не было в них ни чувств, ни сожаления - сочилась из них ледяная обыденность душегубов, хорошо знающих своё страшное дело. Мозолистые руки покрепче сжали топоры и дубины, взметнулись самострелы и луки, жестоко наклонились суровые головы, делая шаг навстречу.

Взвизгнула комариным писком чья-то тетива. Лиго замер - и закрыл глаза, чтоб не видеть происходящего. Страшный сон сбывался - причем так глупо и неожиданно, вдали от дома. И на душе было пусто и холодно, что весь пройденный путь был сделан просто зря...

Но в этот самый миг вдруг раздался звонкий звук горна, вокруг что-то вспыхнуло и громыхнуло, и лесную пустошь прорезал громкий клич: "Холм!" А со следующим треском и вспышкой на тропе прямо перед Мелехом вдруг оказался невесть откуда грозный огненный всадник и полоснул багровым мечом по рукам разбойника. Мелех со страшным звериным криком отскочил, с ужасом глядя, как лежат на земле его дымящиеся отрубленные руки, всё еще сжимая самострел. А следующим взмахом огненная молния клинка прочертила полосу и по шее душегуба - и голова лихоимца с выпученными глазами, смешно подпрыгивая, покатилась в кусты.

- Мамай! - вдруг радостно закричал Лиго, не веря своим глазам.

Но огненный всадник вздыбил своего белогривого коня и снова взмахнул мечом над головой - и тут же ринулся в гущу разбойников.

Из зарослей с кличем "Холм!" на душегубов посыпались всадники с копьями и кончарами, рассеивая лесных злодеев по кустам и там же приканчивая их. Один из ратников насадил на длинную пику того самого красномордого детину, который тем не менее хрипел и исходил кровавой пеной, но все еще зло лез вперед, размахивая страшной дубиной. Но промчавшийся мимо другой конник снес ему голову в один миг - и огромное тело так и замерло на пике, трепыхаясь, словно огромный цыпленок.

Другие разбойники отбивались, кто как мог - кто с криком и ненавистью, кто зло и беззвучно. Пощады от княжеской дружины не ждал никто. Но через пару минут все было закончено - земники даже не успели толком сообразить, как всё произошло в этой сумятице. Казалось, что они были в середине вдруг

вспучившего свои волны кровавого водоворота, который отшумел и стих также внезапно, как и начался.

Когда суматоха слегка улеглась, а всадники с княжескими знаками различия добивали выживших злодеев, чародей подъехал к барздукам и подмигнул:

- Заждались, птахи лесные?

И весело улыбнулся, глядя на расцветающие лица земников.

Под ноги чародею бросили какой-то куль.

- Что делать с этой сволочью из Ордена? - спросил всадник Мамая.

Из куля высовывалась голова того самого уродца, помощника Мелеха.

- В крепости допросим, - кратко сказал чародей и снова подмигнул барздукам.

Но в этот миг за спиной Лиго раздался тихий стон - земник обернулся и с ужасом увидел, как из седла на землю сползает боярина Тренята с торчащей из груди разбойничьей стрелой.

ГЛАВА 13
ПОРУБЕЖЬЕ

Отгорал закат. Кровавое светило огненным шаром коснулось верхушек сосен темнеющего вдали бора. Утих ветер, ласкавший луговые травы и древесные кроны, словно освежая их от стрекочущего зноя жаркого дня. Давящая духота спадала, сходила на нет, уступая место намечающейся вечерней прохладе.

Резали заалевшее небо стремительным полетом стрижи и ласточки, рассекали его на части, спускаясь всё ниже и ниже вслед за звенящей мошкой, спеша насытиться ею вдоволь перед короткой летней ночью. А кое-где уже вспорхнули в своем бессвязном рваном полете летучие мыши, выбравшиеся из дневных логовищ, будто сменяя птичью стражу на свою, ночную.

Сумерки еще не наступили, а только готовились выползти вместе с туманом и сыростью из-под кустов и густых зарослей. Но день еще держал оборону, обволакивая окрестности мягким розовым светом - уставшее солнце неспешно и величаво садилось за окоём и зубчатые пики соснового бора.

Лиго стоял на стене приграничной крепости Южное Порубежье, опоясанной высоким бревенчатым тыном с узкими прорезями бойниц для стрелков. Перекликались на высоких башнях с крытым гонтой навершиями часовые, пристально вглядывавшиеся вдаль. День ли, ночь ли - неусыпно несли они свою службу, готовые при первой же тревоге зажечь дымные маяки на сторожевых башнях и ударить в набат, оповещая окрестные земли о прорыве рубежей Великого Княжества. А из

самой крепости навстречу врагу под звуки звонких горнов в любой миг готовы были ринуться всадники с копьями и пиками наперевес. Граница жила своей, напряженной и полной опасностей и хлопот жизнью.

Подул легкий ветерок, неся с собой прохладу - и, будто радуясь ему, встрепенулись флаги на башнях, затрепетали, захлопали полотнищами, как птичья стая. Но дуновение было мимолетным, и прапоры снова тяжело опали на своих древках.

Сзади раздался легкий скрип половиц. Лиго мгновенно обернулся - на стене стоял утомленный чародей, выжатый весь, словно моченое яблоко.

- Как он? - взволнованно спросил земник у витязя.

Чародей слегка кивнул и утер тыльной стороной ладони лоб.

- Пришлось, конечно, похлопотать, - сказал Мамай, доставая расшитый бисером кисет, - но самое тяжелое уже позади.

И, устало подмигнув барздуку, добавил:

- Теперь уже не о чем беспокоиться - Тренята будет жить.

А затем долго возился с душистым табаком, плотно набивая им свою старинную трубку и тщательно раскуривая ее.

Лиго тоже молчал, ожидая, пока чародей не начнет беседу сам.

И лишь выпустив с наслаждением несколько колец сизого дыма, которые тут же приняли форму кораблей и уплыли, покачиваясь, вдаль за крепостные стены, Мамай наконец продолжил:

- Если ты не против, я там пока оставил присмотреть за Тренятой твоего болвана Пеколса - все-таки он хоть и вредный старый хрыч, но в зельях разных и целительстве какой-никакой толк знает. Ведь в конце концов он и старине Куреясу когда-то помогал тебя выхаживать...

И снова пыхнул своей трубкой.

Лиго кивнул.

- А где товарищ твой, Мартин? - поинтересовался чародей.

Земник пожал плечами:

- Внизу, в гостевой - перебирает поклажу к завтрашнему походу...

И ответ глаза - ему было неловко говорить Мамаю, что Мартин чувствовал себя после сегодняшних событий будто не в своей тарелке. А если называть вещи своими именами, то дружиннику было жгуче стыдно за все свои беспочвенные подозрения по поводу Треняты в лесу. И эта мука была сильней втройне после героического поступка боярина, прикрывшего своей грудью земников от разбойничьей стрелы. А потому по приезду в крепость Мартин и не казал глаз, хоть свидетелями его

позора были всего лишь его спутники. Но земники благоразумно хранили молчание, а пара копейщиков была слишком занята хлопотами возле Треняты, чтобы вести с кем-либо разговоры на эту тему.

Но чародей, будто читая мысли барздука и посасывая при этом свою трубочку, словно невзначай заметил:

- А ведь стрела была не только отравлена... - и выпустил кольцо дыма, которое сперва приняло облик ухмыляющегося черепа, а затем медленно растаяло в воздухе.

- Там было что-то еще? - опасливо спросил Лиго.

Чародей кивнул:

- Да, мой мальчик - на стрелы этого лиходея Мелеха были наложены сильные заклятия. И, хотя он сам этого не знал, он исполнял отнюдь не свою волю...

И замолчал.

И то ли поднимающаяся снизу прохлада заползла под платье земника, то ли в словах чародея прозвучала скрытая угроза, но Лиго поежился в нехорошем предчувствии.

- А чью же? - осторожно спросил земник.

Мамай вынул трубку изо рта и внимательно посмотрел на барздука.

- Ты разве не догадываешься? - спросил чародей, не спуская глаз с земника.

И Лиго тихо шепнул:

- Ордена?

И, будто в подтверждение его слов, откуда ни возьмись, налетел порыв ветра, хлопнули флаги, норовя сорваться с древка, заскрипели деревянные башни. И снова наступила затишье.

- Ты больше не произноси на открытых пространствах этих слов, мой мальчик, - сказал Мамай, насупив брови. - Звери, птицы, мошка - всё имеет уши. Не говоря уж об этих.

И он ткнул чубуком в порхавших в отдалении нетопырей.

- Да и ветер порой разносит слова быстрее, чем они были произнесены...

- Но ведь мы уже далеко на юге! - воскликнул земник. - Ведь мы так много прошли за всё это время!

- И что с того? - оборвал его чародей. - Соглядатаи Врага кругом - и ты уже успел в этом убедиться не раз.

Земник поник головой и замолчал. А затем, спустя время, тихо сказал:

- Иногда мне кажется, что это всё зря. Что ноша моя непосильна для меня, чересчур тяжела. Ведь я всего лишь молодой барздук, недоучка вайделотской школы - а опасности подстерегают на каждом шагу...

Мамай сурово посмотрел на земника:

- Опасности? На каждом шагу?

И, запрокинув голову, расхохотался.

- Да ты, мой мальчик, их еще и не видел-то! - смеясь, сказал чародей. - Или ты те мелкие происшествия, что с вами приключились за весь этот путь, считаешь опасностями? Нет, мой дорогой мальчик, настоящие опасности начинаются вон там!

И он порывисто показал рукой вдаль, за острый частокол крепостной стены, туда, где уже в наступивших сумерках высились на лесных просеках и пойменных лугах огромные приграничные камни, белесо торчавшие вкривь и вкось на черте кордона Неманской державы, отделяя ее уделы от диких пустошей южных земель.

- Там, мой милый Лиго, нет больше ни великокняжеского ополчения, ни приграничной стражи, которые могли бы тебя защитить. Нет там больше ни одной безопасной корчмы, уютного поселения или крепости с надежными стенами, за которыми можно в случае чего укрыться и подать весть о помощи друзьям. Да и друзей там тоже больше нет - а потому и рассчитывать приходится только на себя! Все тропы лживые, а дороги ненадежные - и за каждым поворотом тебя ждет смерть. И так - до самых Лесистых гор! Пустоши, болота да дремучие заросли, по сравнению с которыми самые густые пущи Земиголья выглядят как ухоженные рощи. Вот что такое опасности, дорогой мой мальчик!

И Мамай сурово посмотрел на земника.

- Но если ты думаешь, что это всё - то ты очень заблуждаешься, Лиго! - сердито продолжал чародей. - Там тебя подстерегают такие твари, по сравнению с которыми волколаки покажутся всего лишь бабушкиными сказками, а все виденные тобою разбойники будут вспоминаться как милейшие люди, вышедшие на большую дорогу лишь слегка пошалить. Вот это и есть настоящие опасности!

И Мамай зло пыхнул трубкой, грызя чубук.

Земник, потупив голову, тихо спросил:

- А битва у Синей пущи, она тоже покажется детским лепетом?

И пронзительно посмотрел в глаза чародею.

Мамай от неожиданности осекся, закашлялся и замотал головой.

А затем, утерев выступившую то ли от крепкого табака, то ли от воспоминаний слезу в уголку глаза, еще более тихо сказал:

- Нет, мой мальчик - то была великая битва! Одна из самых великих, которые я когда-либо знал...

И свесил свою чубатую голову, стараясь скрыть предательскую слезу.

- Тогда я вынесу эту ношу, - тихо, но твердо сказал Лиго. - Я по-прежнему иду с тобой...

И замолчал, глядя вдаль.

***

Затрубили звонкие горны, застрекотали дробью барабаны, отмечая смену пограничных нарядов. Заскрипели ворота, выпуская одну конную стражу взамен другой. Зацокали копыта, унося отдохнувших ратников в наступавшую ночь. А прибывшие с кордона первым делом повели своих взмыленных коней в стойла - расседлывать, чистить и кормить. И надо было торопиться - ибо дневной дозор уже ждали парная банька с дальней дороги и горячий ужин, а вместе с ними и самые свежие новости от конного отряда, высланного на поимку лесных лиходеев. Застава жила своей жизнью.

- Наримонт Скирмонтович приглашает вас к столу, господин Мамай и господин Лиго, - сказал невесть откуда взявшийся слуга, и также растворился в воздухе, как и появился.

- Не вешай нос, сынок! - вдруг весело сказал Мамай и неожиданно потрепал земника по плечу. - Всё будет хорошо - ибо боги за нас, Лиго!

И, стремительно встав, стал выбивать трубку о каблук.

Спустились по замысловатым переходам, устроенным внутри толстой бревенчатой стены и попали в просторную залу, на стенах которой чадили факелы. Посредине, заставленный блюдами со снедью и кувшинами, стоял длинный колченогий дубовый стол, вокруг которого находилось несколько человек. Сидевшие суровые лица разом обернулись к вошедшим.

- Милости просим, - немного каркающим голосом сказал высокий, могучего телосложения, бородач во главе стола.

И показал широким жестом вошедшему земнику и чародею их места.

Это и был начальник заставы Южное Порубежье Наримонт Скирмонтович Бут, троюродный брат наместника Земиголья Кориата Довмонтовича, не менее знатный шляхтич из старинного и славного семейства Бутов, верой и правдой служивших Короне и Великому Княжеству не одно поколение.

Частые, иной раз чуть ли не ежедневные схватки на Кордоне оставили на могучем теле шляхтича множество следов и отметин. Лиловыми вздувшимися шрамами было иссечено его лицо, так что один глаз слегка был прикрыт и загадочно мерцал из-под полуопущенного века. Другой, не мене страшный, толстой уродливой жилой пересекал щеку и прятался в густой бороде. А

когда он слегка приподнимал голову, был виден еще один, опоясывавший горло, словно пытавшаяся удушить его змея. Именно этот след указывал на то, почему у столь могучего витязя был так не вязавшийся с его мощным обликом каркающий ломаный голос - следствие застарелой страшной раны, разорвавшей горло слева направо. И только чудо и несгибаемая воля к жизни помогли славному потомку Бутов вернуться из мира богов на эту землю.

- Господа, пред вами - князь Глинский, коему наша Корона обязана вовек, наследник царственного рода великой державы Русколань, витязь Маркисуат, известный также как чародей Мамай! - каркающим голосом сказал начальник заставы. - А также его спутник господин Лиго из знатного рода Бирзулисов не менее славного племени земников, сын знаменитого воеводы Лютня, победителя Семихолмской битвы!

За столом пробежал легкий гул и в суровых взглядах стал читаться неподдельный интерес.

- Именно ради них мы и собрались сегодня вместе - чтобы обсудить крайне важные детали ближайших событий, - продолжал Наримонт Скирмонтович, а затем, дождавшись, когда Мамай и Лиго заняли свои места, стал по очереди представлять им сидевших за столом начальников конных разъездов.

Когда же знакомство состоялось, и легкий шум несколько улегся, Наримонт Бут обвел взглядом всех присутствующих и сказал:

- Вы все знаете, господа, что за чертой Кордона мир полон лихих опасностей и страшных угроз, которые так и норовят прорваться на наши земли. И лишь силою нашего оружия да чародейством волхвов мы еще сдерживаем границы Великого Княжества от разной нечисти, готовой заполонить наши леса и поля. Не далее, чем сегодня, мы уничтожили еще одну разбойничью шайку, которых развелось чересчур много в последнее время. Ее главарь, небезызвестный Мелех, был изрублен на куски прямо на месте. Но я был вовсе не удивлен, что на самом деле он выполнял совсем не свою волю - а шайкой исподволь руководил другой лиходей, оказавшийся тайным засланцем из мрачного Мальборка, столицы Ордена Меченосцев. Язык не поворачивается его назвать человеком - ибо эта уродливая тварь является им всего лишь наполовину. Это чудовище было тщательно взращено в зловещих подземельях орденских замков, и помимо всех своих остальных мерзких навыков и зловредных умений, может с легкостью наводить на людей морок и обессиливать путников. По сути, именно он за спиной Мелеха и верховодил шайкой, внушая главарю свои

мысли. И именно он при помощи своих колдовских навыков почти усыпил бдительность наших ратников. Если бы не своевременное появление нашего отряда, спешившего навстречу, неизвестно, как бы всё обернулось. Сейчас эта тварь сидит в пыточной - и мы огнем и клещами вырвем из него правду. Но его появление у нас, так далеко на юге, говорит о том, насколько глубоко проникли щупальца проклятых меченосцев и их темного магистрата!

- В сегодняшнем бою был тяжело ранен наш соратник, боярин Тренята, сопровождавший от старого мельника к Порубежью нашего друга, барздука Лиго Бирзулиса с его двумя спутниками. И лишь искушенное мастерство в тайных науках витязя Маркисуата вырвало Треняту из когтистых лап смерти. Сейчас боярин спит и пошел на поправку - но еще несколько дней скорей всего будет без сознания и не сможет отблагодарить своего спасителя.

И Наримонт Бут посмотрел на Мамая, еле заметным движением кивнув тому головой.

- Возникает вопрос - так что же всех нас здесь сегодня собрало? Неужели простое перечисление событий последнего времени, которые, увы, являются нашей обыденностью? - спросил далее начальник заставы, и тут же ответил сам себе: - Вовсе нет!

И обвел присутствующих многозначительным взглядом.

Но никто даже бровью не повел - все сидели молча. На каменных лицах суровых ратников ничего не отражалось. Бывалые витязи невозмутимо ожидали.

- А собрал я вас здесь, господа, с одной целью - по просьбе самого владыки Куреяса помочь тайно пересечь Кордон нашим друзьям, да так, чтобы на какое-то время скрыться от глаз и ушей нечисти, выслеживающей их по пятам! - сказал наконец Наримонт Скирмонтович.

И снова посмотрел на сидевших за столом.

Еле слышный шум пробежал среди бывалых ратников. Кое-кто присвистнул, а некоторые даже переглянулись между собой. Мамай и Лиго сидели молча, потупив взгляд, словно и не о них шла речь.

Один из старых служак слегка кашлянул, будто прочищая глотку, и осторожно спросил, посмотрев на чародея:

- Позволено ли будет узнать, за какой надобностью вам, сударь, требуется не только пересечь тайно границу, что вы и без нас неплохо всегда делали, но и тащить за собой вот эту лесную чудь? Ей-то что не сидится в своих прадедовских вотчинах в Земиголье?

Мамай поднял глаза и, еле заметно улыбнувшись в свои

смоляные усы, ответил:

- То, что я появляюсь и исчезаю там, где мне заблагорассудится - чистейшая правда, сударь! А вот почему я, как вы изволили выразиться, тащу за собой лесную чудь - вот это и есть та самая государева тайна, которую не токмо вражеской нечисти, но и вам, бывалым и проверенным воинам, ведать не следует. Ибо какая же тогда это тайна?

И посмотрел прямо в глаза старому ратнику.

Тот выдержал взгляд чародея, пожевал желваками и, слегка кивнув бородой, заметил:

- Ну, ежели сюда замешаны волхвы - тогда да, не нашего ума это дело... Но все-таки смею заметить, что тащить за границу с собой такую обузу - да простит меня господин Лиго, если я правильно расслышал его имя - это вам не шутки шутить. Земники, оно, конечно, народ лесной и всё такое, насколько я знаю - но вот память мне подсказывает, что они отродясь носа не казали дальше своих угодий, которые, как известно, находятся чуть ли не посередине Великого Княжества. А южные рубежи и дикоземье за ними - это вам, знаете ли, не на прогулку за грибами сходить!

И посмотрел на окружающих. В ответ раздался тихий, но одобрительный гул.

Лиго вспыхнул и готов был вскочить, чтобы дать отповедь речам старого воина, но Мамай твердо положил ему руку на плечо и усадил снова за стол.

- Прогулка за грибами - дело нужное и весьма полезное, - улыбнулся чародей. - Особенно когда их ножичком так под корешок чик-чик! А уж в этом деле земники - самые что ни на есть мастера!

И весело оглядел суровые бородатые лица, а кое-кому даже подмигнул.

Ратники непонимающе стали пожимать плечами.

Тогда в разговор снова вмешался Наримонт Бут, встав из-за стола и поглаживая свою бороду.

- Господа, сударь Маркисуат намекает вам на недавнюю битву у Синей Пущи близ Земьгорода, в которой барздуки начисто разгромили орды волколаков, вторгнувшихся в пределы Великого Княжества, - сказал начальник заставы. - И как показывает вся наша история, земники - славные воины и не единожды доказывали это.

- Хм, а чем же тогда прославился этот барздук? - усомнился один из ратников, вопросительно указав на Лиго. - По-моему, он еще слишком молод и юн...

Лиго снова вспыхнул, но рука Мамая опять усадила его на

резной стул.

- Не кажется ли вам, господа, что мы несколько отходим от темы нашего разговора? - улыбнулся чародей, но в его голосе засквозили стальные нотки. - Мы ведь здесь собрались вовсе не обсуждать наши и ваши достоинства или недостатки. Мы просим вашей помощи - как нам незаметно пересечь Кордон и ускользнуть от расплодившейся нечисти как можно скрытнее!

Старый ратник вздохнул.

- Да, вы правы, сударь, - сказал он. - Приношу вам свои извинения!

Наримонт Бут одобрительно хмыкнул - он хорошо знал своих суровых соратников и побаивался в глубине души такого вот нежелательного поворота разговора. А потому и был обрадован, когда чародей мягко, но в то же время быстро и искусно пресек его, и вернул в нужное русло.

- Так что именно вы просите, сударь? - снова спросил старый ратник. - Или, возможно, у вас уже есть свои предложения, которые вы хотите с нами обсудить?

Мамай широко улыбнулся, а затем, достав трубку, вопросительно глянул на окружающих:

- Позволите?

- Валяйте! - вдруг кто-то весело сказал за столом.

Все дружно расхохотались - стена недоверия треснула, что было хорошим знаком.

Раскурив свою трубку (примеру чародея последовало еще несколько человек, хотя Наримонт Бут несколько недовольно покрутил носом), Мамай пыхнул несколько раз, выпустив клубы сизого дыма, и начал:

- Господа! Я прошу вашей помощи вот в чем - нам необходимо всем нашим маленьким отрядом добраться от Южного Порубежья до ближайших отрогов Лесистых гор. И желательно так, чтобы ни одна живая душа и уж тем более нечисть или вовсе нежить какая не пронюхала об этом, пока мы не будем у самого их подножия. Там я знаю один потайной путь, который нас выведет на ту сторону, где нас уже будут ожидать мои друзья. Куда мы двинемся дальше - извините, поведать про то не могу и не имею права.

- Так в чем будет заключаться наша помощь, сударь? - спросил тот веселый ратник, также дымивший своей короткой трубкой. - Неужели просто перевалить тайком через Кордон? Так это дело плевое!

Все снова рассмеялись.

- А помощи вашей, господа, я прошу вот в чем, - сказал Мамай, когда смех утих. - Во-первых, нам нужны надежные

проводники через Занеманские болота. Для нас это самый опасный, но и самый надежный путь к Лесистым горам.

- Ух, ты! - выдохнул кто-то за столом. - По болотам идти - это вам не к кумушке на посиделки смотаться.

И ратники одобрительно заулыбались.

- Да уж, задачку задали вы нам, сударь, - почесал седую шевелюру старый воин, начавший беседу. - Болота Занеманья - пожалуй, самое гиблое место за всем Кордоном. Там даже нечисть редко когда шляется.

- Именно! - улыбнулся чародей. - Вот поэтому нам и надобно через них тайком пробраться, чтобы никому в глаза не попасть. Хватит с нас и того, что здесь, в Неманских землях, за нами Вражьи соглядатаи идут чуть ли не в спину. Оторваться пора бы уж!

- А что? - сказал молодой весельчак. - В этом есть своя правда!

И снова пыхнул своей трубкой.

- Хорошо, но есть вопрос, - не унимался старый седой воин. - Неужели из-за этого дела стоило приглашать нас всех? Среди тех, кто за столом, каждый знает тайные тропы и пути по Занеманью не хуже других - можно было сыр-бор не городить со сборами, а выбрать с помощью Наримонта Скирмонтовича самых подходящих из нас, да и тихо с ними перетолковать. Но ведь нет же - собрали всех начальников разъездов! Значит, дело не такое простое, как кажется.

И бывалый ратник оглядел присутствующих.

- А ведь верно! - зашумели и загалдели за столом.

Мамай молчал - он ждал, что же дальше скажет старый воин.

И тот сказал, точнее, спросил - как обычно, не в бровь, а в глаз:

- Так что там у вас во-вторых, сударь Маркисуат? Давайте уж, выкладывайте - мы все во внимании!

И впервые за весь вечер улыбнулся.

Наступила тишина. Все взоры обратились на чародея. Но тот слегка прищурил свои кошачьи глаза, глубоко затянулся и, выпустив клуб густого дыма, который тут же свился в драконий клубок, как бы невзначай сказал:

- А во-вторых, господа, нам нужно хорошенько спутать следы, чтобы сбить вражьих соглядатаев с толку хотя бы на какое-то время. И для этого нам нужно пересечь Кордон в разных направлениях несколькими отрядами. Мы пойдем через Занеманские болота - а остальные будут изображать нас и оттягивать на себя внимание нечисти и орденских засланцев!

И только после этого внимательно посмотрел на каждого.

Трещали факелы на стенах, а на бревенчатом потолке плясали жуткие тени. Дракон из дыма вдруг рявкнул - и рассыпался на сизые прозрачные клочья, которые устремились вверх и растаяли.

Кто-то присвистнул:

- Да уж, а дело-то серьезное! С наскоку его никак не взять! Тут обмозговать надо как следует!

Мамай кивнул:

- Вот поэтому, господа, я и попросил своего друга и старинного соратника Наримонта Скирмонтовича вас всех здесь сегодня собрать. Времени у нас в обрез - выдвигаться нам нужно завтра, самое последнее - послезавтра. И исчезнуть мы должны для нечисти бесследно - по крайней мере, хотя бы на время, пока не доберемся до Лесистых гор. А как там - это уже моя забота! Так что давайте думать, как нам быть и что каждому из нас делать!

Ратники зашевелились, снова зашумели, задвигали тяжелые резные стулья, стали скрести затылки и крутые упрямые лбы, покачивая головами с густыми копнами волос и дремучими бородами.

И лишь тот самый молодой весельчак, попыхивавший трубочкой наравне с чародеем, вдруг улыбнулся и хитро заметил:

- Обмозговать-то надо - это верно! Но только на пустой желудок мысли в голову ежели и приходят, то тут же и проваливаются в порожнее нутро! А не выпить ли нам да не закусить ли? Тогда, глядишь, и думаться резвее будет!

Все засмеялись, подмигивая друг другу:

- А ведь дело верное! Давно уж пора бы - поди, простыли яства-то!

И все взоры обратились на начальника заставы.

Наримонт Скирмонтович встал, держа в руках тяжелый серебряный кубок, и, подняв его, провозгласил:

- Хвала нашим богам! Во славу Вышня Святовита и Предковечного Древа!

И в ответ ему рявкнули суровые глотки бывалых воинов:

- Хвала тресветлому солнцу!

И казалось, что даже факелы вспыхнули ярче, а сама зала раздалась еще больше.

ГЛАВА 14

БОЛОТАМИ ЗАНЕМАНЬЯ

Третий день шли. Серая дымка заволакивала всё вокруг. Из-за нее непонятно было вовсе, то ли утро, то ли день, то ли вечер уже. Лишь когда темнело (а темнело быстро), становилось ясно, что ночь вступила в свои права. Но и ночи здесь, в болотах, были

странные - подсвеченные какими-то сполохами, вспыхивавшими вдали, призрачными голубыми огнями, мерцавшими то здесь, то там, бледным сиянием в глубине чавкающих топей. Мертвенный свет, настораживающий, пугающий - и холодный, безжизненный. А потому и дорога, петлявшая с кочки на кочку, будто замысловатое кружево, была словно сплошное наваждение.

Третий день брели как во сне. Кругом - только это бесплотное мерцающее марево, серый светящийся туман, наполненный смрадом топей, запахом затхлости и гниения. Иногда вдруг раздавался то ли хохот, то ли утробный звук булькающих бездонных хлябей, проносился над болотами и тут же затихал в безжизненной поволоке плотного тумана ядовитых испарений. И снова - нет, не тишина, ибо это нельзя назвать тишиной - а какое-то безжизненное неестественное затишье, глухое и вязкое, как окружающая их болотная грязь, пожирающая всё, что ступит на нее.

Третий день кряду еле-еле передвигали гудевшие от усталости ноги с кочки на кочку, боясь оступиться в голодную трясину, раскинувшуюся вокруг. С трудом вытягивали набухшие башмаки из черной жадной жирной жижи, тащившей ко дну, в вечный покой. Руки уже не слушались и едва держали дорожные посохи, которыми ощупывали впереди себя зыбкую тропу в топях. Смрад и тлен вокруг, да ненасытные бездонные хляби, раскинувшиеся во все стороны, терпеливо ждущие одной, маломальской ошибки зазевавшегося путника, чтобы схватить его своими вязкими липкими щупальцами, и с утробным чавканьем медленно, с какой-то адской злорадностью тащить вглубь. Часами мог биться в ненасытных топях Занеманья зверь или человек, угодивший в этот страшный капкан. Кричи, не кричи - кто услышит тебя? Кто еще забредет в эти гиблые места? Да и марево вокруг не хуже топей под ногами - в нем, этом зыбком тумане, все звуки тонут, будто в болоте.

Одно успокаивало - оторвались от Вражеских соглядатаев, от пристального ока Мальборка, мрачной столицы Ордена. Ибо эту серую пелену не могло пронзить даже колдовство темного магистра Гримуара, наводнившего своими жуткими слугами всё Великое Княжество. За три дня - ни одного настораживающего знака. И, несмотря на затхлую сырость вокруг, это грело сердце. Но и только-то - ибо огня из осторожности не разводили. Да и как его разведешь, из чего, ежели вокруг только чахлые кусты да искривленные уродливые деревца с какой-то бурой листвой? Трава на трясинах, и та была безжизненного серого цвета.

Питались на скорую руку, кое-как, вяленым мясом да отсыревшими сухарями из заплечных мешков. Несли всё на себе -

пони пришлось оставить в крепости, где начальник заставы обещал их отослать с первой же оказией в Земиголье, к воеводе Бортню. А своего Белогрива Мамай отпустил перед самыми болотами - ибо конь этот волшебный при нужде сам находил дорогу в любую сторону без помощи человека. Путешествуй витязь как обычно, в одиночку, он бы наоборот, сам доверился бы чутью своего огыря, как делал это не единожды - и дивный конь без особого труда унес бы своего наездника и от вражьей своры, и пробрался бы самым кратким путем через гиблые топи. Но в этот раз Мамай был не сам - а потому и топал чародей наравне со всеми на своих двоих по колено в грязи, да прыгал с кочки на кочку, выдирая ноги из липкой зловонной жижи.

Впереди нащупывал одному ему ведомый путь Долмат, тот самый старый ратник, с которым и пререкался в крепости Мамай. Бывалый воин, исходивший Занеманские топи вдоль и поперек, сам вызвался сопровождать чародея и его странных спутников через гиблые болота до отрогов Лесистых гор. Сбросил кольчугу и шлем с позолотой, переоделся в грязные рваные тряпки, закутался в выцветший, видавший виды потертый дорожный плащ. Лишь дорогой булатный меч за поясом да тонкой работы кинжал за голенищем выдавали в нем знатного воина - да острый, как бритва взгляд из-под седых бровей, и твердая, не потерявшая за долгие годы своей хватки рука. "Старый ратник - что вино в дубовой бочке: чем больше лет, тем крепче" - говаривал Долмат зеленому молодняку с жидкими усами, приходившему к нему в пополнение на заставу. А потому и самолично учил их, возился с ними изо дня в день, ни в чем не только не уступая, но даже превосходя их, как старый кот, который, мурча, забавляется с неопытными котятами, позволяя им слишком многое, и так, в играх и возне, передавая им свои бесценные бойцовские навыки.

Замыкал отряд весельчак Мигуля, гибкий и ловкий, как ласка, и опасный, будто хорошо отточенное жало. Его сам отобрал Долмат из всех своих бывших учеников, многие из которых давным-давно стали начальниками конных разъездов подобно своему наставнику. "Придется тебе, сынок, на время перепоручить свой разъезд кому-нибудь другому, - сказал ему старый ратник, - ибо прикрывать свою спину я не могу доверить никому, кроме тебя!" И также скинул свои щеголеватые латы Мигуля и облекся в старое рванье, подпоясавшись крепкой веревкой. Так и шли третий день по болоту - умудренный жизнью Долмат всегда впереди, а его молодой ученик прикрывал спину не только своему наставнику, но и всему отряду, попутно заметая следы, хотя здесь и без него неплохо старалась жадная болотная грязь.

Земников же поставили в середину - и они так и топали с кочки на кочку, таща на спине свои огромные заплечные торбы чуть ли не во весь свой коротышкин рост. Как для человека, то с виду - обычная котомка. А вот для невысокого барздука она казалась огромной неподъемной поклажей. Долмат еще в крепости хмыкнул, глядя на большущие мешки, которые выволокли земники из своей гостиной. Но каково же было его удивление, когда малая лесная чудь, крякнув и охнув, тем не менее взвалила на плечи свои торбы и бодро затопала вперед, ничуть не отставая от остального отряда. И так - час за часом, казалось, с виду, вовсе не уставая. И лишь на первом привале бородачи-коротышки поскидывали мешки оземь и, тяжело привалившись к ним спинами, сидели совсем взмокшие, радуясь краткому отдыху.

"Надолго ли этих хватит?" - усомнился шепотом и Мигуля, как бы невзначай проходя мимо бывалого ратника. Тот пожал легонько плечами, мол, не знаю еще, поглядим со временем. Но, снова-таки к удивлению старого воина, земники опять взвалили свою поклажу и безропотно топали версту за верстой до следующего привала. И так - третий день. Лишь один чародей хитро и лукаво, но совсем незаметно улыбался в свои смоляные усы - уж он-то знал упрямую барздучью породу, как никто другой. А вот у обоих ратников с каждой верстой всё больше и больше росло уважение к странной лесной чуди, невесть откуда вынырнувшей в их крепости прямиком из бабушкиных сказок. И, глядя на земников, Долмат и Мигуля начинали верить в те байки и побывальщины, которые ходили из уст в уста про лесных малышей-богатырей, побивавших орды упырей и волколаков, что рыскали по Неманским землям.

К концу первого дня оба ратника испытали еще одно потрясение, связанное с барздуками. Лиго и Мартин, шедшие сразу за чародеем и чертыхаясь каждый раз, когда вытаскивали из хваткой болотной жижи свои толстые башмаки, вдруг плюнули в сердцах и, подмигнув друг другу, стащили с ног тяжелую обувь - и, как были, голопятые, легко и шустро запрыгали с кочки на кочку на своих гусиных трехпалых лапах. Долмат так и обомлел, глядя на их дивные нечеловечьи, с птичьими пальцами и перепонками, ноги - только челюсть отвисла.

- Смотри, не упади в обморок, дядя! - легонько толкнул его под локоть ворчун Пеколс, стаскивая башмаки и с себя, и показывая свои, старые и морщинистые, гусиные лапы.

А затем, повертев ногой туда-сюда и разглядывая ее, как бы невзначай бросил:

- Эх, когти бы остричь не мешало, а то грязи набьется...

И бодро почапал вслед за своими молодыми соплеменниками.

Долмат стоял и хлопал глазами, не веря самому себе. А проходивший мимо Мамай нагнулся к нему и вдруг что-то прошептал на самое ухо. Старый ратник вдруг густо покраснел, сплюнул в сердцах, а затем громко расхохотался, крутя головой.

- Вот иродова душа! - сказал Долмат, утирая смешливую слезинку в углу глаза. - Скажет ведь еще, охальник хренов!

И, время от времени похохатывая, снова двинулся вперед.

Лиго догнал чародея и, осторожно тронув за локоть, глазами показал, чтобы тот нагнулся.

- А что ты ему сказал, Мамай? - спросил, шепча, земник.

Чародей ухмыльнулся и так же шепотом ответил:

- Я сказал ему, что он еще удивился бы еще и не так, ежели б с вами в баню сходил!

И барздуки в три глотки громко рассмеялись.

- Вы бы потише тут ржали, господа хорошие, - буркнул сзади Мигуля, услышавший слова чародея и сам еле-еле сдерживавший смех. - Оно хоть и болото все звуки гасит, а все ж таки береженого и боги берегут!

Земники замолкли - но до самого вечера в маленьком отряде то тут, то там кто-то тихонько хихикал скабрезной шутке.

И лишь на привале Долмат вполне серьезно сказал:

- А ведь вам надо было сразу нас и предупредить про ноги у чуди...

И с укором посмотрел на чародея.

Старый ратник был прав - ведь из крепости в разные стороны, чтобы сбить с толку нечисть, отправились несколько отрядов по пять-шесть человек в обуви, оставлявшей одинаковые отпечатки на земле. И случай на болоте мог в один миг перечеркнуть все усилия - один-единственный трехпалый след на кочке выдал бы путников с головой.

И, словно читая его мысли, подал голос Мигуля, замыкавший отряд:

- Следов не видно вовсе - жижа стерла все до единого.

- Будем надеяться, - сказал старый ратник и отвернулся.

***

Лиго проснулся среди ночи. Покрутился с боку на бок, выискивая более уютное местечко - но всё было бесполезно: мерзкая сырость проникла всюду, въелась намертво в одежду, пропитала одеяло и подстилку. Бестолку было искать в этих болотах хоть какой-то сухой пятачок.

Земник сел и повертел головой. Вокруг колыхался жирными клочьями густой склизкий туман, эдакое не то марево, не то

серый кисель, разлитый над топями. И эта плотная липкая пелена гасила все звуки - даже мирное посапывание его товарищей, клубком скрутившихся на своих утоптанных местах. Чуть поодаль, широко раскинув руки, беззаботно спал на спине чародей, обнажив из-под угольных усов свои белоснежные, с перламутровым отливом зубы. И в какой-то миг земнику вдруг показалось, что Мамай и не дышит вовсе, что он покинул их навсегда, замерев с жуткой неживой улыбкой на оскаленном лице. Холодный ужас стал подниматься откуда-то снизу, пополз вверх, к сердцу, по спине - но в этот миг чародей вдруг всхрапнул тихонько, пошевелился, и снова замер. У земника отлегло на душе.

И вдруг острая мысль пронзила Лиго - а где же часовой? Где Долмат, старый ратник, который должен охранять их сон? Земник вскочил словно ошпаренный.

Ну да, всё верно - вот спят, свернувшись калачиком, его друзья барздуки, вот лежит чародей, а еще немного поодаль на боку, заложив руку под голову, дремлет Мигуля. А старого ратника нигде нет!

Лиго хорошенько протер глаза - не показалось ли ему? Может, плотный туман скрыл фигуру часового за своей густой завесой? Но нет - часовой пропал, будто на дно канул.

Земник снова похолодел - нехорошие предчувствия стали закрадываться в душу. Может, разбудить товарищей и Мамая? Но что он им скажет? Поведает о своих сиюминутных сомнениях? А если Долмат скоро объявится? Или, что еще хуже, он никуда вовсе и не исчезал - а спрятался хорошенько где-нибудь рядом и надежно стережет сон своих спутников. Вот будет хохоту и насмешек!

Поразмыслив минуту-другую, Лиго пришел к выводу, что не мешало бы сперва просто проверить, на своём ли посту находится старый ратник - а уж затем, в случае чего, поднимать тревогу.

И земник решил сделать вид, что ему вдруг среди ночи вздумалось прогуляться по окрестностям.

Лиго встал и, насколько мог осторожно, чтобы не разбудить своих товарищей, шагнул разок, другой. Земля под ногами была словно губка, сплошь насыщена прогнившей влагой, и жадно чавкала и причмокивала при каждом его шаге. Следы тут же наполнялись зловонной мутной жижей, и быстро затягивались.

"Вряд ли тогда по такой вот трясине мог далеко уйти Долмат", - подумал Лиго, обходя по кругу стоянку и заглядывая чуть ли не под каждую кочку и куст.

Но часового нигде не было. И даже если он где-то спрятался неподалеку, чтобы видеть всё, что делается в лагере и возле него,

он непременно окликнул бы земника, ни с того ни с сего шарящего вокруг среди ночи.

Лиго поежился - всё это было крайне неприятно и очень странно. Куда мог запропаститься старый ратник, заведший их в эту болотную даль? Ведь, по сути, кроме него и дороги-то в этих гиблых местах никто толком не знал - Мигуля и тот временами путался в укромных тропах по топям.

Ежели предположить, что Долмата тихо и незаметно погубили неведомые враги - тогда почему до сих пор на путников никто еще не напал? Да и вообще, глупая мысль, думалось земнику - ведь старого и бывалого вояку вот так вот просто не проведешь: он в любом случае успел бы дать какой-нибудь знак, чтобы разбудить своих товарищей.

И тут вдруг земник снова похолодел - колючая мысль пронзила его воспаленную от ядовитых болотных испарений голову: а что, если мы ему никакие не товарищи? Что, если Долмат нарочно заманил их в эту гиблую даль? Заманил - и, улучив момент, пропал, смылся попросту. Ведь сколько они знакомы? Всего четыре дня? И что они знают про Долмата? Что он самый старый и опытный начальник разъезда Южного Порубежья? И что с того? Кто скажет, что у этого бывалого вояки на уме? Ведь если зло проникло так глубоко в Неманские земли, в чем он, Лиго, уже успел убедиться неоднократно, то кто даст ответ, что оно не просочилось и в эту далекую южную заставу на самом краю родной земли?

Родной земли... У Лиго защемило сердце - увы, уже нет, не родной. Вокруг - только тлетворные ядовитые болота, мертвые бесконечные топи, и это вот колышущееся серое марево зловонного липкого тумана, которое становится чуть светлее днем и немного сгущается ночью. Нет, ты уже давно на чуждой и незнакомой земле - а родные долины и леса остались там, на севере, в трех дня пути по этим трясинам. И если там зло хоть и строило свои козни и таилось в засадах, но все же чувство родной земли давало и силы, и веру в себя - ведь как бы ни было тяжело и страшно порой, но все равно, где-то в глубине души всегда таилась искорка сокровенного знания о том, что всё обойдется, все напасти минуют и тебе снова улыбнется солнце.

А здесь? Чужая и гиблая земля... И даже не земля - а бездонные ненасытные топи под ногами, слегка подернутые трясиной. Неосторожный шаг в сторону от тропы - и жадное до живой плоти мерзкое болото с чавканьем пожрет тебя: не останется ни следов, ничего...

Зачем завывающие орды волколаков и упырей? Зачем лязгающие железом отряды рогатых меченосцев? Зачем шайки

разбойничающих душегубов с большой дороги? Всё это вовсе не нужно - ведь есть эти вот мертвецкие болота, Занеманские топи. Зайдешь - не выйдешь. Сгинешь в этих мерзких местах ни за понюшку табака - и врагов тебе вовсе никаких не нужно. Всё - шито-крыто: утонул в болоте, и все дела.

Лиго била крупная дрожь - неужели Долмат предатель? Изменник? Хитрый тайный враг, лукавством заманивший их в ловушку, и исчезнувший при первой же возможности? Не может быть! А если и Мигуля тоже с ним заодно? А ведь наверняка - не зря же старый ратник выбрал именно его, а не кого-нибудь другого, с собой в этот поход.

Земник вдруг встрепенулся и понял, что нужно делать - пойти за Долматом, ведь времени еще много не прошло, и его следы вряд ли полностью затянулись. А товарищи? Может, стоит их хотя бы разбудить и предупредить? А если Долмат не предатель - и случилось худшее, о чем можно подумать? Тогда будет не просто стыдно - будет так же мучительно больно, как и Мартину, который недавно так жестоко ошибся в Треняте.

А если... И земника передернула еще одна мысль, от которой ему стало не по себе. А если старому вояке пришлось отойти в сторонку, скажем, по малой или какой другой нужде? Тогда что? Ведь тогда уж точно не избежать насмешек и подколок до конца пути.

"Всё! Хватит! Нужно пойти и еще раз проверить всё самому!" - мотнул головой Лиго, отгоняя сонмы назойливых мыслей, лезших в голову, словно надоедливые мухи.

Земник подошел к чародею и барздукам, мирно спавшим на сырой земле, посмотрел, подумал какой-то миг, не разбудить ли их всё-таки? Но затем махнул рукой и решительно направился в ту сторону, где должен был находиться старый ратник, когда путники отходили ко сну. А вслед земнику из-под полуприкрытых век немигающее смотрел застывший глаз чародея и как-то странно и загадочно мерцал.

***

- Где Лиго? - был первый вопрос Мамая, когда он проснулся. - Кто его видел в последний раз?

Пеколс и Мартин сидели и непонимающе терли сонные глаза. Недалеко от них вскочил, словно ужаленный, Долмат - он спал на месте Мигули, сменившего его к утру.

Оба ратника смотрели то друг на друга, то на чародея с земниками.

- Его нет, - жестко сказал Мамай, и на его лице прорезались суровые морщины.

- Как нет? - изумился Мартин. - А это что!

И барздук ковырнул ногой подстилку Лиго - из-под одеяла вместо земника вдруг грузно выкатился вещевой мешок.

Мартин подскочил - и с перепуганными глазами стал расшвыривать вещи в разные стороны, надеясь найти своего товарища.

- Я же сказал, его здесь нет, - с нажимом произнес Мамай, но в последний миг голос его слегка дрогнул.

И в этот миг вдруг одновременно в разных местах утробно и громко зачавкала жадная трясина, словно показывая, что она может сделать с заплутавшим путником, совершившим неосторожный шаг в сторону от тропы.

- О боги... - прошептал Мартин и стал оседать на землю, в отчаянии обхватив голову руками.

И тут вдруг небольшую поляну среди трясины, на которой путники и расположились на ночлег, неожиданно прорезал истошный крик:

- А-а-а!

Это кричал Пеколс с округлившимися от ужаса глазами, ошарашенный потерей хозяина.

- Цыц! - молнией метнулся к нему Мамай и зажал рот.

Старый земник продолжал биться в руках чародея - но когда тот его хорошенько тряхнул, вдруг обмяк и замер.

- Ты что творишь, бестолочь? - зло зашептал ему в ухо Мамай. - Ты чего разорался, как на убой? Хочешь всех нас с головой выдать своими воплями?

Но Прок вместо ответа только еле слышно всхлипывал.

- Я думаю, крик далеко не отнесло, - заметил подошедший Долмат и указал на густой липкий туман, мерно колышущийся вокруг. - Это марево пожирает все звуки...

Мамай резко и пронзительно глянул на него, словно полоснул клинком:

- Как ты там говоришь, Долмат, будем надеяться?

И тут же отвернулся.

Ратник вдруг словно окаменел. И так и стоял, сраженный взглядом чародея, как громом, и не веря самому себе - впервые в жизни его вот так вот, будто играючись, пригвоздили к земле, что он и пошевелиться не мог.

- Извини... - буркнул Мамай, отпуская Пеколса. - Молчать будешь? Или мне на тебя тоже заклятие наложить?

Прок мотнул своей взъерошенной головой и тихо выскользнул из ослабивших хватку рук чародея. Сполз на землю и так и сидел, обхватив голову руками по примеру Матина и раскачиваясь из стороны в сторону от обрушившегося горя.

- Что думаешь обо всем об этом? - спросил, не глядя на ратника, чародей.

Заклятие спало - Долмат слегка пошевелился, словно не веря своему освобождению. Ошарашенный Мигуля смотрел на всё происходящее с открытым ртом.

- Ты это, рот-то закрой, - прокашлявшись и пряча глаза, сердито проворчал старый ратник Мигуле. - Не ровен час, ворона залетит...

- Так что делать-то будем? - вдруг подал голос Мартин и какими-то дурными глазами посмотрел на чародея и ратников. - Ведь весь наш поход без Лиго и яйца выеденного не стоит...

И тут же осекся, поймав и на себе острый взгляд Мамай.

Но затем чародей махнул рукой, мол, что тут уже попишешь, раз всё разболтали - и полез за кисетом.

- Сударь, сударь... - испуганно затараторил Мигуля. - Я бы на вашем месте не курил здесь. Крики криками - а вот запах табака может разнести далеко вокруг!

- Запаха не будет, - жестко отрезал Мамай и стал набивать трубку.

И лишь когда чародей пыхнул своей носогрейкой, как в шутку называл он ее, черты лица его немного смягчились.

Клубы табачного дыма, словно по мановению, никуда не улетали и не таяли вовсе, собираясь просто над головой Мамая - так что вскоре он стал похож на небольшой вулкан с кружившими вокруг вершины сизыми кольцами. Барздуки и оба ратника безмолвно смотрели на это, словно на некий колдовской обряд, от исхода которого зависел весь дальнейший успех.

Наконец чародей, выпустив очередную дымную струю, тут же свернувшуюся в кольцо и поплывшее наверх, к остальным клубам, произнес:

- Лиго жив - я это чувствую. И мы его обязательно найдем.

И, прокашлявшись, стал выбивать свою трубку.

- Жив? - встрепенулся Пеколс. - Жив? Не утонул в этой мерзкой трясине?

И тут же расплакался.

- Слава тресветлому солнцу... - прошептал Мартин и тоже отвернулся, тайком потирая глаза, как будто в них попала какая-то соринка.

- Хватит нюни распускать, - подмигнул барздукам Мамай. - Я же сказал, мы его найдем!

- Я с вами! - бодро воскликнул Мартин, вскакивая на ноги.

- Ну, уж нет, - улыбнулся чародей. - Хватит с нас и одного пропавшего земника!

И, посмотрев на барздуков, сказал:

- Вы остаетесь здесь с Мигулей, а мы с Долматом отправимся на поиски Лиго. И не вздумайте мне перечить - сами знаете, что за это может быть!

И глянул в сторону старого ратника:

- Ты готов?

Тот молча кивнул, по-прежнему отводя взгляд.

И две рослых фигуры растаяли в предутренней пелене вязкого тумана. Какое-то время Мартин еще всматривался в ту сторону, куда они ушли, пытаясь различить их - но затем понял, что глаза уже обманывают его и ничего, кроме клочьев плывущего марева, там уже просто нет.

Шли молча - да и о чем можно было говорить? Чародей сердился - и не столько на Долмата, но прежде всего на самого себя, что проспал, профукал Лиго в этих гиблых болотах. Под ногами хлюпала влажная пористая земля, насквозь пропитанная гнилой водой. И тропа в болотах вилась туда-сюда, вихляла из стороны в сторону, порой почти возвращалась назад и снова делала замысловатую петлю. Вокруг - один унылый пейзаж, и дальше нескольких аршинов не видно ни зги: всё застилал плотный вязкий липкий туман. Сырость, марево, чавкающая трясина - и какая-то странная тишина, которая наваливалась тяжелым покрывалом, съедая все звуки.

Долмат время от времени останавливался, наклонялся к земле, разглядывая лишь одному ему ведомые приметы да следы. И путники снова шли дальше. Старый ратник ощущал и свою вину во всем произошедшем - но не говорил ни слова. Происшедшее с ним совсем недавно попросту потрясло его до глубины души - и было непонятно, что больше: внезапное исчезновение земника или же заклятие чародея, пригвоздившее его к месту и заставившее окаменеть на какое-то время. Всё, что случилось, никак не укладывалось в голове бывалого вояки - ведь мимо него даже мышь не могла проскользнуть, а ведь барздук, как бы он ни был мал ростом, все-таки побольше мыши будет. А уж про силу чародея и вовсе думать не хотелось - поскольку весь предыдущий жизненный опыт бывалого вояки напрочь перечеркивал такие возможности у людей. Нечисть, обладающая колдовской силой - это понятно, на то она и нечисть, чтобы обладать такими возможностями. Но вот чтобы человек - и вот так вот, играючись, одним лишь взглядом, заставил другого окаменеть - это было невероятно даже для старого ратника. Ведь в его представлении люди на то и были потомками небесного светила, чтобы от нечисти всякой отбиваться не токмо мечом и стрелами, но и молитвой светлой. Да, конечно, старый ратник слыхал про кудесников-вайделотов, подвизавшихся при

княжеском дворе, но вот от тех горе-волхвов, что он встречал лично, никаких особых чудес он не видывал. Ну, заклинание там какое легонькое пробормочут от бородавок, ну на отвар травяной пошепчут для быстрейшего излечения ран, ну на оружие попытаются зарок какой-нибудь наложить, хотя это и вовсе сомнительно, что тут больше срабатывает - само нашептывание или же отвага самого владельца клинка. И, по сути, и всё - обычный набор деревенского знахаря. И потому внезапно вырвавшаяся малая толика небывалой силы южного чародея поразила бывалого воина до самых глубинных корней его закаленной в битвах души. Как ни короток был миг заклятия, блеснувшего своей невиданной мощью, словно еле уловимая вспышка молнии, но старый ратник почуял в ней такую силищу, с которой доселе ни разу не сталкивался. И потому его мнение о странных путниках, уходивших по каким-то своим загадочным делам из Державы Неманской, менялось всё больше день ото дня.

А чародей шел сзади, разглядывая тайком старого воина, и думая о чем-то своем, недоступном для посторонних, и также прислушиваясь ко всему вокруг.

Больше двух часов блукали болотами южный витязь и бывалый ратник, пока впереди из тумана вдруг замаячили неровные острые зубцы древних развалин. Долмат поднял руку и встал, как вкопанный - показывал, что дальше нельзя. Чародей также остановился и, наклонившись к уху воина, тихо спросил:

- Что за место такое? Чувствую здесь лихую старинную силу, что засела в этих камнях...

- Тс-с-с... - чуть слышно прошептал ратник. - Это Турухтанова Крепь - самое гиблое место вообще в этих болотах, их древнее прогнившее сердце...

И словно в подтверждение ему трясина вокруг вдруг взволновалась, зачавкала жадно, издала утробный не то рев, не то вой - и захлебнулась в своем плотоядном отчаянии. И снова - давящая вязкая тишина.

- Ишь, недовольна-то как, - заметил Мамай, кивая на окружающее болото головой.

Но ратник его словно не слышал - он пристально всматривался в одному ему видимые следы и наконец сказал:

- Твой друг там - тина не успела затянуть его следы. Еще бы час-другой - и мы бы точно его никогда бы не нашли. Только вот не понимаю, какого рожна ему здесь нужно? Сюда вообще ни одна живая душа не заходит - каждый сторонится этих мест...

И в недоумении пожал плечами.

Двинулись вперед с крайней осторожностью, тщательно выверяя каждый следующий шаг, чтобы не попасть в бездонный

зыбун, покрытый сверху тонкой твердой коркой или буро-зеленой ряской, или на неверную кочку, предательски уходящую из-под ног. И лишь порядочно попетляв, нащупали наконец правильный путь и вышли к замшелым развалившимся воротам, нависавшим каменной грубой громадой над путниками.

Огромные, порядком осыпавшиеся стены, сложенные когда-то умелой рукой из огромных валунов, теперь тихо сползали в окружающие трясины, выдулись пузом, пошли трещинами, из которых торчали то тут, то сям редкие чахлые кустарники да ползучие грязные травы, свисал бородами серый лишайник да выглядывал клочьями густой мох. Древностью и затхлостью пахло от этих стен, тленом и прахом.

- Турухтан - великий давний град, за грехи богами затопленный болотом... - прошептал старый ратник, вглядываясь сквозь шевелящийся густой туман за воротами.

- Да, великое княжество было когда-то, - прошептал чародей. - Вот уж не чаял вовсе повидать его...

- Затхлое место, мертвецкое, - сказал Долмат. - И твой друг пробрался сюда. Жив ли?

И посмотрел на чародея.

Тот на мгновение прислушался к себе - и тихо, но твердо ответил:

- Жив - я это чую...

- Ну что ж, тогда идем, - кивнул ратник и сделал шаг в проем ворот.

***

Вошли.

И тут же на путников со всех сторон навалился едкий липкий туман, заползал в глаза, в ноздри, за шиворот, заключил в свои плотные объятия. Мелькали в нем какие-то не то тени, не то призраки, клубилась давняя, еле сдерживаемая злоба и ненависть, колола промозглой сыростью - и разом вдруг стало холодно, будто в промозглый осенний день.

Ступали вперед осторожно - ибо хоть под ногами и была уже земная твердь, но дальше вытянутой руки из-за тяжелого тумана ничего не было видно. Натыкались на стены с обеих сторон, переступали через осыпавшиеся камни, сбивая отсыревшую обувь. Пока наконец стены, ведущие от ворот внутрь, вдруг не расступились широко - и чародей с ратником всем телом почувствовали огромное свободное пространство, расступившееся вокруг и скрытое за пеленой белого марева.

- И где теперь его искать в этих развалинах? - прошептал Долмат, замерший на месте: в таком плотном тумане никаких следов было больше не видать.

Чародей хмыкнул - и, подняв повыше свою жердь, с которой шел по трясине, прошептал что-то. Чиркнула молния - и конец сырой палки вспыхнул огненно и запылал, разгоняя вокруг клочья белесого марева. И так, держа над головой свой колдовской факел, чародей двинулся вперед.

Туман от света огня таял, злобно шипел, уползая в сторону и обнажая широкую площадь, вокруг которой стояли огромные, вытесанные из некогда белого камня, фигуры, изображавшие не то великих воинов, не то полководцев. Сжимали они своими мраморными руками мечи и секиры, а головы их украшали островерхие шлемы - но лиц их не было видно вовсе: у всех они были разбиты напрочь.

Ратник понял немой вопрос чародея, указавшего глазами на каменные статуи, и прошептал:

- Их еще в давние временами разбили люди из соседних вотчин, ибо верили, что своим взглядом эти идолы наводят порчу на окрестные земли. Только вот с тех пор уже и сами люди ушли из этих, да и других окружающих мест. Одно лишь Южное Порубежье - самое близкое людское поселение, если пограничную заставу можно считать таковой...

Чародей хмыкнул - но ничего не сказал. А каменные истуканы возвышались вокруг с отбитыми лицами, тщась хоть на миг посмотреть на непрошенных гостей.

И вдруг впереди что-то замерцало у подножия одной из статуй. Чародей присмотрелся - и радостно двинулся вперед. И через несколько шагов наткнулся на маленького земника, свернувшегося клубочком у подножия мраморного идола - в руках барздук сжимал заколку, подарок старого волхва, от которой и исходил теплый золотистый свет.

- Лиго! Хвала богам! - воскликнул Мамай и бросился к земнику.

Тот спал крепким сном.

И в этот миг вдруг что-то злобно зашуршало сверху - и не успел чародей что-то сделать, как рядом с ним вдруг грохнулся огромный камень, чуть не придавивший его с вместе с барздуком.

- Осторожно! - крикнул Долмат, и оттолкнул в сторону чародея.

Тот еле успел подхватить на руки земника - и на это самое место, где только что спал калачиком барздук, с треском упала белая глыба.

- Отходи от истуканов! - кричал Долмат, уворачиваясь от валунов и булыжников, сыпавшихся сверху.

Путники в два прыжка очутились посередине площади, глядя во все глаза, как каменные истуканы в своей бессильной злобе

шипят, исходят трещинами и раскалываются на части, грозя засыпать сверху непрошенных гостей. И, словно вторя древним идолам, стены вокруг тоже затряслись, будто в лютой ненависти, стали швыряться кусками замшелых камней, оседать и осыпаться

Земник мирно спал на руках у чародея, не видя и не слыша ничего, что происходит вокруг. А сам витязь и старый ратник вдруг посмотрели дуг на друга, замерли на какой-то миг - и в один голос закричали:

- Ворота!!!

И помчались огромными шагами к выходу, который грозился вот-вот рассыпаться в прах и навеки отрезать путь вторгнувшимся во владения древней крепости путникам.

Неслись, не разбирая дороги, уворачиваясь от падающих сверху камней - и в голове билась только одна мысль: успеть бы, не опоздать бы, не остаться бы здесь похороненным навсегда.

Свистели пролетающие мимо валуны, шипели стены, тряслись, грохотали, исходили злобой и ненавистью. Туман вокруг снова начал сгущаться, наваливаться всей своей ядовитой мощью, заползал в ноздри. Становилось тяжело дышать - то ли от гнилостных испарений промозглого марева, то ли от бега и прыжков среди взбесившихся падающих стен.

Подбежав к воротам, с ужасом увидели, как они также оседают, закрывая единственный выход из этой жуткой старой крепости.

- Холм! - вдруг заорал что есть мочи старый ратник, и кинулся наобум вперед, прямо под грохочущую каменную лавину.

А чародей, не сбавляя бега, вдруг воздел свободную руку, отбросив уже ненужную горящую жердь, и что-то прокричал страшным голосом.

Взметнулось пламя, ударило в оседающие ворота со страшным треском - и на какой-то миг падающие каменные глыбы вдруг застыли вопреки всем законам природы. Замерли всего лишь на мгновенье, будто недоумевая, что же произошло - и снова с грохотом ринулись вниз, подняв огромный столб пыли и навеки закрывая вход в крепость.

Но этого мига как раз хватило ратнику и чародею, чтобы проскользнуть сквозь ворота наружу. А следом, буквально сразу же за их спинами обрушились стены Турухтановой Крепи - и над болотами разнесся ужасающий грохот и вой.

Лишь измазавшись по пояс в грязи и отойдя на достаточное расстояние, усталые путники сели на более-менее надежную кочку отдышаться. Под ногами противно булькала зловонная жижа, то тут, то там сотрясались болотные зыбуны, будто содрогаясь от произошедшего разрушения древней твердыни

среди трясин.

Посмотрели друг на друга, на свои перепачканные лица - и рассмеялись.

- А ты знаешь, Долмат, - сказал чародей, - а мне даже нравятся эти болота. И могу даже сказать, чем именно.

Ратник, смеясь, поднял глаза в немом вопросе.

- А тем, что в этих топях нет вообще никакой мерзкой мошкары, - подмигивая, сказал Мамай. - Пожалуй, это единственные такие болота без гнуса и комарья.

- Что верно, то верно, - кивнул головой ратник. - В этих гиблых местах даже мошка не водится. А кого здесь кусать-то? Разве что утопленных в жиже мертвяков или этих вот истуканов в крепости?

И кивнул в сторону разрушенной Турухтановой Крепи.

- Единственно, что мне дает теперь покоя, так это две вещи, - сказал чародей. - Во-первых, что или кто действительно заставило Лиго уйти из лагеря и блукать болотами, грозя оступиться и утонуть. И во-вторых, что теперь нам надо уматывать отсюда как можно быстрее - ибо наследили мы здесь предостаточно.

Старый ратник кивнул:

- Да, со вторым согласен полностью - мы здесь не просто наследили, а прямо-таки расписались в собственном присутствии. Считай, все предыдущие потуги оставить ваш поход втайне накрылись с головой - до конца дня здесь будет всё кишеть нечистью. А вот с первым вопросом я тоже могу помочь - хотя могу и ошибиться.

И пристально посмотрел на земника.

- И что же ты можешь сказать? - поднял на него глаза чародей.

- Я не знаю, что это за штуковина такая у малыша в руках, - сказал ратник, - но сдается мне, что именно она и спасла его и в его странствиях по болоту ночью, и там, в крепости.

И Долмат указал на мерцавшую в руках безмятежно спящего барздука заколку.

- Только вот сдается мне, что из лагеря все же выманила не она его - а что-то другое. Точнее, кто-то другой.

Чародей быстро зыркнул на ратника.

- Ты думаешь, все-таки кто-то увязался за нами следом, да так, что мы его не обнаружили?

- Именно, - кивнул старый воин.

- Нечисть?

- Не думаю, скорее всего - мелкий болотный дух в услужении у нее, - сказал ратник. - Эти твари могут насылать наваждение и заманивать в трясину путников, чтобы утопить. Но вот сами по

себе они ничего не могут сделать. Кроме...

И замолчал.

Чародей резко глянул на Долмата.

- Кроме чего? - с тревогой спросил Мамай.

- Я боюсь, как у твоего друга не началась после этих блуканий болотная лихорадка, - тихо ответил ратник. - Поэтому чем быстрей мы выйдем из этих мест, тем будет лучше для всех.

Чародей внимательно посмотрел на Лиго, всё еще посапывающего во сне, насланном то ли болотным духом, то ли мерцающей заколкой, подхватил его на руки и, быстро поднявшись, сказал:

- Идем.

И фигуры ратника и чародея с земником на руках через несколько минуту растаяли в густом болотном тумане.

А через пару часов на месте древней разрушенной крепости появилось несколько облезлых тощих старых волков. Они понюхали воздух, посмотрели на свежие развалины, облизнулись и глубокомысленно посмотрели друг на друга.

Самый матерый из них, пошевелив носом, довольно проворчал:

- Сдается, не там все наши искали этих гавриков - а они, гляди-ка, здесь отметились, в самом сердце болот, в Турухтановой Крепи! Хм, кто бы мог подумать, а?

- Надо бы позвать подмогу - то-то будет наслаждение задрать сегодня к вечеру свежатинку! - буркнул волк помоложе.

Вожак недовольно покосился на него и тихо прорычал:

- И без твоих подсказок знаю, что делать. Так что заткнись, пока я тебе глотку не перегрыз.

Молодой волк испуганно осекся, трусливо опустил уши и поджал хвост.

- Так-то будет получше, - проворчал матерый самец, а затем, обращаясь к остальным, еще раз рыкнул: - Так, всем рассеяться и вынюхать здесь всё до последнего следа - чтоб ни единой мелочи не упустить!

И волки, уткнув носы в болотистую топь, стали тщательно рыскать вокруг.

Через полчаса вся картина была ясна старому вожаку, как божий день. Он удовлетворенно ухмыльнулся, еще раз облизнул свой выцветший нос и хмыкнул:

- Ну что ж, господа барздуки и мерзкие людишки, охота на вас теперь примет совсем другой оборот. Будем трубить общий сбор. И, клянусь своими клыками, если не к вечеру, то уж к завтрашнему утру мы вас не только обложим со всех сторон, но и загоним куда надо.

И протяжно завыл, задрав морду к небу.

А минуту спустя и волчья стая так же исчезла в белесом колышущемся мареве.

ГЛАВА 15

К ЛЕСИСТЫМ ГОРАМ

- Если будем идти очень быстро, и не только днем, но и всю эту ночь - к утру выберемся из болот и достигнем отрогов Лесистых гор, - говорил Мамай своим спутникам. - Тогда у нас есть возможность избежать ловушки и вырваться из западни.

Поэтому и спешили. Лиго, который всё еще крепко спал, несли на руках по очереди Долмат с Мигулей. Носилки сооружать не стали - и не из чего было, кругом рос лишь один чахлый кустарник, да и времени на поиски подходящего дерева и обустройство носилок тратить тоже не стали: каждая минута была на счету. Так и шли - Мигуля впереди нащупывал дорогу, посередине Долмат и чародей, менявшиеся по очереди, вокруг которых семенил охающий и причитающий Прок Пеколс, а замыкал отряд Мартин Бубилас.

Спешить хоть и спешили, но с умом - никому вовсе не хотелось угодить в ненасытную трясину, ибо такая задержка с выручкой потерпевшего всем стоила бы жизни. Наверняка нечисть уже пронюхала все случившееся в Турухтановой Крепи, собрала все свои силы и стала преследовать путников по пятам, при этом также обкладывая маленький отряд и с боков, норовя отрезать от выхода из болот.

Уже не обращали внимания на мерзко чавкающую грязь, на лившийся ручьями пот, на предательски дрожащие руки, то и дело норовившие выпустить дорожные посохи, которыми ощупывали тропу в топях перед собой. Ноги путников давным-давно налились свинцовой тяжестью от усталости, а спины гудели от тяжелых котомок. И в головах стучала одна только мысль - как бы дойти. И так, через силу, делали шаг за шагом, сцепив зубы и невзирая на все тяготы. Только бы дойти, добраться, вырваться из плена ненавистных болот.

И лишь далеко за полдень небо над головами путников вдруг прояснело, туман слегка зашевелился и с недовольным шипением клочьями стал расползаться по сторонам. А в освободившееся пространство сверху вдруг хлынул солнечный свет - такой яркий и ослепительный, что путники все как один зажмурили глаза.

- Здравствуй, солнышко! - радостно воскликнул Мартин.

И все, включая старого ратника и чародея, вдруг чему-то улыбнулись.

На душе полегчало, стало намного светлей. Надежда снова

зародилась в сердцах. И хотя буквально через несколько мгновений солнце снова спряталось в плотных тучах над головой, а со всех сторон вновь стал наваливаться сырой тяжестью белесый туман, усталость как рукой сняло. Этой короткой передышки хватило, будто глотка свежего воздуха в затхлой темнице. И путники с новыми силами зашагали по топям, твердо зная, что вырвались из сердца болот и близятся к их краю.

И снова час за часом отмеряли шаги, аршины, версты по предательским топям. Почти не разговаривали друг с другом, тяжело дышали - но у каждого в душе горел тонким лучиком солнечный свет, который вселил в них надежду после долгих унылый дней скитаний в мертвецких топях.

И лишь когда уже совсем почти стемнело, ратник встал как вкопанный и окликнул Мигулю:

- Эй, сынок, поумерь-ка свой пыл! Хватит топать без перерыва - этак мы сами себя совсем в конец загоним.

И, обернувшись к Мамаю, несшего в это время мирно спящего Лиго, сказал:

- Сударь, так дело не пойдет - отряду нужна хоть и небольшая, но передышка!

Чародей пожевал свой ус и с сомнением произнес:

- А хватит ли сил и воли нам всем подняться после этого привала? Лучше уж идти, пока идется...

- Ну да, и упасть, как падается... - проворчал под нос Прок Пеколс.

Мамай покосился на него, а затем махнул рукой.

- Делай как знаешь, Долмат. Привал? Пусть будет привал!

И путники, облегченно вздохнув, сели там, кто где стоял.

Говорить вовсе не хотелось. У каждого в груди гулко билось сердце, пот заливал глаза. Вытянули вперед гудевшие утомленные ноги.

Кто-то пустил по кругу флягу - и каждый жадно прикладывался к ней.

- Эх, сейчас бы не водицы, а винца испить, да, Пеколс? - хохотнул Мартин и толкнул в бок старого барздука.

Прок глянул на него, вздохнул и блаженно улыбнулся:

- Да, стаканчик-другой совсем не помешал бы...

Чародей достал было свой кисет, но Долмат так сердито покосился на него, что Мамай тут же поспешил убрать его подальше.

- А ночью-то ведь будет тяжело идти, - подал голос Мигуля, ковыряясь посохом в рыхлой кочке. - И не токмо из-за усталости, а всё потому, что ни зги не видать будет. По каким вехам путь тогда держать будем?

- По звездам и будем, - широко зевнул старый ратник в ответ Мигуле. - Сейчас вот прикорнем на полчасика прямо на кочках, а там пойдем дальше, передохнув.

- По звездам? - воззрились на него удивленными глазами остальные. - Это где ж звезды-то в тумане видать?

Долмат посмотрел на своих путников и затем, улыбнувшись, подмигнул им.

- А тумана скоро не будет вовсе - за полчаса его ветер развеет напрочь, - сказал ратник.

И, будто в подтверждение его слов, застывший доселе воздух вдруг зашевелился, сизые клочья марева задрожали мелко и стали распадаться на части - а над топями пронеся сперва еще слабый вздох ветра, затих на время, и затем вновь с удвоенной силой увеличил свой натиск. В плотных сумерках было видно, как кисель тумана расползается прямо на глазах, тает и уносится порывами освежающего ветра назад, в глубины мерзких топей.

- Я бы на вашем месте немного бы прикорнул, - потягиваясь, сказал старый ратник. - Нам еще всю ночь топать.

И, повернувшись к Пеколсу, спросил:

- А вы, сударь, сможете покараулить эти полчасика? Я в долгу не останусь - дойдем до Лесистых гор, я вам в награду тот самый стаканчик вина и поднесу.

И широко улыбнулся.

Мартин, Мигуля и чародей засмеялись, глядя, как Пеколс захлопал глазами, открыв рот.

- Ну, так что, по рукам? - подмигнул старому барздуку ратник.

- Эх, сударь, умеете же вы уговаривать, - расплылся в улыбке Прок.

И все еще раз хоть и тихо, но дружно и беззаботно рассмеялись

***

Через полчаса действительно ветер прогнал все остатки тумана - от марева не осталось и следа, будто кто тщательно веником вымел всю округу. Прохладные сырые щупальца с шипением уползли в глубины топей. И хотя уже полностью стемнело вокруг, небо было ясным и в его невообразимой дали загадочно мерцали звезды, роняя на болота свой тусклый призрачный свет.

Пеколс усердно нес свою службу, и, отчаянно зевая, хоть и с трудом, но все же отгонял сон. И чтобы хоть как-то отвлечься от дремотных мыслей, Прок решил немного размять отсиженные ноги. Барздук встал, походил туда-сюда, потянулся пару раз - и остановил свой взгляд на всей огромной ширине Млечного Пути,

который земники издавна называли Зоряной Рекой, текущей по всему небосклону невесть откуда и неизвестно куда. По их поверьям, уплывали в небесный Ирий к своим предкам на утлых лодчонках души барздуков, покинувших сей бренный мир.

Мерцали звезды в черной вышине, переливалась серебристым сиянием Зоряная Река, неся свои призрачные воды по небесной середине, и ее неслышное журчание навевало думы и мысли, нагоняло воспоминания.

Память... Что есть память? Что это за образы и видения, что приходят к нам из глубин прошлого? Почему они вдруг могут нахлынуть будто из ниоткуда, накрыть с головой, захлестнуть, завертеть и увлечь в свои бурные водовороты? Что это за мысли такие, что бьются волнами в нашей голове, шумят, вскипают и вновь опадают? Отчего не поддаются нашим усилиям их отогнать, когда они нам неприятны или откровенно тяжелы? Почему не подчиняются приказу явиться, когда они нам так нужны и необходимы, чтобы отвлечься? А ведь порой достаточно малейшего намека или какого-то крошечного штриха, чтобы бурный водоворот памяти вдруг вскипел, зашумел волнами, вспенился - и поглотил нас целиком, накрыв своими волнами. Почему? Бог весть - это вечная загадка...

Так и сейчас. Вот сколько раз старый земник смотрел на звезды глухою ночью - и ничего. А тут поди ж ты - память вдруг вскинулась, зашумела, заволновалась и понесла барздука на своем бурном гребне далеко-далеко в прошлое, которое уже не вернуть.

Вот сидит над закопченной ретортой взлохмаченный старый земник, щуря свои красные глаза в неверном пламени коптящего свечного огарка. Шевелятся пересохшие губы, и заскорузлый палец с обгрызанным ногтем водит по прыгающим от мерцающей тени строчкам старинного пергамента.

"Мидий есть камень черный, подобный углю, - шепчет себе под нос барздук. - Но, будучи растертым и измельченным в ступке, проявляет шафранный цвет. Ежели смешать сей порошок со свежим молоком, то он излечивает бельмо на глазу и снимает всякую боль. Исцеление наступает даже тогда, когда больной уже отчаялся прозреть. Приготовленное снадобье следует хранить в стеклянном или серебряном сосуде и пить натощак. Сие целебное средство чрезвычайно действенно и многими одобрено..."

Земник заглядывает в реторту, на дне которой матовым слоем лежит черный прах с буроватым оттенком - и продолжает читать снова, водя пальцем по строчкам толстого фолианта:

"А ежели хочешь кому отомстить, то смешиваешь полученный порошок с родниковой водой - и даешь эту воду, чтобы ею омыли

лицо. И ежели кто выпьет этой воды - то изрыгнет свои легкие..."

На лестнице слышится топот и веселый смех. Миг - и в маленькую каморку, едва освещенную мерцающим пламенем свечи, врывается шум, гам и громкий смех беззаботной юности. Это Лиго, молодой шалопай и повеса, вернулся с вечерней гулянки со своими товарищами-собутыльниками.

- Прок! Ты всё корпишь над своими книгами по алхимии? - кричит раскрасневшийся Лиго.

Но Пеколс в ответ только недовольно морщит нос.

А шалопай подбегает к нему - и, не успевает старый барздук закрыть старинную рукопись, как ее выхватывает у него из рук Лиго, громко захлопывает, и со смехом читает тисненое название на кожаном переплете:

- Итак, "Лапидарий, или же Указатель камней, их происхождения, свойств и качеств, составленный ученейшим Евнохием из страны Тасис..."

И заливается звонким хохотом.

Пеколс насупливает лохматые брови и пытается что-то сказать, но Лиго, протанцевав вокруг него и выстукивая чечетку своими деревянными башмаками-клумпи, бросает книгу на край стола.

- Эх, Прок, чернильная ты душа! - смеется молодой земник. - Я не знаю, где находится твоя страна Тасис, но эдак ты всю свою барздучью жизнь в нашей собственной стране переведешь на нет! Давно ты здесь сидишь над своими книгами? По красным глазам вижу, что давно. А ведь на улице не ночь - а одно загляденье! Прямо-таки волшебная, чудесная ночь! Ты видел сегодня эти осенние звезды в небе? Нет? Прок, поверь - их сияние в стократ, нет, даже в тысячу крат лучше, чем все аметисты и адаманты в мире! А ты заперся в своей тесной каморке, будто добровольный узник. Ну-ка, живо во двор! Мы купили вина и прихватили лютню!

И, подмигнув, весело упорхнул в дверь, громко топая башмаками по лестнице.

- Да уж, не дадут мне сегодня покою, - бурчит старый земник, наводя чистоту после посещения Лиго, ворвавшегося, словно свежий ветер, и разбросавшего всё в беспорядке. - Видать, не суждено мне пока проверить слова ученейшего мужа Евнохия из далекой страны Тасис про чудесные свойства камня мидия. Пойду-ка, пригублю вина, пока приглашают - а то ведь вылакают всё сами, повесы и гультяи эти из вайделотской школы!

И, задув огарок и шаркая ногами, Прок спускается по лестнице, плотно притворив дверь и укутывая на ходу в толстый вязаный шарф свое длинное тощее горло.

Во дворе уже кто-то разжег очаг, а в беседке звенит лютня и слышатся переливы песни пополам с веселым смехом.

- Старина Прок! Иди к нам! - машут рукой Пеколсу из беседки. - Мы здесь пригрели для тебя теплое местечко да припасли деревянный кубок. А одна страстная барышня из молодух так и жаждет услышать твое мнение о букете купленного вина!

И снова веселый хохот перекрывает звуки лютни.

Но в этот миг Пеколс задирает голову - и замирает. Несмотря на отблески костра, над ним во всю ширь бездонного купола неба раскинулась сияющая стремнина Зоряной Реки. Огромные звезды мерцают и перемигиваются, завораживают своим холодным блеском, тянут к себе, унося куда-то вдаль. И вдруг пропали куда-то переливы лютни, растаял звонкий смех - а вокруг раскинулась лишь одна сияющая загадочная тишина небесной извечной тайны...

Пеколс встряхнул головой, словно отбрасывая прочь нахлынувшие воспоминания. Да, он теперь далеко-далеко и от вайделотской школы, и от своей уютной каморки на окраине славного Волен-града. Занесла его нелегкая вместе с хозяином сюда, в эти гиблые болота. Но вот звезды - они всё те же, и также сияют в вышине. И по-прежнему мерно катит в неведомый счастливый Ирий свои мерцающие волны великая Зоряная Река.

Товарищи барздука мерно посапывали в своей кратковременной, но так необходимой дреме. Еще пару-тройку минут - и придется всех будить, чтобы продолжать свой путь. Впереди - еще долгая и очень тяжелая ночь.

И вот, когда время вышло и старый барздук, крепко и основательно почесав двумя пятернями свою взъерошенную шевелюру, наклонился к Долмату, чтобы растолкать того, как вдруг порыв ветра принес издалека волчий вой.

Барздук замер - вой был настолько тихий, что Прок подумал, уж не показалось ли ему это?

Но в этот миг старый ратник резко вскочил и схватился за меч.

От неожиданности Пеколс отшатнулся - и свалился назад, угодив прямо на Мартина. Тот тоже подскочил как ужаленный, с силой отпихнув от себя Прока, и сонно озираясь по сторонам.

- Что такое? Что случилось? - вдруг рявкнул над самым ухом старого земника голос чародея.

Барздук с перепугу подпрыгнул и попытался развернуться - но запутался в плаще Мигули, споткнулся и грохнулся прямо на него.

Миг - и еще заспанный Мигуля уже сидел верхом на

свалившегося на него кулем земнике, и, ничего еще не понимая, связывал того спросонья крепкой веревкой.

- Держу гада! - шипел молодой ратник, запихивая кляп в рот брыкавшегося барздука.

Пеколс с трудом выплюнул кляп и вдруг заорал что было мочи:

- Своих вяжешь, тудыть твою в кочергу! Продери зенки, соня!

Мигуля обмер, хлопая заспанными глазами.

- А ну цыц! - вдруг яростно зашипел чародей.

А старый ратник в сердцах сплюнул, отвернувшись.

Пеколс обиженно оттолкнул от себя Мигулю, который виновато освобождал его от пут, и встал, потирая запястья.

- Приехали! - сердито сказал ратник. - Таились, таились - и на тебе!

И снова отвернулся, махнув рукой.

- Ну, ты, Прок, и выдал, - вздохнул Мартин. - Теперь ты переполошил все болота, а не только весь лагерь...

И будто в подтверждение его слов ветер снова донес издалека зловещий волчий вой.

- Ну вот, что и требовалось доказать, - кивнул в ту сторону Мартин, укоризненно глядя на старого барздука.

- Да иди ты! - насупился вдруг Пеколс. - Мне и раньше этот вой послышался - из-за чего я и полез будить вас всех.

- Ну, вот и разбудил, - кисло улыбнулся Долмат.

Все замолчали, снова прислушиваясь к ветру.

И тут тишину нарушил сонный голос Лиго:

- А что за переполох? Мы что, проспали на одном месте до самой ночи?

И Лиго, удивленно озираясь по сторонам, сел, протирая слипавшиеся от долгого сна глаза.

Мгновение - и все, зажимая рты и забыв об окружающей опасности, дружно захохотали, толкая друг друга локтями, стараясь особо не шуметь. Но смех вырывался сквозь пальцы, пытался просочиться наружу и его старательно пытались затолкать обратно - и, глядя на эти безуспешные попытки друг друга не смеяться и отчаянные ужимки, которыми это сопровождалось, все еще больше расходились в навалившемся неожиданном веселье.

А юный земник сидел посредине этого непонятного для него смешливого буйства и изумленно вертел головой туда-сюда, силясь понять, чем был вызван этот безудержный молчаливый хохот его товарищей.

***

Горы встали перед путниками внезапно. Они словно

вынырнули из легкого утреннего тумана во весь свой рост, когда отряд перевалил через холмы, окружавшие болота. Именно из-за этих вот увалов, оцепивших гнилостные низины громадным кольцом со всех сторон, да из-за плотных туманов, вечно висевших над топями, и не было видно горных вершин. Да и то, громко сказано - вершин!

Лесистые горы были старые-престарые, древние настолько, что неумолимое время обветшало их, слизало своим шершавым языком некогда острые зубчатые пики, закруглило их. Горы ссутулились, просели от тяжести веков и тысячелетий, усохли и сжались. И теперь уже вовсе не гордые вершины вздымались ввысь, вонзаясь в небо и разрезая ветра - нет, теперь глядели печально вверх одряхлевшие и осыпавшиеся верхушки, а буйные вихри глумились над ними, словно мстя за прошлое. И эти пологие гладкие вершины торчали среди зеленых лесов, будто стариковские лысины в окаймлении редких кучеряшек.

Да и сами леса тоже не были сплошь густыми да зелеными - нет-нет, да и белели на горных склонах, словно клочья седины, прозрачные березовые рощи. А там, словно рыжий пучок волос, рдели красные и желтые заросли раскидистых кленов. Но все же большинство гор поросло хмурым темным ельником, взбиравшимся от их подножий до самых зеленых вершин. И казалось издалека, что это и не леса вовсе, а какие-то громадные замшелые валуны с яркими пятнами лишайника.

- Горы вот они, рядом, - сказал, вытирая лоб, Долмат, остановившись на вершине холма.

- Ну да, считай, что рукой подать, - хмыкнул Мартин, шедший следом.

И, повернувшись к остальным, громко добавил:

- Тут без малого еще на день пути - а погоня уже на хвосте!

Бежали всю ночь. Местами, конечно, замедляли свой шаг, когда переваливали через трясины, осторожно перебираясь по кочкам. Но топи постепенно уступали место твердой почве, и чувствовалось, что край болотам уже близок.

Однако же и волчий вой докучал путникам, словно подстегивая их, не давая расслабляться. Он раздавался то совсем далеко, то чуть ближе, то вновь отдалялся. И эта вражья перекличка давила на нервы и оставляла в душе гнетущее впечатление.

Сколько верст преодолели за эту ночь, никто даже не прикидывал. Ноги гудели - но все упрямо бежали вперед, сцепив зубы. На кону была их собственная жизнь - и жизнь всего Неманского края, если уж на то пошло.

Мартин и Прок бежали, зло ругаясь в свои бороды. Долмат,

умудренный многолетним ратным опытом, бежал равномерным шагом - и что-то тихо напевал себе под нос. Ему вторил Мигуля, также стараясь не сбивать дыхание. Лиго тихо шептал дорожные заклинания, как его учили в вайделотской школе - и только это ему придавало сил, чтобы совсем не свалиться с ног. И лишь один Мамай, замыкавший отряд, казалось, вообще не чувствовал никакой усталости.

И поэтому, когда отряд ранним утром выскочил наконец из опостылевших болотных низин на вершину холмов, все на минуту замерли, увидев прямо перед собой Лесистые горы.

- Не останавливаться! - прикрикнул сзади чародей, рассерженный внезапной остановкой. - Бегом вниз - там и дух переведем!

- Это точно! - кивнул Долмат. - Нас здесь, на холмах, как на ладони видно!

И отряд, замешкавшийся совсем ненадолго, побежал вниз по склону. Лишь в последний миг Лиго оглянулся - за спиной простиралась бескрайняя чаша болот, до краев наполненная колышущимся туманом, словно ядовитым колдовским густым варевом, едва не поглотившим навсегда барздуков и их спутников.

- Не отставать, сынок! - прикрикнул ему на ухо Мамай и легонько подтолкнул в спину.

И барздук, вздернув за спиной котомку, помчался вниз за остальными.

Лишь через пару часов утомительного бега, порядком попетляв по заросшей лесом долине среди отрогов гор, отряд наконец сделал привал в дубовой роще.

Попадали кто куда мог, побросав заплечные мешки наземь. Пот застилал глаза, гулко стучало сердце, тяжело вздымалась грудь. Усталость всех скосила напрочь.

Так и сидели, почти без движения, без малого с полчаса, пока наконец Мартин не подал голос.

- Э, братцы, так дело не пойдет, - сказал барздук. - Эдак мы далеко не убежим. Без отдыха и вовсе с ног попадаем...

- Какой попадаем? Не встанем просто, - едко заметил Прок, не поднимая глаз.

- Да еще и дорога теперь все поднимается вверх, - поддакнул Лиго. - Здесь бы нам лошадки наши совсем не помешали бы...

- Твоя правда, - кивнул Мартин и глянул на сопровождавших их ратников.

Но Долмат и Мигуля, привыкшие за годы своей службы и не к таким тяготам, молчали с закрытыми глазами, блаженно откинувшись на своих дорожных мешках.

Мамай глядел на беседу земников с легкой улыбкой.

- А что скажут судари разлюбезные барздуки на возможность сегодня же оказаться на ужин в котелке у волколаков? - подмигнул земникам чародей.

- У волколаков? В котелке? - протянул Лиго и слегка хохотнул: - А разве они не питаются сырой человечиной?

- Ну, это дело вкуса, милейший, - улыбнулся Мамай. - Человечиной, может, они и питаются сырой - а вот что касается их пристрастий из свежепойманных барздуков, я, как-то даже слегка теряюсь. Никогда не интересовался этим вопросом, и, честно говоря, никогда и не являлся знатоком кухни волколаков.

И снова подмигнул барздукам.

- Сварят они нас, и все дела! - ввернул Мартин, растирая свои натруженные ноги. - Потому что после такой ночной пробежки мясо у нас жестче не бывает - все зубы они себе только переломают!

- Тьфу ты! - сердито сплюнул Пеколс, но все остальные громко засмеялись.

Шутки шутками, но что-то делать было надо. Накопившаяся усталость давала о себе знать. Подняться снова казалось невыполнимой задачей - а остаться на долгий отдых было смерти подобно: ибо погоня нет-нет, но могла нагрянуть очень скоро.

- Там, если мне не изменяет память, кто-то грозился немного винца поднести Пеколсу за ночное дежурство? - снова подал голос Мартин. - Нельзя ли и нам поучаствовать хоть малую толику в этом?

- Экий ты прохвост! - хохотнул Лиго. - Память что надо!

- Ага, и наглость тоже, - буркнул оживившийся Пеколс.

Долмат открыл глаза и вскочил.

- А ведь точно! - хлопнул он себя по лбу.

И тут же стал рыться в своей котомке, пока не извлек из нее старую, видавшую виды, помятую флягу.

И, радостно развернувшись, вдруг встретился с жестким взглядом чародея.

- Ты уверен? - сурово спросил Мамай. - Вам же еще с Мигулей назад идти!

Старый ратник задумался всего на миг, а затем упрямо кивнул головой:

- Уверен, друг! Обратной дороги может и не быть вовсе, если мы до гор сегодня же не доберемся...

- Ну, делай, как знаешь, раз нет другого выхода, - тихо сказал Мамай.

И отвернулся.

Земники непонимающе смотрели на этот разговор и странное

поведение Долмата и чародея. Неужели это из-за глотка какого-то вина?

А ратник тем временем с легким хлопком открыл крышку и, пригубив горлышко, слегка глотнул.

- Ух! - скривился Долмат и шумно вдохнул, поморщившись.

Мартин толкнул Лиго в бок и шепнул:

- Гляди-ка, видать, забористая штука, раз так кривится.

А Пеколс тем временем только облизнул пересохшие губы.

Флягу пустили по кругу - отказался один лишь Мамай. Когда очередь дошла до Лиго, он понюхал, слегка взболтнул и на мгновение замер, глядя, как морщится Мартин.

- Давай-давай, сынок, не стесняйся! Пей смело! - подбодрил его Долмат.

Лиго пожал плечами - и глотнул.

- Ух! - только и смог вымолвить он.

Обжигающая густая жидкость плеснула в горло, словно кипятком. В зобу сперло дыхание, а тысячи иголок одновременно вонзились во все тело, вгоняя его тут же в пот. Земник так и сидел, раскрыв рот и вытаращив глаза - такого едкого пойла ему еще не приходилось пробовать.

Лиго и не заметил, как из его рук фляга плавно перекочевала к Пеколсу, а затем и Мигуле. И они также, крякнув следом за ним, тоже замерли с побагровевшими лицами, пока наконец первым не заговорил Мартин.

- Это что за отрава, дядя? - еле ворочая языком, спросил земник у Долмата. - Я думал, сейчас ноги так и откину...

Ратник забрал флягу из рук Мигули, слегка взболтал ее, послушал, и, удовлетворенно крякнув, сказал, крепко запечатывая пробку:

- Хорошо! И нам, в случае чего, еще осталось по глоточку.

И подмигнул Мигуле - но тот только замотал головой, силясь хоть что-то произнести.

- Так что это было, иродово семя? - прокряхтел Пеколс, отчаянно откашливаясь. - Я такого яда ни в одной алхимической книжке не видал.

- И не увидишь, - подмигнул ему Долмат, у которого, казалось, была луженая глотка.

И спрятал флягу в свой заплечный мешок.

- Это волшебный сбор, - вдруг сказал Мамай. - Зелье Дивов, его ратники выменивают у чудесного народа. Он идет на вес золота - и способен придать сил как в отчаянной схватке, так и при долгих переходах. Так что скоро вы, гуси-лебеди, полетите все, как на крыльях, забыв про усталость. И уже за полдень мы будем у Лесистых гор.

- Так это же замечательно! - воскликнул Лиго.

- Да, конечно, мальчик мой, - слабо ему улыбнулся Мамай. - Только вот Долмату с Мигулей еще и назад возвращаться надо - а он так щедро поделился с вами этим волшебным зельем. Так что не столько сбор из волшебных трав вы пили - а жизни наших друзей...

И отвернулся.

Повисла тишина.

И лишь минуту спустя ее нарушил Долмат:

- Вы уж простите, сударь Маркисуат, но я так понимаю, что вас с этими славными барздуками сюда вот, за тридевять земель, занесла не одна только прихоть. Гонит вас на юг какая-то ноша, мне неведомая, но судя по всему, крайне важная. И я так понимаю, что сейчас вот стоит на кону судьба всего нашего края Неманского. А за родные земли, вы знаете, мне не жаль и жизнь свою положить. Вот так-то, сударь.

И, закинув за плечи мешок, сказал:

- Ну что, выступаем?

И тронулся вперед.

ГЛАВА 16
ЧЕРНЫЙ УТЕС

- Ищите черный утес - под ним то, что нам надо, - говорил Мамай.

И путники во все глаза глядели по сторонам.

Солнце стояло высоко и жарило немилосердно, хотя уже чувствовалось приближение осени.

Сопели, пыхтели, ругались себе под нос, взбираясь крутыми стежками наверх по заросшим лесом склонам. Пот застилал глаза, стекал липкими ручейками по щекам и шее. Заплечные мешки лямками впивались в натертые плечи, противно хлюпали по взопревшим спинам. А из-под ног то и дело скатывались вниз предательские камни, отчего и люди, и барздуки спотыкались, еле успевая схватиться руками за какой-нибудь куст или каменистый выступ.

Погоня была близко. Издалека нет-нет, да и доносило ветром не то волчий вой, не то собачий лай. Когда впервые эти звуки достигли ушей путников, они взобрались уже довольно высоко на горные склоны. Барздуки и люди переглянулись, словно не веря услышанному. А затем Долмат одними губами шепнул страшные слова: "Волколаки с псоглавцами..." И дрожь пробежала по коже каждого, а в затылок повеяло неприятным холодком.

Силы были неравные. Действие волшебного сбора уже закончилось. Да и что там его было? По глотку на брата? А

потому снова подкатывала усталость, дрожали натруженные ноги, гулко било в висках.

Но надо было спешить. Надо было идти вперед, карабкаться по этим склонам, петляя извилистыми горными тропками. Иначе всё зря, иначе всё пойдет просто прахом. И каждый из путников понимал это. Как понимал и то, что если они выберутся из этой передряги - впереди будет не легче, а намного тяжелей. И сколько таких еще опасностей впереди? И ведь каждая может закончиться и плачевно, и бесславно, и, что самое страшное, внезапно. Просто так, вдруг.

Погоня приближалась. Издалека ветром доносился шум падающих камней из-под множества когтистых лап, да временами внизу над верхушками деревьев поднимались облачка пыли, поднятой преследователями. И эти знаки явно указывали на близость беспощадного врага.

- Куда хоть мы идем, сударь, вам ведомо? - спросил Долмат, поравнявшись с чародеем.

Но тот только молча кивнул ему, что-то высматривая впереди себя.

- Сударь, мы вас довели к Лесистым горам, как и обещали, - не унимался старый ратник. - Мы провели вас гнилыми болотами Занеманья. Но дальше-то что? Нам не уйти от этой погони. Сколько мы продержимся еще? Час? Два? И что затем последует, сударь?

Но чародей только покосился на седого вояку и еле слышно ответил:

- Тут уж мне доверьтесь, сударь. Я ищу одну потайную тропу.

Ратник вспыхнул, сцепив зубы - желваки его гневно заиграли. И лишь какое-то время спустя он сказал:

- Да какую бы мы тропу ни выбрали - здесь, на этих склонах, нас все равно догонят. Зачем тогда всё это? Не лучше ли сразу повернуться и дать последний бой этой нечисти?

И Долмат кивнул на погоню внизу.

Чародей снова искоса глянул на ратника, слегка ухмыльнулся и заметил:

- Бой, и далеко не последний, мы еще успеем дать. А пока лучше ищите черный утес - под ним и будет то, что нам надо!

Мартин и Лиго, сопевшие чуть ли не в спину Долмату с Мамаем, и слышавшие весь разговор, только недоуменно переглянулись. Какой такой черный утес? И что за потайная тропа под ним, по которой можно уйти от преследователей?

Сзади чертыхался Пеколс, которого в спину подгонял Мигуля, замыкавший отряд.

- Давай, дядя, быстрей, - ворчал молодой ратник. - Шевели

своими гусиными лапами - а не то их скоро зажарят с корочкой...

Но Пеколс в ответ только ругался себе под нос, спотыкаясь через шаг.

Солнце пекло головы, слепило глаза, поднятая пыль лезла в ноздри. Но, время от времени оглядываясь вниз, каждый понимал, что если бы не тот глоток волшебного зелья Дивов, доставшийся каждому путнику там, внизу, перед подъемом - то не одолеть и вовек бы им было эти крутые, поросшие лесом склоны.

- И что же там у этого черного утеса, сударь? - снова спросил Долмат у чародея. - Вы собираетесь загнать нас всех и на одном дыхании перевалить эту гору?

И старый ратник горько хохотнул.

- Так ведь за ней - еще одна, а там и следующая, - продолжил он. - Нам не оторваться от погони, сударь. Эти горы - на несколько дней пути. Разве что мы перелетим их по воздуху, как птицы.

Но чародей снова молча посмотрел на него.

- Молчите, сударь? - вздохнул ратник. - Ну что ж, я свою службу знаю - и долг чести исполню до конца. Раз надо искать ваш чертов черный утес - так тому и быть! Может, с него мы и бросимся камнем вниз?

Но Мамай и бровью не повел на колкость собеседника.

Но в этот миг глазастый Лиго вдруг вскинул руку куда-то в сторону и воскликнул:

- Ого, какая темная скала! Уж не этот ли черный утес мы и ищем?

Все замерли - и обернулись туда, куда показывал рукой земник.

Над темными верхушками деревьев будто из ниоткуда выросла мрачная громада черной зубчатой скалы - и нависала острым клыком над заросшим склоном. Утес словно прятался в складках горы и леса, а потому издалека его и не было видно.

- Ну вот мы почти и добрались... - прошептал Лиго, завороженный волшбой загадочного хмурого утеса. - Только что дальше?

И тут же земника что-то словно ужалило в грудь - он стал сползать вниз.

- Заколка... - шумно выдохнул Мартин, подхватывая оседавшего друга.

Но это была не заколка - а темная стрела, ударившая на излете в грудь Лиго Бирзулису.

И тут же целая стая других стрел темным облаком накрыла небо и с мерзким свистом ринулась сверху на отряд.

- Это лучники! - заорал что есть мочи Мартин, волоча под

руки брыкавшегося Лиго от тропы в сторону. - Бьют оттуда!

И показал головой в другую сторону, на большие увалы вдали от дороги, на которых столпились неведомые стрелки, готовые вот-вот спустить тетиву.

- В лес! Живо! - рявкнул чародей. - Стрелки еще далеко - в лесу нас не достать будет!

И весь отряд тут же метнулся в заросли.

И вовремя - ибо еще через миг тропу усеяла смертоносными жалами туча стрел. Только чудом путники избежали гибели, укрывшись под ближайшими сводами деревьев.

Отбежали подальше от простреливаемой неизвестными лучниками горной стежки. Здесь, в глубине зарослей, для их стрел путники были недосягаемы и могли перевести дух.

- Жив, мальчик мой? - крикнул Мамай, бросаясь к Лиго.

Но тот только закашлялся и наконец сел, потирая грудь.

- Ба, да у нашего земника крепкая шкурка! - вдруг рассмеялся Мамай, глядя на дырку, оставленную стрелой в одежде барздука.

Оттуда мерцала старинная, тончайшей работы нательная кольчуга, которую земник носил тайком под одеждой.

- Ну да, подарок владыки Куреяса, - зардевшись по уши и потупив взгляд, сказал Лиго. - Я ее ношу не снимая с тех пор, как мы покинули Порубежье...

- Ах, Куреяс, старый плут! - улыбался Мамай. - Узнаю ворчливого хитроумного старикашку. На волшбу, мол, надейся - а кольчугу носи!

- Да, древняя работа мастеров из Самоцветных гор, - сказал Долмат, разглядывая затейливое плетение сквозь прореху в одежде. - Таких кольчуг на весь Неманский край по пальцам счесть можно. И стоит она целое состояние - пожалуй, даже дороже целого города.

- И чем же она ценна? - спросил Мигуля.

- Тем, сынок, что ее можно всю собрать в кулак - настолько она тонко и искусна сплетена. И можно незаметно ее носить под одеждой поверх белья - настолько она легка и гибка, - ответил вместо ратника чародей.

А Долмат внимательно посмотрел на Лиго и спросил:

- А вы, сударь, совсем не прост, хоть и из знатного рода. Но что вас тогда занесло в такую даль?

Лиго молча посмотрел на Мамая, не зная, что ответить.

- Сударь Долмат, вы верно исполняли свой долг все эти дни, - начал чародей. - Но не все тайны могут быть поведаны даже таким честным и благородным воинам, как вы с Мигулей. Поверьте, это не наша тайна - но все же часть ее я могу вам раскрыть. И здесь мы с тайным заданием владыки Куреяса, главы

совета волхвов - и самого Великого Князя!

- Ого! - изумились Долмат с Мигулей. - Для нас действительно великая честь служить вам... Но всё же, что же вас так далеко погнало от дома и родовых вотчин?

Но Лиго молчал, как и чародей.

Долмат немного помрачнел лицом, а затем кивнул:

- Ну что ж, я понимаю. Значит, так надо. Но все же есть еще последний вопрос - как будем теперь выбираться из этой передряги? Погоня настигает сзади, лучники обходят сбоку. Что собираетесь делать теперь, сударь?

И старый ратник посмотрел на чародея.

Но тот только пожал плечами и улыбнулся:

- Раз нельзя через горы ни перейти пешком, ни перелететь, как птицы, у нас остается только одна возможность - мы проберемся под горами!

Долмат на мгновение замер, а затем вдруг хлопнул себя по лбу рукой.

- Боги мои! - вскричал ратник. - Как же я сразу не догадался! Подземный ход, ведущий на ту сторону через подгорное царство! Тропа Берендея, тайная дорога в самой глубине Лесистых гор!

- Именно, сударь, - ухмыльнулся Мамай. - И под этим черным утесом находится один из входов в нее. И, кстати, нам до него уже рукой подать!

- Ну конечно, - проворчал Пеколс. - Если только волколаки за ж...пу не ухватят, да в голову стрелой не попадут...

Но Мартин сунул ему под ребра кулаком. Прок поперхнулся.

- Лиго, идти сможешь? - спросил Мамай земника и протянул ему руку.

Барздук взялся за нее - и глаза чародея и земника на миг встретились. И в этот миг Лиго вдруг со всей отчетливостью понял, что Мамай теперь ему - не просто защитник и покровитель. Это был взгляд еще одного надежного друга.

***

- Как это я сразу не догадался? - улыбался Лиго, когда путники, изрядно обтрепавшись, продрались сквозь густые колючие заросли к подножию черного утеса.

- Ты о чем? - спросил его Мартин.

- Ну, помнишь предсказание, которое привиделось Мамаю у владычицы Заячьего леса? - спросил Лиго.

И, не дождавшись ответа, тихонько напел:

- Пойдете к солнцу по болоту, по земле и под землей. Там сокровища найдете под лесистою горой...

- Ну да, точно, - поддакнул Мартин. - К солнцу по болоту мы как раз уже и прошли - на юг через гнилые топи Занеманья. И

Лесистые горы - вот они. Так что действительно, по земле мы уже прошли - видимо, скоро и под землей теперь окажемся. Но что это за сокровища такие под Лесистыми горами? Ума не приложу...

- Скоро узнаем, - улыбнулся Лиго и вдруг закашлялся, потирая ушибленное стрелой место.

- Болит? - участливо спросил Мартин.

Но Лиго только отмахнулся.

Путники стояли в густом кустарнике у самого края стены зарослей - а дальше, до подножия черного утеса, простиралась голая и пустая каменная осыпь.

Мигуля и Долмат пристально вглядывались по сторонам, высматривая вражеских лучников, которые могли притаиться где-то неподалеку.

Вроде бы опасности не было. Тогда Мигуля ловкой тенью выскользнул из кустов и, сливаясь с окружающими камнями, метнулся к черному утесу. Через несколько мгновений он был уже у самого подножия загадочной скалы и стал внимательно осматривать ее.

- Ну, что там? - нетерпеливо шептал Прок в самое ухо Мартину.

- Да тихо ты, - дернул тот плечом, отмахиваясь от слуги, как от назойливой мухи.

- Цыц вы, оба! - шумнул над ними Мамай, отвесив каждому по затылку.

А Лиго и Долмат только улыбнулись молча.

Через некоторое время Мигуля начал подавать какие-то знаки.

- Вход действительно есть, - перевел шепотом старый ратник. - Но он надежно замурован.

- Я бы сказал, запечатан давним заклятием, - довольно, будто кот, промурчал себе в усы чародей. - Я под этими горами бывал уже по многу раз. Так что все эти хитроумные штучки с заклятиями, наложенными на горные потайные тропы, мне давным-давно известны.

- Не сомневаюсь, что и само заклятие вам тоже известно, - покосился на него Долмат.

- Правильно, и не сомневайтесь, - подмигнул ему чародей и тут же добавил: - Я сейчас двинусь туда, к вашему товарищу - распечатаю древний ход. А вы, сударь, следите в оба за земниками - больно шустрый они народец, знаете ли.

И, легонько сжав плечо ратника, не менее искусно, чем Мигуля, скользнул из зарослей.

И уже через миг там, у самой скалы, чародей стал изучать темную стену утеса, ощупывая ловкими пальцами все трещинки

черного камня.

- Так-так-так, - бормотал себе под нос Мамай. - Забытый готский язык - но написано почему-то старшими северными рунами, а не готскими буквицами...

Мигуля, прикрывая спину чародея, внимательно оглядывал окрестности - но тем не менее вполуха слушал шепот южного волшебника.

- Ну что ж, - удовлетворенно хмыкнул Мамай и подмигнул Мигуле: - Начнем?

И, не дожидаясь ответа, воздев руки к небу, начал что-то громко говорить на древнем гортанном языке.

"Эк эриларь маркисуатиз руно вариту..." - произносил чародей слова старинного заклятья, словно вбивая его в каменную стену.

"Я, мастер Маркисуат, руны вырезал..." - будто во сне, тихо переводил для себя Лиго когда-то услышанное им в вайделотской школе заклятие, не сводя завороженного взгляда с Мамая.

И горы будто проснулись, ожили, вспоминая древнюю речь, звучавшую в этих местах столетия назад. Скалы затряслись мелкой дрожью, сверху посыпались острые камни - и под ногами стало что-то гулко и мощно бить в землю. И при этих толчках даже сам чародей едва мог устоять на ногах - но упрямо, словно гвозди, вколачивал слово за словом в черный утес.

"Эк гудья унгардирим..." - отражалось эхом в скалах, бившихся в исступленной дрожи.

"Я, жрец, не подвержен колдовству..." - шептал маленький земник вслед за чародеем.

И грохотом ему отвечали скалы. Ударила молния, зазмеились огненные трещины в каменной тверди, обнажая рисунок входа.

"Эк стирамадр стайн тавидо..." - звенела сталью речь витязя.

"Я, владыка вождей, повелеваю камню..." - беззвучно шевелились губы барздука.

С вершины утеса с грохотом отломился огромный кусок и, пролетев мимо, упал на каменную насыпь и с гулом покатился вниз по склону, увлекая за собой мелкую гальку.

А чародей чеканил каждое слово, словно бил в стену невидимым молотом. И вдруг, под самый конец заклятия, еще громче возвысил голос и прокричал:

"Суннарла вегр! Лаукарь!"

"Путь на юг! Откройся!" - выдохнул Лиго, широко распахнув глаза.

Каменная дверь с грохотом и треском отворилась, подняв тучи пыли. А в землю ударило так, что и стоящие у самого утеса, и под сводами леса, попадали с ног.

Наступила тишина. Только было слышно, как тихонько журчит сыплющаяся галька да с легким шорохом оседает поднятая пыль. А из-за отворенной каменной двери дохнуло холодом, мраком и какой-то затхлой, почти замогильной сыростью.

Встали, пораженные развернувшимся действом. Молча подошли к утесу и открытой каменной двери, отряхиваясь и словно не веря самим себе.

Мамай сидел у входа на обломке камня, устало свесив руки. Но, завидев подходящих товарищей, попытался улыбнуться им запорошенным пылью лицом.

- Пришлось немного попотеть, друзья мои, - тихо сказал чародей. - Но дверь открыта, и за ней - та самая тропа Берендея, древнего правителя этих мест и Подгорного царства. И эта дорога выведет нас на юг, по ту сторону Лесистых гор, и надежно спрячет от погони. А там, за горами, нас уже ждут надежные товарищи, которые окажут нам помощь. Так что мешкать не будем - враг близко.

И, посмотрев в глаза Долмату с Мигулей, спросил их:

- Вы с нами?

Ратники переглянулись между собой.

- Почтим за честь, сударь, быть вместе с вами в этом полном опасностей пути...

Но не успел старый ратник произнести последние слова, как тонко и пискляво взвизгнула стрела - и ужалила его в плечо, скользнув по коже и вырвав кусок плоти. Долмат слегка покривился и, ухватившись за древко, с треском сломал его, откинув в сторону - и обернулся.

Сзади, из лесу, с криком и свистом выскочили лучники с мерзкими косоглазыми рожами и, выпустив по утесу облако стрел, стали карабкаться по склону. А за ними следом из зарослей с громким воем страшными клубками выкатились ощерившиеся волколаки.

- Горные злыдни, я так и знал, - поморщился Долмат, указывая на лучников. - Мерзкое подлое племя - всегда стреляют в спину...

И, обернувшись к чародею и барздукам, сказал:

- Бегите, сударь! Мы прикроем ваши спины!

А затем выхватил меч и, подмигнув Мигуле, сказал:

- Ну что, сынок, сейчас бы пару глотков волшебного сбора перед схваткой не помешали бы, да?

И ринулся вниз, в самую гущу врагов.

А за ним с кличем "Холм!" скатился вниз и Мигуля. И в черном отвратительном кубле то и дело вспыхивали молниями

светлые клинки дозорных Порубежья, давшие свой последний бой.

Но досмотреть его Лиго так и не удалось. Мамай схватил земников в охапку и швырнул в темноту подгорного хода.

Миг - и погас последний луч. Каменная дверь с грохотом захлопнулась. Наступил полный мрак...

ГЛАВА 17

ПОДЗЕМНОЙ ТРОПОЙ

- Не видно ни зги, - ворчал Прок Пеколс себе под нос, чертыхаясь чуть не каждом шагу. - Да еще эта капель...

Бежали вперед в полной темноте, вперед, в самую глубь горы - подальше от каменной двери, за которой выли и бесновались волколаки.

Было сыро и мерзко, за шиворот сверху капала холодная влага.

Наконец раздалось шипение - и с легким треском замаячил слабый огонек факела, зажженный чародеем.

Смотреть в глаза боялись друг другу - настолько всех поразила гибель Долмата с Мигулей. Лиго и Мартин тайком вытирали предательски бежавшие по щекам слезы, Прок ругался себе под нос, а Мамай в гневе жевал свой длинный ус.

Подземный лаз уходил все глубже и глубже, петляя и извиваясь. По стенам сочились струйки затхлой воды, пахло прахом - а на низких заплесневелых сводах, нависавшими над головами, плясали в мигавших отблесках факела неверные тени.

Тяжело было на душе, саднило сердце. Привыкли за эти дни к новым друзьям, приросли чувствами, прикипели. Денно и нощно ощущали опору в дозорных, знали, что могут на них положиться.

И вот такой итог. Славный - и мрачный...

Сколько дней мы уже в пути? А сколько верных товарищей уже пало? И сколько еще погубит этот нелегкий поход?

Вспоминался Вечевой Сбор на Янов день, смеющие бородатые лица земников - и их мертвецкий оскал следующим утром на поле брани у Синей пущи. Сколько тогда полегло барздуков? Одним богам только это известно - но в каждом роду оплакивали павших...

А вот привиделся строгий боярин Тренята, закрывший своей грудью земников от лесных душегубов. Суровый Долмат и веселый Мигуля, с которыми еще час назад делили все тяготы пути.

Не дождется Наримонт Скирмонтович своих славных ратников, сцепит гневно зубы - да и помянет с другими дозорными своих верных товарищей, павших невесть где, далеко

от отчего дома.

И сколько раз еще придется молча поднимать кубки за ушедших друзей, пряча скупые мужские слезы в медовой братине? Сколько? Одним богам только то и ведомо...

На них, на древних богов, и уповаем. Их божьи заветы и выполняем - несем тяжкую ношу далеко на юг, сквозь все опасности и грозы. Ведь лучшие потому и кладут свои головы на плаху за всех остальных - чтобы они, остальные, могли жить дальше. Так устроена богами жизнь, так нам завещано издревле - и так будет и впредь.

Но всё же - как жаль ушедших товарищей. Сердце так и ноет, раздираемое бессильной яростью и негодованием. Но ты должен, сцепив зубы, идти вперед - даже если там, впереди, только замогильный мрак и холод, и больше ничего...

Так и шли, забыв о времени, петляя подземными ходами, уводившими путников все глубже и глубже, в самое нутро Лесистых гор. И лишь когда уже совсем невмоготу стало передвигать уставшие ноги, сделали первую остановку - привал внутри горы.

Сидели в каменной нише под слабым мерцающим светом чадящего факела, недалеко от развилки подземных ходов. Пустили флягу по кругу, каждый отхлебывал молча, вспоминая погибших товарищей. Есть и вовсе не хотелось, а потому ничего, кроме кожаных баклаг, из заплечных мешков так и не достали.

- Интересно, как долго мы идем? - первым нарушив молчание, спросил Мартин, потирая натруженные ноги.

- Наверное, полдня, - буркнул расположившийся рядом Прок Пеколс, а затем кисло хмыкнул: - Если, конечно, это слово применимо ко тьме вокруг.

- Да, по ощущениям где-то так и есть, - поддакнул Мартин. - Хотя здесь, в этом кромешном мраке, сам ляд не разберет, который час.

- А сколько нам еще идти? - наконец подал голос Лиго, не глядя на чародея.

- Долго, мальчик мой, - чуть хрипло ответил Мамай, - еще несколько дней пути...

- Несколько дней? - поднял голову Мартин Бубилас. - Это сколько же?

- Дней пять, может семь - как получится, - пожал плечами чародей. - Горы полны неожиданностей даже здесь, в глубине - поэтому всякое может случиться. Так что лучше не загадывать - а просто идти вперед.

- И всю эту дорогу провести во мраке и сырости? - поежился Пеколс.

- Лучше уж здесь провести несколько дней во мраке - чем ввергнуть во тьму все земли по обе стороны от этих гор, - вдруг жестко отрезал Мамай, и от его слов сразу повеяло стылым холодом.

Пеколс сразу замолчал и насупился.

А Мартин, еще немного поерзав, тихо спросил, указывая на чуть видную в отблесках факела развилку подземных ходов:

- А куда ведут эти дороги?

- Я бы не советовал тебе туда соваться одному, Мартин Бубилас, - таким же ледяным голосом ответил чародей, пристально глянув на него. - Так что лучше отдыхай, пока есть возможность - силы и тебе, и всем нам еще понадобятся.

И отвернулся.

Земники переглянулись, ничего не ответив.

Посидели в тишине еще немного. Разговор явно не клеился, а потому через несколько минут, расстелив свои походные плащи, барздуки, свернувшись калачиком, улеглись передохнуть. И сквозь полузакрытые веки Лиго видел, как Мамай тихонько раскуривает свою трубку - и его зыбкая тень в пляшущем свете факела то волшебным образом уменьшается, то наоборот, вырастает до самых сводов подземного хода, занимая собою всё пространство.

***

Проснулись в кромешной тьме. Факел то ли погас сам, то ли его затушили.

Лиго кто-то настойчиво теребил за плечо. Но когда барздук открыл глаза, то даже не понял, что уже проснулся - не видно было ни зги.

- Мамай исчез... - прошептал ему кто-то в самое ухо.

Остатки сна как рукой сняло - Лиго вскочил, словно ошпаренный.

- Как это? - попытался было он воскликнуть, но рот ему тут же зажала сильная ладонь.

- Тс-с-с, тихо... - прошептал голос Мартина, - тут еще кто-то есть, кроме нас.

- Да-да, прислушайтесь, сударь, - совсем рядом еле слышно отозвался Пеколс. - Слышите, шорох издалека?

Лиго слушался - но ничего не уловил.

- Да вроде нет ничего, - прошептал он. - А где же Мамай? Давно ли исчез?

- А пес его знает, вашего знакомца, - сердито буркнул Прок. - То появляется, то исчезает, когда сам захочет. Когда я проснулся, его уже не было - ушел, видать, вместе с факелом куда-то. Правда, мешок его здесь остался - я нащупал впотьмах.

- Слава богам, - выдохнул Лиго, - значит, вернется скоро...

- Ну, это нам неведомо, - проворчал Пеколс, - скоро или нет.

Но тут же получил увесистый тумак в темноте от Мартина.

- Пеколс, ты завязывай со своими разговорчиками, - зашипел на него дружинник. - Ежели Мамай нас в лесах не бросил и в болотах не утопил, то какой ему толк нас заводить в самую глубь подземелья и здесь оставить?

- А я почем знаю, - себе под нос ляпнул Прок. - Как говорится, в дела чародеев носа не суй - а то и вовсе без головы останешься.

И тут же осекся - издалека явно послышался шорох, будто кто-то пробирался по узкому лазу.

- Тихо... - прошептал Мартин, сжав локоть Лиго. - Теперь слышишь?

Шуршание медленно приближалось, порой напоминая шелест падающих листьев.

Земники замерли, вслушиваясь.

Звук исходил издалека, из одного из подземных ходов впереди - словно кто-то крайне осторожно крался по лазу, ощупывая дорогу впереди себя в полной темноте.

- Явно кто-то идет сюда, - зашептал в ухо Мартин.

- Уж не Мамай ли? - также тихо спросил Лиго.

Вместо ответа дружинник промолчал - но даже в темноте Лиго почувствовал, как он пожал плечами, будто сомневаясь.

А шелестящий звук раздался уже ближе - с тихим шорохом посыпались мелкие камни со свода подземного хода. Затем снова шуршание - и опять тишина.

И вдруг во тьме явно раздалось сопение, будто это нечто впереди земников что-то вынюхивало в кромешном мраке. Это явно не был чародей.

Барздуки окаменели - только кровь глухо стучала в висках.

Опять шорох - и уже ближе. И снова будто кто-то засопел.

В глухой обволакивающей темноте еле слышно раздался тихий звон обнажаемого клинка - и сталь слегка запела в предвкушении схватки.

- Нет, Мартин... - выдохнул в самое ухо дружиннику Лиго и крепко сжал руку товарища.

Сопение и шорох тут же прекратились - кто-то или что-то явно вслушивалось в происходящее. Затем снова осторожный то ли шорох, то ли шелест - и снова затишье.

- Словно что-то ползет, - зашептал Пеколс.

И будто в подтверждение его слов снова посыпались мелкие камни - и тихое шуршание стало более явным, шелестящей струйкой приближаясь всё ближе и ближе.

И тут - клац! - яркой вспышкой ослепил всех сноп искр,

который Пеколс высек из огнива. Земники на мгновенье закрыли глаза - но в память навсегда врезалась картина: Мартин со звенящим мечом в руке, схватившийся за грудь Лиго, Прок с трутом и кресалом в руках, а впереди - огромная, невероятных размеров змея с лоснящимися угольными чешуйками, каждая из которых была величиной с ладонь. И эта тварь тупо таращила свои слепые, навсегда заросшие кожей глаза - а ее огромные ноздри жадно втягивали в себя воздух, принюхиваясь.

Барздуки обмерли.

Ватной рукой Пеколс намотал носовой платок на рукоять своего дорожного посоха и ткнул туда тлеющий трут. Еще миг - и с легким треском вспыхнул факел, зыбко освещая ужасную картину подземного хода.

Огромная змея напряглась, ощутив тепло огня и уловив запах гари. Изо рта кошмарной твари, занявшей собою весь подземный лаз впереди, вырвался яркий огненный раздвоенный язык - и раздалось угрожающее шипение.

Земники привыкали к свету факела, всё еще щурясь от неяркого света. А подземное чудище явно раздумывало, как вести себя дальше, наткнувшись на неожиданную преграду.

Еще раз зашипев, змея наконец двинулась вперед - и было что-то завораживающее в этом переливе блестящих огромных чешуек, всей своей массой перетекавших по подземному ходу.

И тут первым сдали нервы у Мартина.

- Валио! - раздался под сводами подземелья его крик, но звуки тут же потухли, будто стены были оббиты войлоком.

Ни эха, ни перелива отзвуков в каменных ходах - все сожрала плотная темнота вокруг слабого пятна отблесков факела.

И тут земникам показалось, будто изо рта кошмарной подземной твари вырвался легкий смешок - и на них пахнуло таким ужасающим смрадом, что барздуки невольно зажали носы от невыносимой едкой вони. И в этот миг исчадье тьмы бросилось вперед, широко открыв пасть с огромными обнаженными клыками.

Стены подземелья содрогнулись от броска чудовища, и со сводов посыпались острые камни, задетые чешуйчатой кожей гада. Барздуки еле успели отскочить в разные стороны и вжались в стены, когда мимо них стремительной струей пронеслись бока огромной змеи.

Поняв, что промахнулось, чудище замерло - под угольной чешуей медленно переливались упругие страшные мышцы.

И в этот миг Мартин, снова прокричав старинный земниковский клич "Валио!", вонзил что есть силы свой клинок между толстыми чешуйками пещерного гада.

На мгновенье огромная змея будто остолбенела - а затем по ее телу пробежала легкая судорога, и тут же подземелье огласил не то дикий крик, не то свист пополам с шипением. Чудище словно не верило происходящему - столько удивления и гнева было в этом громком звуке.

А потом древний гад страшно дернулся, рывком отпрянув назад - и его голова с ужасными зубами оказалась наравне с Мартином.

От этого неожиданного рывка дружинник выпустил меч, который так и торчал среди чешуи чудовища и со звоном задевал за стены. А с другой стороны подземного хода Прок от испуга выронил свой факел - и он с шипением погас под брюхом исполинской твари. Снова наступила тьма.

И тут словно что-то взорвалось под сводами подземелья - яркий свет вспышкой выхватил из мрака и огромное чудище, изготовившееся сожрать храброго дружинника, и его беспомощного товарища, обронившего факел и прижатого с другой стороны к каменной стене змеиной тушей.

- Валио! - снова раздался звонкий клич барздуков.

И в морду древнего гада Лиго левой рукой ткнул что-то яркое и обжигающее - а затем со всего размаху своей правой вонзил клинок в слепой глаз чудища.

Змей обмер - и тут же раздался душераздирающий шипящий свист. И столько боли и ярости в нем было, что Прок и Мартин невольно сжались в предчувствии непоправимого.

Но Лиго, словно не помня себя, выхватил клинок и снова вонзил его в морду чудовищу. И так, раз за разом, размахивая перед собой чем-то ослепительно ярким, колотил мечом и орал что есть мочи, срывая глотку.

Чудище дрогнуло - и в беспамятстве судорожными рывками пятилось назад, стараясь увернуться от града ударов. А оказавшись на развилке подземных ходов, древний гад вдруг дико извернулся - и его окровавленная голова нырнула в другой каменный лаз. Миг - и мимо земников стремительно побежали огромные чешуи, ускоряясь все больше и больше - а Лиго, не помня себя, бил и бил по ним своим клинком.

Через несколько мгновений все было кончено - зловещее чудище с позором скрылось в глубинах подземелья, и только далекий гул от содрогавшихся сводов давал знать, что древний гад уползает все дальше и дальше.

Лиго, тяжело дыша, привалился спиной к каменной стене и опустил меч. Загадочный свет, еще раз ярко блеснув, стал потихоньку гаснуть. Мартин и Прок, словно не веря во все случившееся, на ватных от пережитого ужаса ногах подошли к

Лиго.

Мартин взял левую руку своего товарища и осторожно разжал ее - на ладони, рдея обжигающе холодным пламенем, ярко мерцала древняя заколка, подарок волхва. Та самая, из-за которой оказались так далеко от своего дома трое барздуков.

- Лиго... - только и смог изумленно прошептать дружинник, не ожидавший такого поступка от своего спутника.

Но Бирзулис только молча посмотрел на друга и прикрыл от усталости глаза - по его лбу градом катился пот.

И тут заколка, еще раз мигнув, погасла совсем.

- Прок, где ты там с факелом? - хрипло спросил Мартин.

Но Пеколса опередили - с треском вспыхнуло пламя совсем с другой стороны, и на подземной развилке вдруг оказался чародей.

С удивлением оглядев сгрудившихся барздуков, Мамай вдруг пристально посмотрел на окровавленный меч в руках Лиго, затем перевел взгляд на Мартина и Прока, оцарапанных древним гадом, втянул несколько раз в себя воздух с остатками змеиного смрада - и вдруг всё понял.

- Милые вы мои земники, - выдохнул чародей и шагнул к ним. - Простите, что задержался и подверг вас такой опасности...

А затем, увидев мерцавшую заколку в руке Лиго, тихонько сжал его ладонь.

Маленький земник поднял глаза и посмотрел прямо на чародея.

- Ты взрослеешь, мой мальчик, - прошептал чародей и обнял всех троих.

***

- Сколько суток мы идем этим подземельем - а ему все нет конца и края, - ворчал вечно недовольный Прок Пеколс. - Скоро и вовсе забудем, как выглядит солнечный свет...

И действительно, было не понять, сколько дней или ночей пробирались земники с чародеем на юг извилистыми ходами подгорного царства. Ни тебе рассвета, ни тебе заката - знай топай вперед за мерцавшим факелом по каменным лазам в непроглядном мраке. Утро и вечер ничем не отличались друг от друга - собственно, когда вставали, это и было утром, и наоборот, когда укладывались спать, считали это вечером.

После той злополучной встречи с подземным змеем каждую ночевку выставляли часового во избежание неприятных встреч - но их, слава богам, пока больше не было.

Так и шли, от скуки перебирая в памяти прошлое да развлекаясь пересказом на разные лады стычки с подземным гадом. Когда переживания немного улеглись, Мамай рассказал земникам, что наткнуться на такое вот древнее чудище в

последнее время стало большой редкостью - хотя раньше они водились куда как чаще. Так что им, барздукам, по словам чародея, чуть ли не несказанно повезло.

- Ну их к ляду, эту премерзкую живность, - покрутил носом Мартин, который очень сокрушался о своем, потерянном в стычке со змеем клинке, а потому теперь покрепче сжимал рукоять оставшейся боевой секиры. - Я бы от такого-то везения всю жизнь держался бы подальше и горя бы не знал!

- Ага, век бы их не видать, редкость эту, - поддакнул Пеколс и с отвращением сплюнул в сторону.

Но Мамай, словно не замечая ворчания своих друзей, продолжал рассказывать про подземных гадов и другую подгорную живность, обитавшую в глубинах каменных ходов - хотя его единственным благодарным слушателем был только Лиго Бирзулис.

Маленький земник тихо внимал рассказам чародея - он вообще в последнее время всё больше помалкивал, словно что-то невидимое надломилось у него в душе. А может наоборот, что-то новое и необычное проросло в его душе? Ведь он даже в своих собственных мечтах и грезах, которые когда-то уводили его далеко за окно, будучи спудеем вайделотской школы, не мог представить, что этот путь протянется настолько в неведомое. Неужели это он, бесшабашный Лиго, повеса и гультяй, буквально несколько дней назад сам, без посторонней помощи, спас своих товарищей от неминуемой гибели в утробе ненасытного чудища? Неужели это он, молодой земник, отбился клинком от наседавшей грозной твари? И верилось, и нет. Но то, что не было у Лиго в душе никакого бахвальства, никакого зазнайства и хвастовства - так это точно. Просто вместе с невесть откуда взявшимся мужеством пришло и новое знание, и какая-то глубинная уверенность в себе и своих силах. Если еще всю эту дорогу до Лесистых гор Лиго хоть и пережил немало опасностей и приключений, и не единожды был на волоске от гибели - но все это время где-то далеко-далеко, на самом донышке души всегда теплилась надежда, что всегда кто-то придет на помощь. И вот - этот случай в подземелье, когда вокруг никого, кто мог бы тебя спасти. И в тот миг Лиго вдруг отчетливо и ясно понял, что все игры - пусть даже самые страшные и опасные, но все же игры - закончились. И не на кого больше положиться: есть только этот пронзительный до боли миг - и есть ты. Сам. Один. И больше никого.

И то ли волшебная заколка, святой и древний оберег, придала сил, то ли вся вереница последних событий сплелась в такой удивительный узор нежданной отваги, то ли все

треволнения и переживания слились в едином порыве и стали той последней каплей, переполнившей кубок души - но маленький земник совсем неожиданно для себя отчаянно бросился на огромное чудище, и стал его бить и кромсать, как в битве с волколаками у Синей Пущи. Но только там, тогда, вокруг были сражавшиеся друзья и соплеменники - а сзади была надежная сталь чекана Мартина, прикрывавшего спину. И волколаки, хоть и твари еще те богомерзкие, не превосходили барздука размерами в десятки раз, как этот древний змей. И эта мужественная отвага, граничившая с отчаянным безрассудством, была единственно возможным спасением для всех троих. Иначе весь этот поход мог совсем бесславно закончиться где-то в глубинах Лесистых гор, в урчащей утробе мрачной твари.

Лиго шел, погруженный в самого себя, пытаясь осознать происходящие с ним изменения. И только молча кивал рассказам чародея, который без умолку и долго говорил - то ли от нечего делать, то ли стараясь хоть немного загладить чувство своей вины, что отсутствовал в такой ответственный миг рядом с барздуками, разведывая дорогу вперед.

От Мамая же земники и узнали, что по старинным преданиям, когда первопроходцы Лесистых гор спустились к их глубинам - там уже были проложены эти древние лазы, словно эти каменные корни были изъедены червоточинами. Неведомо, кто выгрыз эти первые норы - подземные змеи, обитавшие в глубинах гор, или же эти твари попросту обжили их - но первопроходцы стали называть этих чудищ каменными червями и считали, что именно они и прокладывают в глубине те самые подземные ходы. В причудливых ветхих преданиях, дошедших отзвуками до наших дней, считалось, что когда подгорный змей прокладывает себе в скалистой бездне новый путь и грызет камень - трясется и дрожит земля. И чем крупнее такой глубинный червь - тем сильнее землетрясение. А потому все реже и реже встречаются сейчас эти мрачные пещерные гады - ибо вгрызаются они все глубже и глубже, в самые корни гор, скрываясь от людского ока.

Как бы там ни было, правда это или нет, но в подземелье время от времени появлялись все новые и новые лазы, проложенные невесть кем. И это значительно облегчало жизнь первых подгорных поселенцев - они попросту расширили имевшиеся до них ходы, облагородили их и привели в порядок. Они заселили брошенные древними тварями пещеры, превратив их в удивительные чертоги - и научились с успехом отбиваться от появлявшихся время от времени подземных гадов, загоняя их обратно вглубь.

Так что это действительно большая редкость, что земники наткнулись на одного из древних чудищ, подытожил чародей. И лишь один Лиго заметил какой-то загадочный отблеск в уголках его глаз - или это только так показалось в мерцании факела?

- А чтоб она лопнула, редкость эта треклятая, - ворчал Пеколс, когда рассказ чародея подошел к концу. - Чтоб ее разорвало, змеюку эту, будь она неладна!

И всё в таком же духе на разные лады - все время пути. Пока наконец уже и Мартин устал от надоедливых сетований и, улучив миг, хорошенько пнул старого ворчуна. Но Проку это сильно не помогло - он продолжал ругаться шепотом и себе под нос.

Так и коротали время, пробираясь по темным извилистым ходам - спотыкаясь о камни под ногами, чертыхаясь и ворча, или слушая вполуха бесконечные рассказы Мамая.

И только у Лиго в голове давно зрел один-единственный мучавший его вопрос - кто же эти загадочные подгорные поселенцы, о которых упоминает чародей, и куда они подевались?

И когда наконец земник решился его задать, ответ пришел совсем неожиданно и сам собой - за одним из многочисленных поворотов в удушливом мраке пещер и ходов чародей вдруг резко остановился, да так, что шедшие следом барздуки налетели прямо на него. А вокруг вдруг вспыхнули десятки факелов, ослепившие на миг путников. Мгновенно закрыв глаза, уже отвыкшие от яркого света, Лиго совсем рядом услышал гортанный стальной голос, который властно произнес:

- Стойте, чужеземцы! Именем короля Свидегера, правителя Подгорного Царства, повелеваю вам сложить оружие!

И в грудь барздука явственно уперлось острие копья.

ГЛАВА 18

ЧЕРТОГИ БЕРЕНДЕЯ

- Ба! Сударь Тарус! Ну, наконец-то! - раздался вдруг насмешливый голос Мамая. - А я уж стал ломать голову, куда это вы все запропастились!

Лиго удивленно открыл глаза, все еще щурясь от яркого света факелов.

Вокруг, ощетинившись копьями из-за огромных щитов, стояли суровые кряжистые латники - все как один безбородые, но зато с густыми удивительными усами: у кого туго заплетенными в косы и заправленные под броню, у кого завязанными в узел под забралами шлемов, а у кого и просто свисавшими прямо до пояса. И эти длиннющие усы у многих закованных в броню бойцов могли запросто потягаться со знаменитыми усами чародея! А

кольчуги, панцири и позолоченные круглые шлемы этих подземных усачей загадочно мерцали и переливались в отблесках пламени.

- Здравствуй, клятвопреступник и предатель Майсур, - холодно ответил стальной голос. - Да, гонцы не врали - ты все-таки осмелился вернуться сюда вновь. И, как я погляжу, не один. Ну, что ж, тем хуже для тебя!

Щиты на миг расступились - и вперед вышел приземистый воин. Из-под железного забрала, скрывавшего лицо, свисали заплетенные в косы желтые усы - лишь только холодно и неприязненно сверкнули острые глаза из прорези шлема.

У чародея только челюсть и отвисла от изумления.

- Я что-то не совсем понимаю тебя, Тарус... - только и смог промолвить Мамай.

- Господин Тарус, - со льдом в голосе поправил его воин. - Для тебя, Майсур, я тепер только так - господин Тарус!

И тут же дал знак кованой рукавицей - низкорослые усатые латники сделали шаг вперед, зажав со всех сторон путников в тесноте подземного хода.

- Будь добр, Майсур, сдай-ка сам свое оружие, - холодно произнес воин. - Иначе...

И слегка покосился на свой отряд - латники тут же угрожающе лязгнули копьями о щиты. Ничего не понимавшие барздуки попятились и уперлись спинами друг в друга.

- Иначе что? - вспыхнул чародей. - Попробуешь применить силу?

И хохотнул:

- Хотел бы я тогда посмотреть на тебя - и на твоих жестяных олухов-коротышек!

И тень чародея вдруг угрожающе стала расти и нависать под сводами каменного хода.

- Да я разнесу в пух и прах не только всех вас с вашим Подгорным Царством, но еще и добрую половину Лесистых гор впридачу, если ты не удосужишься мне объяснить, что здесь, в конце концов, происходит! - грозно загремел голос чародея.

Но воин только молча посмотрел снизу вверх на нависшего над ним Мамая, а его латники еще крепче стиснули копья.

- Мы знаем, на что ты способен, вечный странник Майсур, и какова сила твоей волшбы, - холодно заметил воин. - Но у нас приказ самого короля - отныне считать тебя предателем и клятвопреступником! И при твоем появлении у границ Подгорного Царства тут же тебя схватить и доставить на суд к самому владыке!

А потом, немного помолчав, пока чародей не пришел в себя

от изумления, с вызовом добавил:

- Ну а теперь можешь разнести здесь все в пыль и прах - заодно и сам ляжешь вместе с нами на веки вечные под этими каменными сводами.

Мамай опешил - тень его повисла каким-то темным бесформенным облаком, а затем стала медленно опадать.

И пока чародей переваривал услышанное, а Лиго и Мартин под плащами покрепче сжали рукояти своих секир, гнетущую тишину вдруг нарушил голос Пеколса:

- Мать честная, вот так влипли!

И Прок сокрушенно махнул рукой.

Воин, которого чародей называл Тарусом, удивленно глянул на земников.

- Вы еще кто такие будете? - с легким презрением спросил он.

- А какая теперь, в конце концов, разница, - проворчал Мартин, поглаживая свою курчавую бородку. - Ежели помирать здесь придется, то я бы с удовольствием попробовал бы на крепость ваши дурацкие кованые колпаки. Интересно, с каким треском они будут лопаться под моими ударами?

И земник многозначительно пальцем провел по острию своей секиры.

Глухой ропот был ему ответом со стороны латников - но Тарус поднял руку: шум тотчас же затих.

- Змея брызжет слюной от безысходности, - едко заметил воин. - И если ты не замолчишь, чужеземец, мы твое жало вырвем быстро!

Мартин вспыхнул - и быть бы беде, но в этот миг вдруг выступил вперед Лиго.

- Сударь Тарус или как вас там! - сложив руки на груди, громко сказал он. - Потрудитесь-ка объяснить нам, на каком основании вы, слуга своего короля, оскорбляете нас, чужестранцев?

И, не давая опомниться удивленному воину, продолжил:

- Ежели наши плащи запорошены пылью и порядком изодраны, то это, сударь, всего лишь следы долгих дорог, полных опасностей! Но это вовсе не означает, что мы будем терпеть к себе отношение, как к безвестным бродягам! Потрудитесь-ка относиться к нам, как к равным себе по знатности! Иначе вы не заслуживаете звания слуги своего короля - и даже более того, оскорбляете его своим невежеством!

И, с вызовом окинув взглядом латников, замолчал.

От такого неожиданного поворота событий опешили не только Мартин и Прок, уставившиеся на своего друга - даже чародей с не меньшим изумлением воззрился на Лиго, а

предводитель подземных латников просто ошарашено выпучил глаза, не находя слов.

Наконец он закашлялся, и недовольно проворчал:

- Да кто вы такие, ляд вас задери?

- Сударь, вы испытываете мое терпение на прочность - оно отнюдь не безгранично! - звонко сказал Лиго, положив руку на свой клинок и дерзко дернув подбородком. - Я - сударь Лиго из древнего рода Бирзулисов славного племени барздуков из Земиголья, сын знаменитого воеводы Лютня, победителя великой битвы у Семи Холмов! А это - мои честные спутники, как и чародей Маркисуат, которого вы почему-то упорно называете Майсуром!

И, смерив презрительным взглядом опешившего воина, бросил сквозь зубы:

- Кстати, а где были ваши знамена и латы, когда мы, не щадя жизни своей, недавно бились с волколаками у Синей Пущи? Отсиживались в своих каменных норах, сударь?

По рядам латников пробежал возмущенный и одновременно удивленный ропот:

- Земники... Барздуки... Чудь лесная из сказок...

Но в этот миг Тарус взревел от ярости:

- Да как ты...вы... смеете так говорить здесь, в Подгорном Царстве? Кто вы такие, в конце концов? Какая нелегкая вас занесла сюда?

Лиго пожал плечами:

- Куда и зачем мы идем - не вашего ума дело, сударь! Знайте только одно - мы здесь по поручению Великого Князя Неманского и владыки Куреяса, главы Совета волхвов всех северных земель! И дело наше - безотлагательно! Так что потрудитесь нас отвести к вашему королю - как посланников правителя нашего! И еще - не роняйте остатки вашей чести в присутствии ваших же воинов!

Легкий гул ропота и изумления, катившийся за щитами, приобрел одобрительные оттенки.

Тарус сопел от гнева, яростно сверля глазами Лиго.

- А доказательства есть этим хвастливым речам? - с издевкой спросил предводитель латников.

Но Лиго снова презрительно смерил его взглядом и сказал:

- Не волнуйтесь, сударь - у нас есть что предъявить вашему королю, владыке Свидегеру!

Тарус с шумом выдохнул и, резко развернувшись, бросил через плечо:

- Следуйте за мной! Но не дай боги вы меня здесь водили за нос - не сносить вам ваших голов!

И зло пошел вперед. Латники расступились - и тут же снова

сомкнули за ним ряды, окружив путников.

- А как же наше оружие, Тарус? - с легким смешком и нарочито громко, почти издевательски спросил вслед чародей.

Из-за строя латников глухо раздалось:

- Можете пока оставить его при себе! Но не вздумайте его вынуть хотя бы на вершок - горько об этом пожалеете!

Мамай и земники только пожали плечами - и двинулись вперед в кольце ощетинившихся воинов Подгорного Царства. Но в лязге и мерцании кольчуг вокруг чудилось подспудное уважение латников к своим странным пленникам.

А немного погодя Мартин шепнул на ухо Лиго:

- Ну, ты и выдал, Лиго! Я уж думал, наша песенка спета...

- Интересно, а какие песенки мы скоро запоем у этого подземного короля? - пробурчал Пеколс.

Мартин покосился на него, но ничего не сказал. И лишь один чародей с одному ему понятным удивлением разглядывал исподволь Лиго. А затем, улучив время, тихо сказал:

- Ты растешь не по дням, а по часам, мой мальчик!

И когда Лиго посмотрел на него, добавил:

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, мой друг...

***

Подгорное Царство раскинулось на многие версты под Лесистыми горами - и слава его гремела окрест, по всем северным и южным землям не одно столетие. В те давние времена, когда одно из колен волшебных карликов стало первыми поселенцами в восточных отрогах Лесогорья, еще не было такого разительного отличия между племенами волшебной чуди. Да они и были, по сути, еще единым народом, поклонявшимся тресветлому солнцу и Вековечному Древу - и состояли в какой-то там родне даже с древними Дивами, самым первым, как говорят, племенем на земле со времен ее сотворения богами. Глухие отголоски ветхих преданий даже прямо указывали на то, что испокон веков Чудской народ и Дивьи люди были одним родом - хотя сейчас в это поверить, конечно же, крайне сложно: слишком уж велики различия между этими племенами.

В годину первой битвы Святовита с Мороком Черноголовом зерна раскола были посеяны между древними родами людей и волшебной нелюди - и со временем дали богатые всходы. Тогда брат шел на брата, рвались кровные узы - а взамен них вырастала кровавая вражда, собиравшая свою страшную жатву. С тех темных веков и повелась в нашем мире всякая нечисть да нежить из числа тех созданий, поддавшихся лукавому. Да и среди племен, что сохраняли верность светлым богам, единства тоже не было. Что там послужило причиной раздора, было и вовсе не понять - но

одно из племен стародревней чуди еще задолго до появления земников в Неманском краю ушло далеко на юг и осело в долинах у Лесистых гор, скрываясь от наседавшего Зла. А поскольку силы были неравные, племя это, спасаясь от набегов нечисти, спустилось вместе со своим первым вождем в подземные ходы и пещеры, протянувшиеся под Лесогорьем на сотни верст. И там, постепенно обживая глубинные древние гроты и лазы, основали они свои подгорные поселения и тайные города, разделившись на девять родов. Вождя того, состоявшего в родстве с самими волшебными Дивами, звали Берендей - и по его же имени со временем прозвали и все племя подземной чуди берендеями, а их владения Подгорным Царством. А поскольку носил тот древний вождь богато украшенный узорочьем золоченый шлем, то род его так в дальнейшем и назвали - Златоглавыми. Другие же предводители колен подземных карликов, уподобляясь владыке Берендею, стали носить шлемы, выкованные у кого из меди, а у кого и просто из обычного железа. А ежели в их владениях добывались какие-либо самоцветы или другие дивные камни - то и ими стали украшать навершия своих кованых шапок и забрал на них. Так и появились со временем забавные названия всех девяти колен подземной чуди - Сребroголовые, Медноголовые и Железноголовые, а то и вообще попросту Оловянные головы - что дало как самим берендеям, так и их соседям неиссякаемый источник всяческих шуточек, подколок и подковырок.

Текли века, а вместе с ними капля за каплей утекала и память о прошлом - новые идолы заменяли старые, а недавно созданные образы постепенно вытесняли былые. Точно также переосмысливалось берендеями и само мироустройство и их, берендеев, место в нем. И спустя столетия вдруг оказалось, что поклоняются они уже не тресветлому солнцу, а лишь его бледной тени - ночному месяцу, солнечному брату. А место Вековечного Древа, росшего на священном каменном холме, в верованиях подгорной чуди занял сам этот камень Алатырь. И то сказать, закапываясь все глубже и глубже под землю, и не видя белого света и зеленой листвы месяцами, а иной раз и годами, для берендеев куда как ближе оказались и месяц, ночное светило, и сам камень, в котором, по сути, они и жили. Изменился и огрубел язык берендеев - стал гортанным и отрывистым, появилось в нем много чудных и неведомых дотоле словечек, многие из которых, как бают, были даже позаимствованы из языка самих злыдней, одной из мерзких разновидностей малорослой нечисти, обитавшей в Лесистых горах. И хотя подземная чудь так и не была обращена Злом на свою сторону, но среди светлых племен колено подгорных карликов прослыло загадочным и весьма

странным народом, променявшим солнечное тепло и свежесть лесов на затхлость и сырость каменных пещер и лазов. А потому и старались держаться другие племена волшебной нелюди от берендеев подальше - а те же, в свою очередь, платили им той же монетой.

К слову сказать, раз уж речь здесь зашла о монетах, то берендеи свято и искренне считают их своим собственным изобретением, напоминавшим им в первые времена заселения подземных пустот о свете солнца и луны. Мол, именно в честь небесных светил и были выкованы первые монеты - солнечные из золота, а лунные из серебра - ими и обменивались берендеи между собой как оберегами на удачу. А со временем привычка эта перекочевала ко всем окрестным народам, быстро распространилась и даже была в корне переосмыслена - и вскоре забавные кружки разных мастей, размеров и достоинства стали основным средством платежа во всем подлунном мире. И первенство подземной чуди в создании монет признают даже Дивы - а посему и считаются до сих пор подгорные золотники и серебряники самыми верными и лучшими деньгами. А изготовление их стало надежным и, пожалуй, одним из самых прибыльных занятий для всех девяти родов берендеев - если не считать, конечно, добычу руды и самоцветов.

Про Подгорное Царство, как и про его жителей, можно рассказывать еще очень долго - лишь бы только хватило терпения это всё выслушать. Можно не один вечер скоротать за старинными рассказами и ветхими преданиями, как берендеи осваивали и обживали в древности подземные пещеры, отвоевывая их аршин за аршином у страшных подземных змеев. Или как воевали с кошмарными виевичами - змеелюдьми - могущих оборачиваться человеком или чудью, а потому неузнанными проникавшими в самую гущу народа и внезапно превращавшихся снова в древних гадов. Как бились из века в век со злыднями, мерзкими исчадиями Зла, многочисленные племена которых заселили все самые дремучие чащи Лесогорья - и устраивавшми набеги на подземные города берендеев. Или как заключали против нечисти временные союзы с великанами-асилками, хоть и изредка, но порой еще забредавших в отдаленные отроги Лесистых гор, и которым те же самые злыдни и виевичи приносили своими подлостями немало шкоды. Огромное количество песен и легенд сложено о том, как закованные в броню отряды подгорной чуди не раз приходили на помощь не только жившим по соседству людям, но даже и волшебным Дивам, осевшим в далеких Вилиных горах за тридевять земель отсюда. Много, много чего еще можно было бы

рассказать о подземной чуди - но поскольку речь здесь все-таки не о ней, а о барздуках, чуди лесной, то приходится ограничиваться лишь только самыми общими сведениями.

Пожалуй, можно только добавить еще несколько слов об удивительных усах подземных карликов - ибо в отличие от лесной чуди, беззаветно любившей бороды (за что земники и были прозваны в своё время барздуками, то бишь бородачами), берендеи почему-то отдавали предпочтение только усам. Подобно своим далеким собратьям из Земиголья, подгорные карлики отращивали свои усы бережно и любовно, и готовы были ухаживать за ними денно и нощно. Кто заплетал их в косы, закидывая в дальнейшем назад за шею, кто наматывал за ухо, а кто и просто завязывал под подбородком витиеватым узлом, а иной раз и не одним, да так, что вереницей спускались они чуть не до самого пояса, образуя даже какое-то хитрое подобие бороды. И чем была вызвана такая удивительная любовь к усам у берендеев - никто уже объяснить не мог. Хотя вот злые языки поговаривали, что у подземных карликов некоторые окрестные обитатели позаимствовали не только рудознатное дело, добычу самоцветов да чеканку монет - а и эту необъяснимую любовь к усам.

Ко времени похода Лиго с друзьями на юг слава Подгорного Царства давно уж отгремела своё - усохла, ужалась в размерах держава берендеев после падения Русколани, надежными союзником которой были долгие века подгорные жители. Зачахла торговля, оборвались кровные узы, связывавшие некогда могучие знатные роды. Да и то сказать, количество их сильно поредело - из девяти осталось всего четыре, да и те были разбросаны далеко друг от друга на огромных просторах подземелья Лесистых гор. До Неманского края было далеко, а до волшебного Дивьего Царства еще дальше - кругом, по сути, остались только враги. Зло чуть ли не ежегодно опаляло южные склоны Лесистых гор, вторгаясь сюда из Дикого Поля, пока окончательно не слизало своим огненным языком всё живое. Затворились в самих себе древние берендейские роды, отрезанные друг от друга мрачными пустошами Подгорья, не видясь иной раз не то что месяцами, а то и годами. Редкие вести доходили от одного колена до другого - да и то, затхлый воздух подземелий доносил чаще лихие да горестные новости: что кто-то погиб в схватке с врагом или вообще безвестно сгинул незнамо где. Закрылось в самом себе Подгорное Царство, завалив входы глыбами и щебнем, спасаясь от набегов нечисти. Чудь в камень ушла, живьем в горах закопалась, как говаривали немногие выжившие обитатели окрестных земель. А когда в последнее время у южного края

скалистых отрогов Лесогорья стали вновь появляться жидкие поселения хуторян, жалких наследников некогда великой Русколани, то со временем они стали рассказывать про загадочных берендеев немало различных преданий, полных вымысла и удивительных волшебных подробностей.

Мол, жил-был некогда в Лесистых горах невысокий народец ростом не то с вершок, не то с аршин - чудесные умельцы и ремесленники, делавшие деньги из ничего и сидевшие на грудах добытых сокровищ и самоцветов. И народец этот был знаком с тайной силой, воевал со змеями и гадами подземными, отнимал у них яйца - а меж обычных людей ходил и помощь творил, кто какую может. А когда пришла година Лихолетья, не захотела чудь жить под нечистью - ушла в горы, в них и хоронится, скрываясь от любопытного ока. Так и живет там в красивых чертогах, ходит подземными лазами, заваливая проходы каменьями или, как говаривали некоторые знающие люди, закрывая за собой гору. И если хорошенько прислушаться, то по вечерам среди скалистых утесов иной раз слышно, как разговаривает внутри чудь - а в полночь окрестные вершины оглашает тихий звон.

Правда, отдельные недоброхоты рассказывали небылицы, что, мол, чудь подземная людей чересчур любопытных да охочих до их сокровищ поедом поедает, заманивая в свои ловушки и западни. И даже добыть малую толику богатств из чудских могил, оставшихся от былых времен на горных склонах, невозможно вовсе - ибо закляты те все клады на кровь, да на жизнь, да на семь голов. Многие, конечно, не верили вовсе этим вракам и отмахивались от всяческих небылиц - но все равно, где-то в глубине души по-прежнему верили, что рано или поздно придет счастливое время из дивных земель, а вместе с ним вернется и подгорная чудь со всеми добытыми сокровищами.

И лишь одни нахальные запороги, дикопольские самосбройцы, осевшие недавно чуть ли не под самым носом у обители Черноголова и бросившие ему дерзкий вызов, не ожидали сложа руки прихода счастливых времен - а всеми своими силами приближали их, насколько могли. Отважно уходили они в Лесистые горы, пробираясь подземными лазами на ту сторону, в Великолесье и Неманский край - и приводили оттуда в свою крепость на Непре-реке всех охочих людей. Выведали те камышники и степные гультяи все потайные тропы над и под горами, и, как говорили знающие люди, завели дружбу с самой подземной чудью, не дав ей окончательно зачахнуть и уснуть в самых глубинах Лесистых гор. Запороги много чего позаимствовали у берендеев, и не только, как уже догадался пытливый читатель, необъяснимую тягу к длинным-предлинным

усам - научились степные воины у подгорных жителей их хитрой науке, знаниям и уловкам, и, в свою очередь, щедро поделившись своим накопленным опытом. Радостно и гостеприимно, как родных братьев, встречали берендеи витязей Дикого Поля в своих подземных чертогах. А потому и ломал себе голову Мамай над тем, что же такого могло случиться, что к нему отнеслись не как к давнему другу - а словно к заклятому врагу.

***

- Ты смотри, а ведь и вправду бают, что у подгорной чуди свет в горах сияет не хуже солнечного! - цокал языком Пеколс, крутя головой налево и направо. - Конечно, насчет сравнения с солнцем приврали сильно, как видно - но что горы эти под землей светятся, так это есть на самом деле. Чудеса - да и только!

А удивляться действительно было чему - ибо чем дальше углублялся в разветвления каменных ходов отряд латников, тем понемногу становилось светлей. Поначалу шли в полном молчании и темноте, освещая себе дорогу факелами и с интересом рассматривая тайком друг друга - а затем стали попадаться время от времени настенные светильники, заправленные маслом и сильно коптящие, и то тут, то там в хитрых засадах умело устроенных каменных нор иногда мелькали круглые шлемы сторожевых из числа берендеев. А вскоре латники один за один, через равные промежутки времени, стали тушить свои факелы - и, к удивлению земников, от этого становилось отнюдь не темнее, а даже совсем наоборот. И вот уже неверное серое сияние заполонило всё вокруг, как будто из глубины каменных иззубренных стен потихоньку источался легкий призрачный свет.

- Мы что, выходим наверх? - спросил Мартин, озираясь по сторонам. - Или это так хитро устроены окна, выходящие с самой поверхности, что освещают подземные лазы?

- Ни то, ни другое, мой мальчик, - ответил чародей.

- А что же это тогда? - не унимался земник. - Идем ведь вроде все время вниз, углубляясь в гору.

- А ведь и верно, - поддакнул Лиго, - всё это время ход шел под уклон. Так что же это тогда нам освещает путь?

- Лунный камень, друг мой, - хмыкнул чародей. - Это самое главное сокровище берендеев...

- Это что еще такое за сокровище? - в один голос воскликнули барздуки. - Какой-то дивный самоцвет?

- Придем - увидите всё сами, - ушел от ответа Мамай и снова углубился в свои мысли.

Между тем понемногу становилось всё светлее и светлее - в бледном дрожащем сиянии уже можно было спокойно различать

фигуры латников в подземных ходах и вовсе без света огней. И вскорости замыкающий латник совсем затушил свой последний факел - тот погас с недовольным шипением, испустив струйку едкого дыма. А через несколько поворотов отряд остановился у расширения подземного входа, кончавшегося каким-то тупиком. Но, вопреки всему, Тарус двинулся вперед, пошарил рукой в расщелинах каменной глыбы - раздался тихий щелчок, а затем с грохотом скала вдруг стала подаваться в сторону, освобождая проход. Ни тени удивления не выказали лица берендеев - такие же каменные, как и стены вокруг. А когда скала полностью ушла в сторону, глазам земников предстала головокружительная картина. Там, за этой узкой потайной дверью, лежало огромная, невероятных размеров пещера, своды которой уходили невообразимо далеко вверх - и оттуда, с этой вышины, и от скалистых стен исходил мерцающий поток призрачного бледного сияния, освещая все громадное пространство подземной пустоши.

- Добро пожаловать во владения Берендея! - громко сказал Тарус, слегка кивнув головой.

И шагнул внутрь.

Лиго на какое-то мгновение замешкался - но латники, очень вежливо, но, тем не менее, с легким нажимом подтолкнули земников в спину, и барздуки вошли в удивительную дверь.

- Вот теперь действительно чудеса... - только и смог вымолвить Пеколс, у которого даже дыхание перехватило от увиденного.

А изумляться было чему. Впереди, насколько видел глаз в этой подсвеченной серой пелене, простиралась необъятная пещера - изрытые причудливыми трещинами и норами стены окаймляли ее. Сверху спускались загадочной и таинственной красоты каменные сосульки с вкраплениями горного хрусталя и самоцветов, перемигивавшимися между собой мерцающими огоньками и бликами. Снизу же им навстречу поднимались витиеватыми резными столбами утесы поражавшего воображение вида и всех оттенков радуги - а в иных местах они так высоко уходили ввысь, что казалось, будто они где-то там, в вышине, упираются в необычайно крутые своды, скрытые от глаз. А еще чуть дальше от входа пещеру пересекал огромный, невероятной глубины разлом, через который был перекинут узкий каменный мост. И там, за ним, на той стороне, угадывались каменные стены подземной крепости.

- О боги, - выдохнул пораженный Лиго, - прямо-таки неземная красота...

- Ну, я бы сказал, правильней будет, что это подземная красота, - ввернул Мартин, сам стоявший с раскрытым ртом.

- Да, друзья мои, это и есть вход в чертоги Берендея - одно из самых значительных чудес нашего света, - сказал Мамай. - И нам предстоит, хоть и не по своей воле, посетить их...

- И это всё создала подгорная чудь? - обвел рукой Лиго.

- Ну нет, что ты, - улыбнулся чародей. - Берендеи лишь обжили эти пустые пещеры, вытеснив отсюда подземных змеев и прочую нечисть несколько веков назад. И эти подгорные пустоши уже тогда сияли этим призрачным светом - хотя, согласно старинным заветам берендеев, покуда здесь будет обитать подземная чудь, будет светить и дарить это мерцающее сияние колдовской лунный камень этих стен. А как только уйдет чудь из этих пещер - они снова погрузятся во мрак...

- Но как такое возможно, что какой-то камень источает свет? - изумился Мартин.

Мамай посмотрел на него с высоты своего роста и усмехнулся, пожав плечами:

- Мальчик мой, в этом подлунном мире много удивительного и необычного - а временами и порой совершенно невозможного. С тех пор, как владыка Берендей со своим народом завоевал эти подземные пустоши, минуло пять веков - и как оно было все на самом деле, уже и не выяснить. Но лунный камень сияет до сих пор - и пока еще крепко стоит Подгорное Царство!

И замолчал, вздохнув чему-то своему, потаенному.

- А что это там такое? - кивнув головой, спросил Лиго. - Что это за башни впереди? И кто создал этот мост через пропасть?

Мамай стряхнул с себя легкую пелену оцепенения, посмотрел вдаль и продолжил:

- Каменный мост возвели уже сами берендеи - и ведет он в их древнюю крепость Златоград, столицу Подгорной страны, куда мы и направляемся. Это вотчина самого древнего и самого знаменитого рода подземных карликов - колена Золотоголовых. Дорога туда есть только одна - вот эта самая, которая и перекинута искусными умельцами через бездонный провал. И мост этот настолько узок, что там плечом к плечу вряд ли смогут стать даже два латника из племени берендеев - его легко защитит от любого неприятеля даже малая горстка воинов, если, конечно, такой враг сможет приблизиться к этим волшебным чертогам, прорвавшись сквозь заслоны и засады в запутанных подземных ходах. Берендеев всегда было немного - ведь вовсе нелегко выживать в подземных пещерах под горами. А сейчас и вовсе осталось только четыре колена из девяти. И поэтому берендеи всегда славились умелыми бойцами и воинами - каждый из них стоит целого десятка витязей из наземного мира...

И снова погрузился в свои мысли.

Меж тем отряд берендеев со своими пленниками двинулся вглубь удивительной необъятной пещеры, уходящей вперед - и когда последний латник, обернувшись напоследок, проследовал внутрь, дверь с грохотом затворилась, не оставив в скале даже намека на малейшую щель.

А вскоре подошли и к мосту, узкой лентой нависавшего над бездной такой глубины, что у барздуков невольно закружилась голова.

У самого входа на мост, перегороженного стальными коваными створками испещренных рунами ворот, возвышались две грубые, крепко сложенные из хорошо подогнанных друг к другу каменных глыб сторожевых башни с узкими бойницами, из которых тут же показались заряженные стальными болтами самострелы. Гортанный голос что-то выкрикнул на языке подгорных жителей - ему в ответ что-то громко сказал Тарус, взмахнув платком в кованой рукавице и указав на земников с чародеем. В прорези бойницы мелькнуло лицо в железной маске, пристально разглядывавшее пленников. Наконец был отдан приказ - со скрипом открылись стальные ворота, оставив только очень узкий проход, через который на мост блестящим ручейком заструился отряд латников.

Проходя меж двух башен с бойницами, из которых грозно посверкивали самострелы стражи, Лиго невольно поежился от исходящей от них угрозы.

- Да уж, с этими ребятками шутки шутить не придется - оборона у них налажена что надо, - сказал за его спиной Мартин. - Голову даю на отсечение, что эта штуковина пробивает навылет своим болтом латника со всей его броней - и достреливает самое малое до середины моста, а то и дальше. Эдак взаправду десяток бойцов сможет удерживать мост сколь угодно долго, засев намертво в этих башнях и перегородив путь.

- Я думаю, что и на той стороне защита не хуже, если не лучше в несколько раз, - кивнул Лиго и тут же с легким смешком заметил: - А вот голову свою давать на отсечение не нужно - она тебе еще пригодится!

- Да, ты прав! - хохотнул Мартин, как раз крутивший головой по сторонам. - Кстати, если ты обернешься, то увидишь, как наши милые хозяева что-то показывают знаками на ту сторону.

Лиго, стараясь не сбавлять шага, посмотрел назад - с зубчатой вершины одной из башен размахивал факелом один из сторожевых, явно передавая важное донесение.

- Ну, вот нас и ждут! - сказал Лиго и печально улыбнулся: - Готовят теплый прием...

- Лишь бы прием этот не был последним для нас в этой

жизни, - хмуро буркнул сзади Пеколс, угрюмо шагая через мост и боясь даже заглянуть в пропасть, внизу которой клубились туманы.

Ни Лиго с Мартином, ни чародей ему ничего не ответили.

Спустя время вышли на ту сторону. Сразу же за мостом подземная пещера была пережата двумя огромными скалами, вздымавшимися ввысь - и, насколько хватало глаз, обойти их слева и справа было невозможно. Хотя после моста проход здесь несколько расширялся, он был по-прежнему узок и перегорожен каменной стеной в несколько рядов - такая же каменная кладка тянулась лентой по скалам в обе стороны от дороги, надежно перекрывая доступ дальше. От моста к стене вели крутые, высеченные в утесах ступени, вившиеся наверх таким образом, что нападавшие были открыты со всех сторон для стрелков из крепости - а малейшая вылазка мечников сверху сразу бы опрокинула любой отряд вниз, к узкому мосту или вообще в бездонную пропасть.

Крепость встретила путников пронзительным воем рожков и барабанной дробью. Рдели знамена и стяги среди каменных зубцов, деловито расхаживали сверкавшие золочеными доспехами латники с поднятыми забралами шлемов, перекликались дозорные на сторожевых башнях и в узких бойницах - подземная крепость словно хвалилась путникам всей своей мощью и силой.

Над воротами, в окружении витиеватого каменного узорочья, раскинулась огромная надпись руницей величиной с человеческий рост. Но, как ни силился прочесть ее Лиго, большая часть этих старинных угловатых знаков была ему неведома.

- Гульдиберг... - вполголоса подсказал Мамай, - что на древнем наречии берендеев значит Златоград.

И, повременив и будто отвечая на немой вопрос земника, чародей добавил:

- Не огорчайся, мальчик мой! Немногие у нас, наверху, понимают язык и азбуку подземных жителей - за многие века они разительно изменились и стали отличаться от наших. Руны у берендеев свои собственные - даже среди волхвов сейчас единицы, кто мог бы свободно читать эти надписи...

И в этот самый миг громко прозвучал медный голос горна.

Каменная стена чуть дрогнула - и нехотя, неспешно, с каким-то утробным лязгом и треском, стали подниматься вверх бронированные ворота цитадели берендеев. И лишь пройдя узким каменным проходом с нависавшими над головой сводами, отряд очутился внутри.

Развивались огромные золоченые хоругви с темными образами, свисали цветными полотнищами тяжелые знамена с

вышитыми древними гербами, качались мохнатыми шапками и густыми хвостами бунчуки на длинных древках. Гул голосов, свистки военных дудок и писк свирелей, топот множества ног - все это сплелось в один многоцветный шумный клубок, который закрутил и завертел путников, и понес прямо внутрь этих вырезанных в камне переходов и пещер, глубокими норами вгрызшихся в скалы. И лишь порядком поплутав бесчисленными переходами с крутыми ступенями и низкими сводами, латники наконец вошли в огромный зал, в конце которого на каменном троне восседал владыка Златограда и правитель всего Подгорного Царства.

Гулко раздавались шаги путников в гнетущей тишине подземной залы - правитель берендеев молча разглядывал нежданных гостей. Его суровое лицо, словно высеченное из гранита и иссеченное глубокими трещинами, сохраняло каменное выражение. И лишь когда путники приблизились и Тарус преклонил колено перед каменным троном, в тиши раздался каркающий голос Свидегера:

- Здравствуй, клятвопреступник и предатель Майсур! Что можешь ты сказать в свое оправдание, обесчестив мою дочь?

А из-за трона в дивной облегающей кольчуге вышла дева с огненными волосами, волшебно струившимися по ее плечам - и гневно сверкнула глазами.

ГЛАВА 19

ДОЧЬ ПОДГОРНОГО ВЛАДЫКИ

В затянувшейся звенящей тишине, затопившей огромный зал до самых сводов, не раздавалось ни шороха, ни звука - лишь гулко бились сердца изумленных барздуков и чародея. Каменными истуканами стояла подземная стража, молча стиснув копья и безучастно глядя сквозь прорези забрал своих кованых шлемов, готовая в любой миг исполнить приказ своего властелина. Но неподвижно сидел на древнем троне подгорный владыка Свидегер, король подземной чуди, вперив свой тяжелый взгляд в чародея и, казалось, вовсе не замечая его спутников. А рядом с резным троном прекрасным, словно сотканным из серебра и горящего злата дивным изваянием замерла небывалой красоты дочь подгорного властелина - и оба молодых земника не сводили с нее восхищенных глаз. И сколько продолжалось это наваждение, было неведомо - время будто замерло под этими глубинными сводами.

- Так что ты молчишь, предатель Майсур? - разрушил колдовскую тишину вопрос Свидегера.

И от его каркающего голоса беззвучные чары словно дали

трещину и рассыпались осколками - волшебное наваждение исчезло.

- Вот дела, - мотнул головой Пеколс, будто сгоняя пелену с глаз. - А наш-то чародей - вовсе не промах!

И тихонько хохотнул.

Свидегер перевел на него изумленный взгляд и какое-то время разглядывал и Прока, и его молодых сотоварищей. И под его тяжелым взглядом барздуки невольно поежились и благоразумно опустили очи долу. А владыка, достаточно рассмотрев чужестранцев, вопросительно глянул на стражу.

Вперед молниеносно выступил Тарус и, преклонив колено, сказал:

- Ваше величество, этих чужеземцев мы взяли вместе с клятвопреступником Майсуром. И один из них смеет утверждать, что они - посланники Неманской державы и Совета волхвов!

И бросил дерзкий и насмешливый взгляд на Лиго.

Лиго вспыхнул и, незаметно толкнув своих товарищей, быстро опустился на одно колено - его спутники тут же последовали его примеру. Стоять остался лишь один чародей, гордо и, казалось, презрительно возвышаясь над склонившимися земниками и Тарусом.

У подземного владыки от гнева заиграли желваки, но, пересилив себя, он перевел взгляд с надменного чародея на коленопреклоненных барздуков и спросил:

- Правду ли говорит мой слуга, о чужестранцы?

- Да, ваше величество, истинную правду! - быстро выпалил Лиго, не поднимая глаз.

Свидегер поиграл желваками, слегка нахмурился и, наклонившись вперед, каркнул, будто старый ворон:

- А чем может доказать свои слова почтенный иноземец?

И, сведя на суровом морщинистом лбу кустистые брови, вперил свой тяжелый взгляд в барздука.

Лиго краем глаза заметил, как торжествующе спрятал насмешливую улыбку Тарус, и, стараясь не выдать своего волнения, предательски сжимающего горло, громко сказал:

- Кольцо на моей руке, ваше величество, служит пропуском во все цитадели и крепости, выступающие на стороне светлых сил! На этом серебряном перстне, выкованном вайделотами Неманского края, руны поведают знающему человеку, кто я такой.

И, быстро сняв с пальца кольцо, протянул его владыке, по-прежнему не поднимая головы.

Подземный король несколько мгновений, всё также хмурясь и играя желваками, рассматривал перстень - а затем переспросил:

- Пропуском во все цитадели на стороне светлых сил?

И каркающее расхохотался.

А затем, словно хлестнув бичом, резко сказал:

- А вы уверены, чужестранцы, что попали туда, куда надо? Что это именно крепость светлых сил - а не наоборот? Ведь мои владения скрываются как раз во мраке! Что скажете на это мне, иноземцы?

И снова звучно захохотал - лишь затряслись заплетенные в косы усы.

Оторопь взяла барздуков - и ледяной когтистой лапой царапнул предательский страх. Земники быстро переглянулись между собой - но Лиго тут же отогнал отчаяние и твердо произнес:

- Я верю, ваше величество, что Подгорное Царство и ныне, как и в былые времена, является обителью светлых сил. И будет им и впредь - ибо великий и славный народ берендеев никогда не был предателями, ваше величество!

Свидегер хмуро разглядывал барздука - а затем лицо подземного владыки прорезала едва заметная слабая улыбка.

- Да, ты прав, чужестранец! Мы, берендеи, никогда не были предателями!

И метнул выразительный взгляд на гордо стоящего чародея - но тот, казалось, был безучастен ко всему происходящему.

- Я вижу, что ты посвящен в волхвы нижнего круга, о чужеземец! - не дождавшись ответа от Мамая, хрипло сказал подгорный король, вновь переведя взгляд на Лиго и протянутое кольцо в его ладони.

А затем, двинув желваками, желчно заметил:

- Владыки северных земель могли бы прислать кого-нибудь и поважнее тебя.

На лице Свидегера из-под усов снова мелькнуло подобие кривой улыбки. Он откинулся на троне и, не спуская глаз с земника, уже чуть более дружелюбно спросил:

- Как ваши имена, бородатые чужестранцы?

- Я - сударь Лиго из рода Бирзулисов, сын воеводы Лютня и ученик владыки Куреяса, главы Совета волхвов Неманского края! А это - мои спутники: витязь Мартин из рода Бубиласов, племянник нынешнего воеводы Земигольского края сударя Бортня, а также мой слуга Прок Пеколс. Мы, ваше величество, из древнего племени земников, или барздуков, которое все наши соседи - и ближние, и дальние - называют лесной чудью!

Подземный король молча разглядывал чужеземцев и слегка кивнул головой.

- Славные и почтенные имена ты называешь, Лиго из рода Бирзулисов! - трескуче произнес Свидегер, когда барздук

закончил. - Слухи о деяниях твоего народа - и в особенности твоего отца, славного воеводы Лютня - докатились и до наших подземелий. Вести доносят нам и деяния воеводы Бортня - своими сечами с нечистью известен он даже в наших краях. Но как, скажи мне, о иностранец, в такую почтенную компанию затесался вот этот предатель и клятвопреступник?

И Свидегер вновь гневно сверкнул глазами, и, крепко стиснув подлокотники резного трона, выбросил руку вперед, указывая на чародея.

- Он - тоже посланник владык Неманского края? - и подземный владыка насмешливо посмотрел на Лиго.

- Я - свой собственный посланник, ваше величество, - впервые за всё время проговорил Мамай. - А также я - представитель куда более грозных сил, чем все волхвы северных земель, не в обиду им будет сказано. И вам, ваше величество, это ведомо давно ...

И, гордо откинув голову, прямо посмотрел в глаза подгорному королю.

Свидегер вперил в чародея свой взгляд - и на миг барздукам показалось, что под сводами старинной залы со звоном и искрами скрестились два закаленных в боях клинка.

Но поединок был явно неравным - подземный король заскрипел зубами, до дрожи в руках стиснув подлокотники трона. Пальцы владыки побелели от напряжения, на лбу выступили бисеринки холодного пота. Еще мгновение - и казалось, что чародей пригвоздит короля своим огненным взглядом прямо к трону. Но в последний миг Мамай отвел глаза - Свидегер шумно выдохнул и обмяк, откидываясь на резную спинку. Грудь владыки тяжело вздымалась от неистовых усилий поединка взглядов.

- Ваше величество, я искренне прошу вас объяснить, в чем моя вина? - пытаясь придать своему голосу хоть какое-то смирение, спросил Мамай, снова посмотрев в глаза королю.

Но тут вмешалась дева с огненными волосами, дотоле молча стоявшая рядом с троном.

- О Майсур, и ты еще спрашиваешь? - гневно сверкнула огромными очами дочь владыки.

- Да, о Хильда, прекраснейшая из дев! - ответил Мамай. - Я не понимаю, в чем я провинился пред тобою? Ни разу ни словом, ни даже мыслью не обидел я тебя - чем же я мог тебя обесчестить? Какие клятвы я тебе давал, что меня называют здесь клятвопреступником? Кого же я предал?

- Меня... - опустила свои дивные веки дочь подземного властелина.

- Но чем, о Хильда? - воскликнул чародей.

Свидегер, уже пришедший в себя, и до поры до времени не

вмешивавшийся в этот разговор, вдруг зло ввернул:

- Спроси-ка лучше, Майсур, что носит моя дочь! Спроси, чем одарил ее ты в последний раз!

Земники, до сих пор не смевшие разогнуть колен, только быстро переглянулись между собой. Прок по своей привычке хотел было отпустить на эту новость свою очередную едкую колкость про чародея - но Мартин не дремал: и тут же незаметно для окружающих, но весьма чувствительно саданул Пеколса в бок. Тот крякнул и клацнул зубами, проглотив так и не вырвавшуюся на волю острую шутку. Лиго сердито глянул на обоих - и так едва заметная возня мгновенно улеглась. И когда подземный владыка бросил на барздуков свой сверлящий взгляд, то увидел лишь смиренно склоненные головы чужеземцев.

А Мамай тем временем не верил услышанному - и изумленно смотрел на прекрасную деву. И лишь спустя какое-то время чародей наконец выдавил из себя:

- Но как такое могло быть, о Хильда? Ведь мы ни разу не были наедине! Неужели ты...

И Мамай выразительно посмотрел на гибкий стан прекрасной воительницы, стараясь в узкой талии под облегающей блестящей кольчугой угадать изменения. Дева вся вспыхнула и зарделась, метнув в чародея ненавидящий взгляд.

- Еще одно слово - и я вырву твой грязный язык! - зашипел вдруг Свидегер, в ярости вскакивая с трона. - Да как ты мог подумать такое?! Ты сейчас нанес оскорбление моей дочери еще хуже прежнего, Майсур!

Чародей непонимающими глазами смотрел на подземного владыку.

- Но если не это, ваше величество - тогда что? - с нажимом непонимающе воскликнул Мамай.

- Я велю отсечь тебе голову, предатель! - захлебывался от гнева Свидегер. - А перед этим изрублю на мелкие кусочки и сожгу твой мерзкий колдовской язык за такие слова!

И владыка хотел было крикнуть "Стража!" - как тут же осекся, натолкнувшись на прожигающий насквозь взгляд чародея.

"Не доводи до греха, Свидегер! Еще один шаг или слово - я разнесу здесь всё в пыль!" - вдруг явственно послышалось подземному королю. Он замотал головой, затем посмотрел по сторонам - и с ужасом понял, что голос чародея слышится только ему, Свидегеру, и больше никому. Владыка оцепенел.

"Вот так-то лучше!" - снова зазвучал в ушах у короля голос чародея.

"Я не хочу наносить тебе обид, Свидегер, и ронять твое лицо пред твоими подданными - но и ты тоже знай меру и не

забывайся в гневе!" - звучал стальной голос. - "Давай уж лучше спокойно и толково разберемся во всем, как старые знакомцы..."

Владыка опустился на трон и вытер суровое чело, изрезанное глубокими морщинами.

- Ладно, извини, Майсур, за гневные слова... - еле выдавил из себя подземный владыка и, собравшись с духом, выдохнул: - Ты в последний раз подарил прилюдно моей дочери оберег со своей шеи, Майсур. А по нашим законам подарить оберег деве - значит, предложить ей свою руку! Но затем ты исчез надолго - и уже прошли все мыслимые и немыслимые сроки согласно нашим обычаям. И тем самым ты не просто обесчестил девушку - ты нанес тяжкую обиду дочери самого подгорного короля! А значит, и мне лично - и всему моему народу!

- О боги... - только и смог вымолвить чародей, закрывая рукой глаза. - Я ведь сделал это от чистого сердца - чтобы амулет оберегал вашу дочь во мраке этих подземелий! Я никоим образом не хотел обидеть или насмеяться над ней, ваше величество...Я не знал этого обычая... О боги! Нет мне прощения - из-за невежества потерять друзей и нанести им смертельную обиду...

И чародей весь поник, словно ужавшись в размерах.

А подземный владыка одновременно и гневно, и будто бы с какой-то вдруг неизвестно откуда прорезавшейся жалостью глянул на Мамая. А с другой стороны на чародея смотрели с укором прекрасные глаза юной девы с огненными волосами. И эти два взгляда были настолько невыносимы, настолько проникали глубоко в душу, что у чародея вдруг помимо его воли дрогнули колени - и он опустился в низком поклоне пред древним троном.

- Простите меня, мои друзья, искренне простите, если сможете... - еле слышно прошептал Мамай.

И то ли Лиго показалось, то ли в действительности было так - но на каменный пол тихо упала соленая капля слезинки, украдкой оброненной суровым южным витязем, и тут же смешалась с пылью.

Дочь подземного владыки отвела взгляд - ресницы ее затрепетали, и она отвернулась, прикрывая рукой прекрасное лицо. И именно поэтому она не заметила, как на нее давно и уже не украдкой смотрит во все глаза Мартин, словно не видя ничего вокруг. А за ним с неменьшим изумлением наблюдает Лиго - и оба земника, уже забыв все приличия, давно подняли свои некогда склоненные головы.

- Теперь наконец-то ты понимаешь меру своей вины, Майсур? - разрезал наступившее безмолвие каркающий голос Свидегера.

Но в этот раз он зазвучал намного тише и уже не так резко.

- Да, ваше величество... - прошептал Мамай. - Мне нечего больше сказать в своё оправдание - ибо то, что я сейчас добавлю, еще больше оттолкнет вас от меня...

- Куда уж хуже может быть, Майсур? - сдвинул брови подземный владыка. - Какую обиду, кроме этой, приберег ты для меня еще?

А чародей, еще ниже опустив голову, тихо сказал:

- Обет безбрачия, ваше величество - я дал зарок много лет назад... И потому не могу жениться на вашей дочери...

Воцарилась звенящая тишина. Та самая, которая бывает обычно перед страшной бурей. Перед бурей, всё сметающей на своем пути и ни перед чем не останавливающейся. И вдруг...

И вдруг раздался звонкий голос:

- Я могу жениться на вашей дочери, ваше величество!

Это был голос Мартина - и все воззрились на него.

А он, словно боясь опоздать высказаться, говорил и говорил:

- Я хочу предложить вашей дочери, ваше величество, свою руку и сердце! Клянусь любить ее больше всего на свете - и защищать до конца своих дней, пока дышу! Я готов отдать ей свой нашейный оберег, завещанный мне моей старой матушкой - и говорю это также прилюдно и открыто. И от своей клятвы не отступлюсь никогда - разве что смерть заставит меня это сделать...

И, повернувшись к прекрасной деве, преклонил колено перед ней и твердо сказал:

- Ваша светлость, мой род хотя и не королевский - ибо у нас, земников, лесной чуди, нет ни королей, ни князей, а своих правителей и воевод мы выбираем сами - но род мой также очень знатный и древний, а его истоки теряются в глубине веков. И я почту за великую честь, если вы примете мою руку и сердце - ибо эти слова я никогда еще прежде никому не говорил. И я знаю твердо, что больше их не скажу никому и никогда!

И Мартин замолк, склонив голову.

Такого не ожидал никто - и, как затем неоднократно подозревал Лиго, прежде всего сам Мартин. Хватило бы у молодого земника сил и отваги собраться с духом и высказать эти слова в ином месте и в другое время? Богам только это и ведомо. Но слово, которое вылетело, как и упорхнувшую на волю птицу, вернуть уже невозможно - всё было сказано и всё было сделано. Иной раз за нас нашими же устами говорят боги - и они же нас наставляют исподволь, что и как совершать. Но как бы там ни было, но впоследствии земник ни разу не пожалел о том, что в тот миг он, удивляясь сам себе, смог сказать под далекими каменными сводами те самые слова...

А меж тем блистательная дева подняла свои дивные очи - и они встретились со страстными, но честными и открытыми до самых потаенных глубин души глазами молодого барздука. И будто молния пробежала между ними - они готовы были смотреть друг на друга целую вечность. И эта дрожь, и это неземное блаженство, в котором они утонули оба, исподволь передались окружающим. Все смотрели на них - и всем всё было понятно...

И можно было бы на этом и закончить главу, но в тот самый миг, когда старый подгорный владыка, глядя на молодую пару, тайком смахнул набежавшую слезу, Лиго вдруг весь вздрогнул и схватился за грудь, разрывая одежды. Все взгляды обратились на него - а руки молодому барздуку немилосердно жгла холодным пламенем древняя заколка, подарок волхва. Мамай изменился в лице, предчувствуя угрозу.

И действительно, спустя миг под гулкими каменными сводами вдруг раздался трубный зов войскового горна. А вслед за тем тяжелые кованые двери старинной залы шумно распахнулись - и вбежал запыленный окровавленный гонец.

Не добежав нескольких шагов до трона, он рухнул на холодный пол и воскликнул из последних сил:

- Нападение, ваше величество! Нечисть смяла все наши заставы и прорвалась к мосту - и несть ей числа...

И испустил дух.

А под сводами залы переливались тревожные трели рожков, раздавалась частая дробь барабанов, и протяжно и зычно надрывался медный горн, отдаваясь эхом в переходах и пещерах, оповещая подземных жителей о внезапном нападении.

ГЛАВА 20

БИТВА ПОД КАМЕННЫМИ СВОДАМИ

- Беда не приходит в одиночку! - хрипло каркнул Свидегер, вскакивая со своего резного трона и, повернувшись к начальнику стражи, отчеканил: - Сударь Тарус! Приказываю возглавить оборону ворот и моста! Ступайте немедля, сделав все необходимые приготовления!

- Да, ваше величество! - отчеканил Тарус и, щелкнув каблуками, круто развернулся к выходу, мотнув желтыми усами.

- Постойте, ваше величество, - вдруг громко раздался голос Мамая.

Подземный владыка замер и воззрился на чародея:

- Что еще, Майсур? Ужель ты приберег для меня еще одну весть - что вам пора покинуть мой чертог?

И горько улыбнулся самыми краешками морщинистого рта.

- Отнюдь, владыка, - качнул головою Мамай и, посмотрев

прямо в глаза повелителю берендеев, сказал: - Дозвольте, ваше величество, хоть на толику искупить свою вину - и стать рядом с вами в один строй!

И, немного подумав, уже тише добавил:

- Как в старые добрые времена...

Свидегер на мгновение закрыл глаза - и тут же прямо и жестко посмотрел в зеницы Мамая.

- Как в старые добрые времена? - переспросил подземный король и вздохнул: - Так тому и быть! Играют с нами боги, как хотят того сами - в тяжелую годину привели они тебя в наши края. И я уж думал, лишь для того только здесь ты снова объявился, чтобы нанести нашему роду смертельное несмываемое оскорбление. Но сейчас...

И, снова на миг прикрыв глаза, владыка бросил чародею, уже не глядя на него:

- Впрочем, теперь я уже ни в чем не уверен... Становись с нами в один строй, Майсур - твоя рука понадобится нам в неравной сече! Но только не береди мне душу - держись от меня подальше и не попадайся на глаза!

И быстрым шагом спустился с трона.

- А как же мы, ваше величество? - воскликнул Лиго, всё еще потиравший грудь. - Негоже нам стоять поодаль от лютой битвы.

- Вот вам наши мечи, владыка! - добавил Мартин, с трудом отводя глаза от прекрасной девы.

И оба барздука звякнули ножнами.

Тарус и Свидегер переглянулись - и король, нахмурившись, сказал:

- Сударь Тарус! Негоже нам в эту годину пренебрегать помощью, с какой бы стороны она ни подоспела! Возьмите-ка под своё начало этих бравых земников - сейчас у нас каждый клинок на счету! Ну, а время очень быстро покажет, на что они способны!

И многозначительно посмотрел на молодых барздуков, чуть дольше задержав свой взгляд на Мартине. Но тот, к своему великому удивлению, выдержал на этот раз тяжелый взор владыки Подгорного Царства.

Король слегка, почти незаметно, кивнул ему головой - а затем глянул на свою дочь, как будто что-то взвешивая.

- Хильда, девочка моя, - каркнул Свидегер, - ты возглавишь оборону внутренних покоев...

- Но отец... - попыталась было возразить Хильда, - моё место в первых рядах, там, на мосту, где кипит нервный бой!

- Я так сказал! - резко отрезал подземный владыка, а затем чуть мягче добавил: - Хильда, дочь моя, у меня нет сына, а у тебя брата - и уже вряд ли когда-либо будет после смерти моей

любимой жены и твоей любящей матери... Ты - моя единственная наследница. Береги себя - ибо на тебе не должен прерваться древний род Берендея!

И, еще раз быстро посмотрев на Мартина, владыка развернулся и, как огромная птица взмахивает крылами, запахнулся в свой темный длинный плащ - и быстро вышел из тронной залы в боковой ход.

- Ну что ж, господа, за мной! - сказал Тарус и, бросив оценивающий взгляд на барздуков, хмыкнул: - Посмотрим, чем потчуют нечисть в чащах Земиголья лесные бородачи...

- Не извольте сомневаться, сударь, - отрезал Лиго. - Наши блюда слишком остры для их пастей - плевать будут кровью!

- Ну-ну, - пожал плечами начальник стражи, а затем спросил: - А что это вы, сударь Лиго, потираете грудь? Сердечко шалит в столь молодом возрасте?

И насмешливо подмигнул.

Лиго вспыхнул, но вместо него несколько поспешно воскликнул Мамай:

- Так что прикажете делать мне, господин Тарус? На какой участок обороны отправите опального чародея?

И печально улыбнулся.

Начальник стражи снизу вверх посмотрел на чародея:

- Вам, сударь Майсур, я не смею приказывать, что и как делать - вы и сами знаете, где вам лучше объявиться. Я слишком часто видел вас в деле, а потому не могу сказать, что не рад видеть вас снова на нашей стороне!

И уже чуть тише добавил:

- Искренне надеюсь, что всё уладится, сударь...

И, кивнув головой чародею, Тарус чеканным шагом вышел в кованые двери во главе своих латников. Земники, не мешкая, двинулись за ним - лишь Мартин на какой-то миг задержался на входе и еще раз встретился взглядом с прекрасной девой, которая смотрела на него, не отрывая глаз.

- Да сохранит вас светлое и тресветлое солнце, друзья! - крикнул вслед уходившим барздукам чародей.

И незаметно для всех прошептал им в спину какое-то заклинание.

А затем, повернувшись к дивной дочери подземного владыки, тихо сказал:

- Прошу простить меня, моя госпожа, что смею к вам обращаться... Возьмите этого старого земника, Прока Пеколса - он знатный травник и лекарь, изучал алхимию, и может вам очень пригодиться сегодня. Боюсь, раненых будет много, даже слишком много...

И быстро глянул на Хильду.

Но та опустила глаза и молчала.

Тогда чародей, незаметно вздохнув, добавил:

- Я же, моя госпожа, отлучусь ненадолго...

Ресницы девушки затрепетали и она, вся вспыхнув от гнева и изумления, воскликнула:

- Отлучитесь, сударь? В такую годину?! Но вы же...

Мамай не дал ей договорить.

- Да, моя госпожа, я обещал вам всем помочь в неравной битве - и вашему отцу особенно. И слово своё я сдержу! Не извольте беспокоиться - я приведу на помощь друзей...

- Друзей... - с горькой улыбкой усмехнулась дочь владыки. - О каких друзьях вы говорите, сударь? У нас, подземных жителей, больше не осталось здесь никаких друзей - одни враги, которых только мы и сдерживаем! Послать же за помощью к другим родам берендеев, раскиданным под горами, мы попросту не успеем - гонцов всех перебьют, и подмога придет не скоро...

- Моя госпожа, один из ваших друзей находится прямо перед вами, - сказал Мамай и, видя, что девушка желает его перебить, тотчас же добавил: - И здесь, в Лесистых горах, еще найдутся светлые силы, которые придут к вам на помощь. И я приведу эту подмогу - только держитесь изо всех сил!

И, еще раз кивнув прекрасной деве, щелкнул каблуками... и исчез в невесть откуда взявшемся вихре!

А когда пыль улеглась, в пустынной зале осталось двое - дочь подземного властелина и старый, вечно взъерошенный земник.

- Вот тебе и на! - крякнул Пеколс, помотав головой. - Из огня да сразу в полымя! Совсем у меня голова уже пошла кругом от этих событий! Видать, я стал уже чересчур стар для всего этого - ничего не понимаю...

И сокрушенно пожал плечами.

Хильда посмотрела на него полным тоски взглядом и сказала:

- Идем, мой новый друг - у нас с тобою сегодня будет много трудных дел!

А перед ее затуманившимся от набежавшей слезы взором стояли дивные, как лесные озера, глаза молодого земника - и подземная дева поняла, что в их бездонной синеве она утонула навсегда.

***

Попетляв изрядно по витиеватым подземным переходам, земники и Тарус выскочили наружу - и тут же ослепли и оглохли на миг. Воздух был до предела насыщен громкими криками и воплями, свистом рожков и дробью барабанов, топотом

многочисленных ног и лязгом оружия и брони. Всё вокруг крутилось, куда-то бежало, мельтешило перед глазами - и двигалось, двигалось, двигалось. А затем вдруг всё прорезал раздирающий душу когтями мерзкий свист - и облако черных стрел вдруг ринулось откуда-то сверху и обрушилось на мечущихся берендеев. Застучали по кованым шишакам наконечники стрел, впивались ядовитыми жалами меж колец кольчуг, жадно вонзались в податливую теплую плоть, собирая свою ненасытную кровавую жатву. Тарус со своими ратниками и барздуки еле успели пригнуться за каменными выступами.

- Злыдни, мать их задери! - зло выругался начальник латников, подбирая сломавшуюся от удара о каменный пол стрелу с черным древком и ржавым зазубренным жалом, с которого сочился жирный зеленый яд. - Бьют, гады, стрелами прямо через пропасть - только их луки способны так далеко метать стрелы.

- Да, без щитов нам к мосту не пробиться, - заметил Мартин. - Того и гляди, накроет случайным выстрелом сверху - и всё тебе, навоевался, сердешный!

Тарус глянул на него с интересом:

- Ты, как я погляжу, бывалый малый - знаешь толк в сечах...

- Время покажет, - хмуро буркнул Мартин.

Лиго метнулся куда-то в сторону - и тут же объявился вновь, держа в руках два щита.

- Видать, обронил кто-то из латников, - пояснил он в ответ на немой вопрос друга.

Мартин взял щит, выхватил секиру и, описав ею круг над головой, довольно крякнул и сказал:

- Эх, сейчас бы клинок мне добрый - самое оно биться в теснотах острым мечом! Но ничего, на вражьи головы и секира сойдет!

- И где же ваш меч, сударь? - с легкой поддевкой спросил Тарус и хмыкнул: - Потеряли от испуга при встрече с нашей стражей?

- Да нет, милейший, - ответил вместо Мартина Лиго. - Он его обронил, когда выковыривал недавно одну пиявку из ее норки!

И оба земника, переглянувшись, невольно рассмеялись.

Тарус покрутил головой, не понимая шутки, а затем, заприметив недалеко от себя своего ратника, крикнул:

- Боец, щит мне!

И, схватив тяжелый щит и подняв его над собою, гаркнул:

- Прикрыть головы! За мной!

И побежал что есть силы вперед, прикрываясь от летевших сверху ядовитых стрел, перепрыгивая через раненых и погибших.

И лишь взобравшись на крепостную стену, земникам открылась страшная, но завораживающая картина.

Весь мост до самого каменного вала у основания цитадели был запружен копошащейся живой кашей. В этой кричащей и рычащей кровавой кутерьме вспенивались светлыми барашками волн блестящие клинки мечей, снопам сыпались разноцветные искры из-под обрушивавшихся на кованые шлемы острия секир, вспучивались вверх вздетые на копья и пики истерзанные в клочья тела, а затем обрушивались в пропасть, увлекая за собой других. Всё смешалось в страшной сутолоке, все кричали, ругались, стонали, теснили друг друга и рвали на куски.

Однако Тарус как опытный воин быстро окинул взглядом запруженный бесчисленным воинством мост и крикнул:

- Трубач! Труби общий сбор - мы отступаем!

Завыли протяжно медные горны, перекрикивая невероятный шум схватки, забили гулко тулумбасы и литавры, запестрели флажки на крепостной стене.

- Горгота! - рявкнул начальник стражи одному из своих латников. - Ты прикроешь отступление!

А чуть тише добавил:

- Береги себя, сынок, если сможешь...

И отвернулся.

Юный латник с еще не слишком длинными усами, но зато с многочисленными глубокими шрамами на лице от жестоких схваток, лихо щелкнул каблуками, развернулся и ринулся вниз, собирая по пути мечущихся во все стороны берендеев.

И уже через минуту огромные ворота с лязгом и скрипом отворились - и наружу стальным потоком вырвался закованный в броню отряд, струясь блестящим ручьем между копошащимся месивом сражающихся тел. Будто расплавленным серебром брызнули на мост - раскаленный жидкий металл, пробившись до середины переброшенной через пропасть каменной переправы, вдруг затвердел и принял форму, сдерживая натиск нечисти и опрокидывая наступавших врагов. А за его ощетинившейся мечами и копьями стеной оставшиеся в живых защитники добивали попавших в окружение врагов.

- Бей! Коли! Руби! - кричали берендеи, скидывая в пропасть злыдней.

Те бешено крутились во все стороны, выли и рычали, исходили в своем неистовстве пеной, прыгая прямо на обнаженные клинки, лязгали желтыми клыками - и сыпались с моста градом под ударами подземной чуди.

И когда последний из попавших в ловушку злыдней дико взвыл, вращая налитыми кровью глазами и царапая в отчаянии

камень, цепляясь когтями за мост и падая в пропасть, Горгота, оглянувшись, крикнул:

- Локоть к локтю!

- Локоть к локтю!!! - дружно рявкнули в ответ усатые ратники.

- Отходим!

- Отходим!!! - вторили ему закованные в латы бойцы.

И стальная стена вздрогнула, и шаг за шагом стала пятиться назад, отбрасывая раз за разом беснующуюся черную жижу, затопившую мост.

Уцелевшие защитники споро подбирали раненых и погибших, и бегом направлялись к крепости - а их отход прикрывал отряд Горготы.

И снова страшно зарычала нечисть с той стороны - и вверх под каменные своды огромной пещеры ринулась с мерзким леденящим воем черная туча отравленных стрел. И, описав страшную дугу, обрушилась на переправу и крепость смертельным ливнем. Закричали раненые у ворот и на стене, падая под железным дождем, захрипели убитые шальными стрелами.

Мерным шагом отходили назад латники, прикрываясь щитами от стрел и отбрасывая копьями наседавшую нечисть - а у самых ворот, сделав последний рывок, откинули зарвавшихся злыдней, обратив их вспять. И скрылась стальная лента внутри крепости, захлопнулась громада ворот - а когда черная вражья волна вспучилась гневом и ринулась вперед, то ударилась о неприступные камни цитадели, разбившись о них визжащими брызгами тел, и схлынула назад, заливая все вокруг грязной мутной пеной. А сверху на рычащие клыкастые головы обрушился огненный поток кипящей смолы, полетели камни и стрелы. Первый наскок нечисти был отбит - уцелевшие защитники моста были спасены.

Тарус стоял меж зубцами башни у ворот и руководил обороной, наблюдая с легким торжеством, как Горгота сдерживал злыдней на мосту. Усы начальника стражи воинственно топорщились. Земники же смотрели во все глаза на подземную битву, разгоревшуюся внизу - в их далеких лесах защита каменной крепости была делом диковинным.

- Молодец Горгота! - не без удовольствия сказал Тарус, втайне гордясь перед барздуками боевой выучкой своих латников.

Земники только молча согласились.

А вокруг Таруса сновали гонцы с донесениями, докладывая, как идут дела на том или ином участке обороны. Начальник крепостной стражи отдавал краткие распоряжения, мгновенно

выхватывая из вала сообщений нужные ему именно в этот миг. Чувствовалось, что это бывалый и опытный воин, закаленный в жестоких схватках - и берендеи подчиняются ему охотно. А потому все его приказы исполнялись споро и быстро, к его властному голосу прислушивались. И лишь какое-то время спустя, окинув зорким и цепким взглядом всю крепостную стену, Тарус удовлетворенно хмыкнул и обернулся к барздукам.

- Ну-с, господа лесная чудь, это была всего лишь прелюдия - настоящее представление развернется чуть позже!

И, обведя рукой беснующуюся внизу нечисть, добавил:

- Скоро вся эта шваль поднесет лестницы и полезет на стены - и тут уж только держись! Вот тогда и ваши секиры, разлюбезные судари, ой как нам пригодятся!

Мартин вместо ответа многозначительно потрогал пальцем лезвие своего топора, а Лиго презрительно звякнул клинком в ножнах.

Но в этот миг Тарус, пристально вглядывавшийся куда-то вдаль, вдруг помрачнел лицом. Мартин проследил за его взором - и на щеках барздука тоже судорожно заиграли желваки. На той стороне переправы, скрывавшейся в серой дали, с охранявших мост каменных башен кто-то стал срывать развевавшиеся там дотоле знамена берендеев - и вместо них взметнулась вверх какая-то черная тряпка. Истошный вой, в котором одновременно смешались и злорадство, и ненависть, пронесся над копошащимся муравейником злыдней - это означало, что нечисть добила последних остававшихся в живых защитников моста.

Мартин и Лиго молча переглянулись - в их вдруг посуровевших взглядах читалось тяжелое предчувствие. И каждый из земников про себя отметил, что если несколько стражей моста держались так долго в окружении намного превосходящего их врага, то берендеи действительно очень умелые, отважные и серьезные воины.

А внизу тем временем разворачивалась следующее. На той стороне моста, скрывавшейся вдали за пропастью, произошло вдруг какое-то шевеление, а затем не то стон, не то тихий вой, который перекатывался всё ближе и ближе. Сперва по черному потоку нечисти, заполонившей мост, пробежала легкая рябь - и вдруг оттуда, с той стороны, поверх голов злыдней, на мост вырвалась новая волна, и покатилась кипящей лавой вперед, прямо к крепостным стенам. Ближе и ближе накатывались ее серые гребни - и вот уже стали различимы вздыбленные холки громадных размеров волков со страшными всадниками на спинах.

- Айя! - в ужасе закричали злыдни, рассыпаясь в стороны и давая дорогу новому вражьему войску.

- Ба! Старые знакомцы! - крепко сжимая в руках топорище, процедил Мартин, а Лиго весь похолодел, увидев мчащихся на волколаках песьеголовцев.

- Сейчас начнется... - прошептал Тарус, зорко следя за серой ордой внизу.

А там уже споро передавали над головами наспех сколоченные лестницы и подносили через мост тараны.

И началось!

Всё это море клыков и когтей, разинутых страшных пастей и ужасных волчьих голов, источая смрад и вонь, изрыгая проклятия и вой, вскипело, вспучилось, поднялось, как на дрожжах - и огромной сметающей волной хлынуло на стены, поднимая всё выше и выше, добравшись наконец до узких бойниц и зубцов. Задержалось на миг - и растеклось прямо по крепостной стене во все стороны, перехлестывая вниз, внутрь цитадели, грозя напрочь затопить древнюю твердыню берендеев страшной, разъедающей всё и вся жижей.

И закипела смертельная сеча...

***

Пеколс едва поспевал за легкой поступью дочери подгорного владыки. Хильда, хмуря брови и кусая губы, быстро шла по каменным проходам, сворачивая то тут, то там. Все ее мысли были там, на крепостной стене, где кипела жаркая схватка за последний оплот берендеев, и где было, по ее девичьему разумению, ее место как дочери подземного владыки. Но ослушаться приказа отца она не могла.

- Прок или как там тебя, - спросила на бегу, не поворачивая головы, Хильда, - ты-то хоть взял свои зелья или что там у тебя?

Пеколс, пыхтя под своим заплечным мешком, буркнул:

- Да, моя госпожа - только боюсь, что на всех не хватит...

- И я, мой друг, тоже этого боюсь, - сказала Хильда, вздохнув.

А затем, слегка улыбнувшись, спросила:

- А Мартин, он какой?

Пеколс от неожиданности вздрогнул - вопрос застал его врасплох.

- Мартин? - пожал плечами, задумавшись, старый земник.

И отчаянно почесал затылок - но на ум, увы, ничего сходу не приходило.

Хильда только покосилась на барздука и, не дождавшись ответа, снова хохотнула:

- А как ваши девушки относятся к бородам? Не мешают они им целоваться?

И рассмеялась, залившись румянцем. А затем, не дожидаясь ответа Пеколса, быстро добавила:

- А вообще, девушек у него было много?

Прок только крякнул, и замер, как вкопанный - вопросы подземной девы его явно ставили в тупик.

- Если ты будешь торчать на месте, как каменный истукан, то заблудишься в наших переходах! - весело крикнула ему Хильда из полумрака очередного лаза.

И земник поспешил за ней.

Какое-то время шагали молча - и вдруг за очередным поворотом вышли в огромную залу с низкими сводами, битком набитую народом. Низкий глухой шум далекой битвы отголосками долетал под эти сумрачные, нависшие чуть ли не над головами, своды. Чадили факелы вдоль каменных стен, стонали раненые, чуть слышно, словно боясь, плакали дети и причитали старухи.

Хильда остановилась, будто выискивая взглядом кого-то или что-то - и Пеколс, торопившийся следом, налетел на нее и чуть не сбил с ног.

- Осторожней, Прок! - улыбнулась дева, оглянувшись и встряхнув огненными кудрями.

И даже старый земник невольно залюбовался ею. А затем, будто спохватившись, вдруг буркнул:

- Не бабник он, моя госпожа...

- Что-что? - взлетели вверх прекрасные брови.

- Я говорю, моя госпожа, что Мартин не бабник - нету у него девушки... - совсем смутился весь покрасневший земник. - И вообще, таким я его видел впервые...

- Таким - это каким? - смотрели пытливо на него огромные глаза.

- Ну... Это... - и вовсе зарделся Пеколс и, махнув рукой, несколько сердито проворчал: - После битвы сами всё и узнаете у него, моя госпожа. В том числе и про бороду...

А затем вдруг насупился весь и сердито спросил:

- Скажите-ка лучше, что мне делать?

И, окончательно смутившийся и растерянный, отвернулся, пытаясь скрыть краску на щеках.

Но дело Пеколсу нашлось очень быстро - в пещеру то и дело вносили всё новых и новых тяжелораненых. Тех же, кого, по их собственному разумению, задело несильно, сами перевязывались и тут же снова вступали в бой, ни к кому не обращаясь за помощью.

Видя, как недостаточно быстро, по мнению самого барздука, старые тетки-берендеихи перевязывают стонущих раненых, он с недовольным ворчанием бросился к ним, оттолкнул их в сторону и стал показывать, как сделать лучше, совсем позабыв о дочери

подземного владыки, а вскорости и вовсе потеряв ее из виду.

И уже через короткое время старый земник накладывал тугие повязки и жгуты, перевязывал пробитые головы, намащивал глубокие раны мазью и зельем, крутился во все стороны и за всем успевал уследить - и даже стал покрикивать на зазевавшихся теток и молодых девиц. Удивленные появлением среди них бородатого незнакомца, ворчливые кумушки поначалу недовольно бубнили между собой.

- Это что еще за лохматый чертяка выискался тут? - возмущалась одна толстая берендеиха. - Ишь ты, бородищу-то отпустил - сразу видать, не из нашенских кто.

- Ага, видать, владыка Свидегер его недавно к нам направил, - бурчала сухая, как палка, ее костлявая подружка. - Вон, я заприметила, как энтот взъерошенный с самой госпожой Хильдой сюда пришел....

- Пришел сам по доброй воле или же его заставили придти - это еще разобраться нужно, - не унималась тослтуха. - Я вот слыхала надысь, что наши в подземных лазах недалече от наших кордонов сегодня взяли чужестранцев, которые вынюхивали здесь что-то. Кабы энтот бородатенький живчик не из ихнего кодла был!

И она многозначительно посмотрела на свою собеседницу.

- Да-да, как бы он чего не натворил-то здесь, - охнула худая, всплеснув руками.

А толстуха тем временем продолжала:

- И придти-то он пришел сам или же его привели, а только вот с какой стати он приказывает и покрикивает здесь, а? Вот чего я не понимаю! Мы что с тобой здесь, подруга, в первый раз, что ли, за ранеными ухаживаем?

- Так, тетки, болтать будете после! - прикрикнул на них Пеколс, краем уха уловивший их разговор. - Живо за горячей водой! А не то...

Толстуха возмутилась - и, лихо подбоченясь, с вызовом повысила голос:

- А не то - это что?

И победно оглянулась на окружающих.

Но Пеколс вдруг осклабился и подмигнул:

- А не будем шевелиться мы с вами, тетки, то перебьют всех защитников крепости, а затем и нас с вами - так и не узнаете разницы в постели между бородой и усами!

Толстуха замерла на миг - а затем вся вспыхнула, захлопала глазами, топнула ногой и сердито сплюнула:

- Ах ты, охальник! Сукин сын бородатый! Вот же бесово отродье! Я тебе дам постель!

Вокруг прыснули молодые девицы, захихикали берендеихи постарше, а кое-кто из раненых, превозмогая боль и стоны, даже громко рассмеялся.

- Беги, тетка, за кипятком! - подмигнул ей снова Пеколс.

Вокруг уже все смачно захохотали.

Толстуха завертелась на месте, даже не зная, как и ответить этому бородатому взъерошенному наглецу. А затем, всплеснув руками, еще раз плюнула:

- Фу ты, ну ты, палки гнуты! А чтоб тебя!

И унеслась за водой под смешки и скабрезные шуточки.

- Эк ты ее умыл, дядя, - сказал, улыбаясь через боль, ратник в годах, которому земник перетягивал кровоточащую рану. - Как тебя звать-то? И сам откуда такой будешь? Каким ветром тебя сюда занесло? Что-то я не припомню, чтобы в наших коленах берендеев водились такие вот бородачи.

- Прок Пеколс меня зовут, - ответил барздук. - А занесла меня сюда нелегкая с хозяином моим, который сейчас вместе с вашими на стене бьется.

- На стене бьется? Это хорошо! - крякнул служивый. - А чего нелегкая, говоришь?

- Да услужили волхвы, растуды их в душу... - вырвалось в сердцах у Пеколса.

Брови дядьки взметнулись вверх:

- С волхвами не поладили? О-ла-ла! Тут уже точно, от них и под землю рад будешь забиться!

И хрипло засмеялся.

- Не от них - а вместе с одним из них нас сюда и занесло! - сердито буркнул земник.

Ратник покрутил головой:

- Ничего не понимаю... Но вот что скажу тебе, Прок - в лекарском деле ты прок точно знаешь! Не чета нашим теткам!

Пеколс слегка покраснел от похвалы, но виду не подал.

А раненый продолжал:

- Ну а откуда сам-то? Из каких краев? И где делу своему обучался?

- Я смотрю, любопытный ты больно, - подмигнул ратнику барздук. - Всё тебе вынь, да положь, да обскажи! А сам-то кто? Имя-то у тебя есть?

- Хе! Имя у меня есть, - улыбнулся служивый. - Только что оно тебе, чужестранцу, скажет-то?

И сам подмигнул в ответ.

Прок улыбнулся, покрутил головой и сказал:

- Да, хитёр ты, дядя, однако! Ну да ладно! Полежи пока здесь - рану я тебе одним зельем толковым смазал, ежели клинки у

этой нечисти не отравлены были, то жить будешь. А разболится вдруг рана - то зови!

Ратник хлопнул по плечу Пеколса:

- Благодарствую, старина! А имечко у меня простое - кличут меня Кром, старший мечник второй сотни. А тетку эту пышную, что ты над ней посмеялся, звать Мелиндой - сестрица она мне двоюродная, а я ей, значит, брательник! Вот оно как!

У Прока только челюсть и отвалилась.

А служивый, видя искреннее замешательство барздука, только загоготал в ответ. А отсмеявшись и утерев загрубевшим мозолистым пальцем слезу с глаза, сказал:

- Не робей, дядя! Мужа у нее нет - сгинул в схватке давно. Но вот с тобой, лекарь, я бы с удовольствием раздавил бы зеленого винца - ежели, конечно, докажешь моей сестрице в постели преимущества бороды перед усами!

И снова громко заржал.

Прок только хлопал глазами, не зная, куда себя деть.

- Ага, и на тебя управа нашлась, охальник! - захихикала костлявая подружка толстухи, возившаяся по соседству с другим раненым. - Как тебя Кром самого уделал-то, а? Прям с бородой и умыл всего!

- А ну, бабы, цыц! - вдруг рявкнул ратник. - Посмеялись - и хватит! Слушай меня сюда - ежели кто ослушается вот этого чужестранца, будет иметь дело со мной. Поскольку свое собственное лекарское дело этот дядька знает лучше вас всех, вместе взятых! Вот так-то, бабы!

И нарочито грозно посмотрел вокруг. Смешки и хихиканье стали затихать.

Ратник обернулся к барздуку:

- Давай, приказывай, Прок Пеколс! Теперича ты - главный над женской сотней!

И, поманив того пальцем, шепнул на ухо:

- А ежели у самого нутро разноется там или чего другое - то просто подходи. Твое зелье я на себе уже испробовал - а вот у старого мечника для лекаря завсегда найдется несколько капель уже моей собственной настойки! Та еще отрава - пробирает до самых кишок!

И подмигнул, щелкнув себя пальцами по шее и показав горлышко припрятанной за поясом фляги.

А затем крякнул довольно:

- Что я, не понимаю, что ли, когда добрая душа огоньку просит?

- Огоньку? - переспросил Пеколс, никак не придя в себя.

Ратник осклабился:

- Да ты свой лиловый нос-то видал, лекарь? За версту слышно, как от тебя вином разит!

Пеколс закрутил своей взъерошенной головой.

- Ну, ты и шутник, дядя! Совсем меня затюкал! - наконец-то улыбнулся земник. - Только вот, наверное, еще не скоро я к тебе твоего зелья испробовать приду - гляди, сколько раненых снова принесли...

И действительно, в пещере народу заметно прибавилось - кто сам приковылял, зажимая жестокие кровавые раны, а кого принесли другие, и, оставив на попечение зареванных теток и испуганных девиц, снова поспешили обратно. Стон от боли, скрип зубов, причитания женщин, глухие разговоры наводнили зал густой тяжелой пеленой.

- Видать, дела на стене идут неважно... - хмуро заметил старый мечник.

И был прав.

***

На стене творилось нечто невообразимое. Кровавая кутерьма завертела защитников крепости в смертельной пляске. Всё смешалось в одну кучу - берендеи, злыдни, песьеголовцы. Ничего нельзя было разобрать в этой гибельной каше - словно грозовая туча упала на Златоград, затопив его едким ядовитым туманом. Мелькали острия пик, вспыхивали молниями клинки, гремели с треском щиты под ударами палиц и булав, искрилась и звенела сталь, смертоносным градом летели сверху камни и стрелы, собирая свою кошмарную жатву. Крики, вой, сопение, стон, рык и ругань висели в тяжелом воздухе битвы.

Сеча была жестокой. Вот песьеголовец, с леденящим завыванием прыгает в строй ощетинившихся клинками берендеев, укладывая подчас за один раз своей палицей с пол-десятка ратников, прежде чем зарычит в последний раз на их острых пиках. И летит вниз со стены его тело в страшных корчах прямо на острые камни. Но и там он еще шипит и исходит яростной пеной, неистово клацая желтыми клыками, пока не затихнет навеки. А вот свора злыдней теснит окруженного ими одинокого латника, бросается на него с диким визгом - и отлетает, словно волна, ударившись об утес. Но и тут, дождавшись своего часа, подлостью добивается своего. Не устоял, не удержался на ногах одинокий ратник - споткнулся о тело павшего товарища. И в тот же миг накрывает его с головой черная волна озверевшей нечисти - и терзает, шматует, жрет еще теплую кровавую плоть.

А вот уже и самих злыдней скидывают со стены закованные в броню берендеи. Теснят их к самому краю, к зубцам - и выбивают оттуда вниз копьями. Летят кувырком визжащие от страха и

ненависти исчадия мрака, цепляются когтями за выступающие камни в стене, не удерживаются и сваливаются вниз. Падают, чтобы кому-то разбиться в кровавую лепешку у подножия крепости - а кому-то и быть растерзанным на мелкие куски волколаками. Не разбирают оборотни своих и чужих, беснуются оголтелой стаей внизу, ждут падающей сверху страшной добычи, мгновенно раздирая и с чавканьем пожирая ее. Бьется волколачье кодло в крепкие ворота Златограда, надеясь выломать их и ринуться в столицу берендеев, дорваться до трепещущей нежной плоти их женщин и детей. Но летят сверху глыбы и бревна, льется кипящая смола, метко ищут цель стрелы с горящей паклей, срывая все надежды и намерения злобной стаи. Катаются у стены обожженные волколаки, леденяще воют и страшно рычат, мечутся туда-сюда, перепрыгивая друг через друга и лязгая зубами, не в силах взобраться наверх..

А с той стороны держат крепко оборону ворот их защитники. Держат с двух сторон - от ударов таранов снаружи, и от наскоков хлынувшей через стены нечисти, попадавшей гнилыми яблоками во двор цитадели. Такая же кровавая круговерть, как и на стене, творится и внутри - иной раз и вовсе непонятно, кто с кем бьется. Сражаются по двое и по трое берендеи против неистово бросающихся на них злыдней, рубят их в куски - и сами падают под их ударами. Уворачиваются от смертельных взмахов когтистых лап песьеголовцев, нанизывая их на копья и пики, добивают палицами и тяжелыми мечами. И сами едва успевают уползти в сторону из-под топчущихся ног, тащат за собой вывалившиеся из распоротых животов кишки, предсмертно хрипят и замолкают навсегда.

Земников давно уже разнесло и разбросало в разные стороны. Мартин бьется слаженной пятеркой вместе с четырьмя берендеями, окруженный сворой визжащих злыдней. У дружинника в руках уже давным-давно не его боевая секира, застрявшая в проломленном хребте песьеголовца - а подобранный с земли чей-то острый, как бритва, клинок, который выпад за выпадом находит себе жертву в зловонной куче нечисти. Но тают силы берендеев, всё чаще спотыкаются они, не успевая увернуться от ударов. И вот уже славная пятерка теряет одного бойца, затем второго - дальше рубятся втроем.

А вот и Лиго - сражается спина к спине с Тарусом, прикрывая друг друга. Крутятся, вертятся вдвоем на все стороны, еле успевая отбивать лихие наскоки. Лиго уже вовсе не тот школяр, что пробирался когда-то лесной тропой в родовую усадьбу, переполненный туманных грез и мечтаний. Отпечатались на молодом земнике и события в Земьгороде, и битва у Синей пущи,

и долгая, полная опасностей дорога. Твердо отражает удары злыдней юный барздук - дают себя знать ратные уроки и Мартина, и чародея, и витязей из Порубежья. И недавняя встреча с подземным гадом тоже оставила свой след. Что-то другое, иное, незнакомое стало прорастать в земнике - суровое, твердое, крепкое. Тот самый стержень внутри.

- Коли их, борода! - кричит Тарус, бешено вращая клинком перед собой.

- Руби, усатый! - вторит ему Лиго, делая меткие выпады.

И нехорошо, зло улыбается, раз за разом прикрываясь щитом и нещадно жаля из-под него, словно оса.

Но почему враги так странно тянутся к земнику? Почему вдруг, поведя носом и взвыв, яростно устремляются к этой двойке? Почему теснят их к стене и тянутся когтистыми лапами к груди барздука?

И вот уже прижаты к холодному камню эти двое - берендей и земник. Будто олицетворяют они судьбу своих племен в окружении нечисти. Всё, дальше отступать некуда - последняя битва, последняя схватка. И надеяться можно только на себя - ибо и других уже тоже взяли в плотное черное кольцо прислужники Зла. Не вырваться из этих смертельных объятий, не выкрутиться. И пощады тоже не ищи. А потому и стоим здесь до конца - а уж каким он будет, славным или лихим, то судьба рассудит.

- Ли-и-иго!!! - доносится издалека голос Мартина. - Сейчас иду-у-у!!!

Но куда там! Краем глаза Лиго замечает, что у Мартина дела тоже плохи - их уже и не трое вовсе, а только двое, да и то, один из них еле держится на ногах то ли от ран, то ли от бешеной усталости. Им бы и самим помощь не помешала бы - но откуда ее дождаться?

И здесь Лиго замечает, что сквозь плотную стену нечисти пробивается к Мартину стройный гибкий латник в золоченом шлеме с опущенным забралом. Лихо так рубится, ладно, с мечами оберучь. И сам из себя весь увертливый и ловкий, словно ласка. Поворот - сверкают огненными кругами неистово вращающиеся клинки, крошат в мелкое месиво озверевших злыдней, только кровавые ошметки летят во все стороны. Еще поворот - и ложатся под этими острыми лезвиями мечей вражьи слуги, будто колосья, подкошенные серпом на поле. Рубится стройный ратник, собирая свой гибельный урожай - любо-дорого посмотреть!

И вот уж пробился удивительный латник к Мартину - и вовремя, ибо его товарищ-берендей пал наземь от жестоких ран. Но теперь снова у молодого земника за спиной подмога - да еще какая! И кружатся эти двое в неистовой пляске по крепостному

двору, оставляя за собой только скошенные окровавленные снопы мерзких тел нечисти.

- Не зевай, борода! - орет засмотревшемуся Лиго начальник крепостной стражи, отводя причитающийся тому удар. - Коли это сучье племя, растуды их в печень!

И снова рубится Лиго изо всех сил, прикрывая спину своему напарнику.

А темная туча вокруг земника и начальника стражи сгущается всё больше и больше. Щелкают клыки, с сопением вырывается зловонное дыхание из смрадных пастей, недобро искрятся багровые глаза. Царапает когтями каменистую землю нечисть, сучит ногами, дрожит от нетерпения - и словно чего-то опасается, боится, не решается напасть.

Странная - но передышка. Прижаты вдвоем к стене берендей и барздук, тяжело вздымаются их грудь и плечи. Выставили впереди себя клинки, прекрасно понимая, что это крайне слабая защита от всей этой огромной своры, скопившейся возле них.

- Ну, сударь Лиго, приятно было познакомиться с вами, - шумно дыша, говорит начальник крепостной стражи.

- И для меня большая честь сражаться вместе с вами, сударь Тарус! - отвечает земник.

Мельком смотрят друг на друга - и устало улыбаются.

- Если только выберемся из этой передряги, - говорит Тарус, - из искреннего уважения к вам, сударь, обязательно отпущу себе бороду - да подлинней!

- Я тоже! - отвечает барздук.

И оба взрываются смехом.

Но почему не нападает нечисть? Почему не делает последнего броска на своих жертв? Почему ждет? Чего?

Этим вопросом задается и начальник крепостной стражи - и уже внимательно смотрит на своего боевого товарища.

- Скажите, сударь Лиго, а вам не кажется странным, что нас прижали к стене - но не нападают? Что может крыться за этим?

Лиго пожимает плечами.

- Я думаю, сударь, кто-то им нужен живым... - просто отвечает земник.

- И я даже догадываюсь, кто... - вторит ему берендей, пристально глядя на него.

- А может, их что-то и сдерживает, - как бы невзначай роняет барздук.

И прислушивается к себе, к своим ощущениям.

Откуда у него этот воинский задор, это легкое жжение в груди? Откуда отвага, смелость, храбрость, так несвойственные ему изначально? Ужель только от нелегких испытаний этого

длинного похода и от собственных усилий души? Или все-таки от оберега, врученного ему волхвом в далекой Неманской пуще? Кто знает...

И в это миг... И в этот миг звонкий клич рассекает тяжелый сгустившийся воздух - будто клинок разрубает пополам тяжелый соломенный куль.

- Златоград!!! - звенит в крепости.

И от этого чистого и ясного голоса разваливается на куски плотная мерзкая туча.

***

- Златоград!!! - летит вольной птицей древний клич в старинной крепости.

Неистовым в своем порыве наскоком в злобную клыкастую кашу врубается строй сверкающих доспехов - будто порыв свежего ветра врывается в смрад и зловоние, унося их прочь. Мощные кряжистые ратники в блестящих латах и златоглавых шлемах заполоняют двор. Вспыхивают их светлые клинки, разя налево и направо, прорубая дорогу к своим.

- Златоград!!! - несется все выше и выше.

Мечется нечисть, воет от бешенства, бросается во все стороны - и падает под ударами невесть откуда взявшейся подмоги. Вгрызается от ярости в камень - и подыхает в страшных корчах.

Бьют барабаны, вновь звенят боевые рожки, призывно гудят медные трубы. Шаг за шагом теснят вверх, на стены, озверевших злыдней и песьеголовцев закованные в броню латники. Вверх, вверх, по ступенькам, до самого края - и там, среди зубцов, сбрасывают их вниз, к беснующимся волколакам.

Вот освобожден один участок стены, второй, третий. Летят вниз, кувыркаясь, изрубленные в ошметки тела врагов. Взметаются ввысь древние хоругви и золоченые знамена берендеев.

Вот они уже качаются у ворот, придя на помощь их защитникам, которые отстояли, не пустили в пещерный град лютого врага.

Выметают ратники, словно волшебной метлой, всю нечисть из крепостного двора. Кровавая эта уборка, жестокая, суровая - но иной не дано.

- Король!.. - шумно выдыхает Тарус, радостно вытирая чело тыльной стороны ладони. - Мы продержались, Лиго! Это Свидегер, владыка берендеев!

И громко, и радостно кричит:

- Златоград!!!

- Валио!!! - вторит ему земник древним кличем барздуков.

И откуда-то со стороны раздается в ответ такой же призыв

"Валио!" - то Мартин радостно кричит, размахивая мечом.

"Жив значит!" - с облегчением думает Лиго - и слегка опускает свой щит.

Но тут с мерзким свистом рассекает воздух черная стрела - и вонзается прямо в грудь барздука.

- О боги! - только и смог выдохнуть Лиго, оседая на землю с широко раскрытыми глазами.

- Лиго!!! - бросается к нему Тарус, забывая обо всем на свете.

Дрожащими пальцами начальник крепостной стражи разрывает одежду на груди земника - кольчуга пробита, что-то краснеется под ней, мерцает и вспыхивает рдяно.

С треском рвутся одежды - крови нет...С легким звоном из кольчуги вываливается потемневший от яда наконечник стрелы. Сердце берендея замирает при мысли об отраве - но нет, вроде бы плоть товарища не задета, кожа нигде не поцарапана.

- Жив? - с надеждой в голосе спрашивает Тарус.

Лиго слегка открывает глаза и закашливается. Затем садится и хватается за грудь.

- Жжет! - тихо говорит земник. - Сильно жжет!

И еще дальше раздирает одежды. А на его груди, подвешенная нательным шнуром, то вспыхивая, то слегка затухая, мерцает волшебным пламенем заколка - подарок старого волхва.

Тарус с изумлением смотрит на нее - а затем и на самого земника.

- Теперь я понимаю, что одновременно притягивало к нам - и в то же время отталкивало от нас нечисть... - медленно сказал начальник крепостной стражи.

- Ты знаешь, что это? - тихо спрашивает Лиго.

- Конечно, - кивает головой Тарус. - Эта заколка изготовлена...

- ...из перунита! - твердо, с нажимом, сказал рядом властный каркающий голос.

Над ними, в сверкающей броне, стоял сам владыка Свидегер, повелитель берендеев - и пристально смотрел на молодого барздука.

- Кому, как не нам, берендеям, лучшим в мире рудознатцам, знать, что такое перунит? - сурово сказал подземный властелин. - Теперь я догадываюсь, зачем вы здесь и куда направляетесь, сударь Лиго! Думаю, теперь мне также понятно, почему вся эта свора напала на Златоград - боюсь, что именно ваше присутствие и приманило всю эту дрянь к нашим стенам...

И развернулся, собираясь уходить.

- Ваше величество... - закашлялся Лиго. - Вы... Вы...

- Что? - обернулся через плечо владыка Свидегер.

- Так вы теперь заставите нас покинуть крепость? - еле слышно спросил Лиго.

Воцарилась леденящая тишина.

Медленно, очень медленно, будто замороженный, повернулся вновь к земнику подземный владыка. И, пригвоздив его к стене своим холодным взглядом, сказал, чеканя каждое слово:

- У нас, у берендеев, не так уж много друзей, чтобы ими разбрасываться! Вы сражались сегодня вместе с нами бок-о-бок - и мы, подземные жители, такого не забываем! Отныне и навеки вы со своими товарищами - наши друзья, сударь Лиго! Запомните это хорошенько!

А затем, слегка смягчившись, еле видно кивнул головой:

- Добро пожаловать в Златоград!

И зашагал прочь в сверкающих доспехах и развевающемся длинном плаще. Лиго сидел, прислонившись к крепостной стене, и провожал взглядом удивительного владыку берендеев. А издалека уже доносился его хриплый каркающий голос:

- Не робей, ребята! Подмога будет - но не скоро! Готовьтесь к долгой осаде!

Шел подземный король твердым шагом по крепостному двору - и, глядя на его ладную сильную поступь, вовсе забывались его годы. И было видно, что любят берендеи своего старого властелина искренне и со всей душой, ловят каждое его движение и слово, готовые подчиниться любому его приказу.

Вот Горгота, иссеченный и окровавленный защитник ворот, отдает честь своему королю. Вот мечники из перепутавшихся сотен в помятых латах восхищенно гремят клинками о свою броню. А вот лучники и копейщики склоняют перед ним свои головы в изрубленных шлемах. Всех видит многомудрый Свидегер, всех замечает - кивает каждому, принося свою благодарность за мужество и отвагу.

Идет подземный правитель твердо и сильно, гордо подняв голову в старинном золоченом шлеме, доставшемуся ему от предков. И кажется всем, что это сам владыка Берендей, основатель Подгорного Царства, шествует по древней крепости Златоград.

Но не только восхищенные взгляды провожали короля. Следила за ним из дымящихся развалин пара красных и хищных глаз затаившегося злыдня. Тихо скрипнул тугой лук, зазвенела от напряжения скрученная из человечьего волоса тетива. И запела свою гибельную песню отравленная стрела, выцеливая сердце короля - и сердце всех берендеев.

Задрожал воздух - потянуло холодком смерти в затылке. Почуял неладное поземный властелин, обернулся - да было поздно. Лишь слегка отшатнулся от ядовитого жала король - и вонзилось оно ему в левое плечо, жадно разрывая кольчугу, скрывающую живую плоть.

Ни слова не проронил старый Свидегер - лишь помрачнело его чело, да заиграли желваки на лице.

Все в крепости застыли, не веря произошедшей беде.

- Отец!!! - вдруг кто-то звонко кричит рядом голосом его дочери.

Обводит помутневшим взглядом владыка замерший крепостной двор. И видит, как бросается к нему стройный гибкий латник в блестящих доспехах, что прикрывал спину Мартину. Бросается, на ходу срывая свой золоченный шлем - и из-под него вырываются пламенными языками огненные кудри прекрасной девушки.

Усмехается владыка Свидегер, зная непокорный и гордый нрав своей дочери. Не удержалась, не утерпела дочь подземного властелина в дальней пещере с ранеными, вырвалась тайком из нее на простор жестокой сечи, будто вольный ветер. И пошла гулять среди врагов с мечами оберучь, как учил ее отец старой воинской премудрости берендеев. Заприметила приглянувшегося ей молодого земника - и пришла на помощь, спасая того от неминучей гибели.

Мчится дикой птицей по двору цитадели дочь подземного властелина. Спешит к своему раненому отцу - но и за ней следит хищная рожа злыдня, скаля желтые клыки и вновь поднимая тугой черный лук, липкий от пролитой крови. И вот уж вторая стрела поет свою мерзкую песню, летя наперерез дочери короля смертоносным шершнем.

Но в этот миг вдруг взметнулась чья-то тень, преграждая полет ядовитому острию. Это Мартин, дружинник из далеких северных лесов, не щадя своей жизни, закрывает своим телом любимую. Прыгает - и сбивает ее с ног.

Проносится мимо отравленная стрела, вонзается в стену - и разбивается на осколки.

- Айя!!! - кричит в неистовстве мерзкий злыдень, выскакивая из своего подлого укрытия.

Еще миг - и падает, пригвожденный к земле полусотней стальных болтов из самострелов крепостной стражи.

Все как будто очнулись от колдовского наваждения - забегали, засуетились, закричали...

Рыдала над грудью короля огненнокудрая дева, держа того за руку. А рядом склонились Тарус, Горгота, Лиго, Мартин... Спешат и спешат к властелину его старые боевые товарищи, образуя вокруг молчаливое суровое коло.

- Расступись! - кричит кто-то страшным голосом.

- Жив ли?.. - с затаившейся в голосе надеждой спрашивают из толпы.

- Король жив!!! - кричит тот же голос и добавляет: - Дорогу владыке!!!

И несут в замок воины в скорбном молчании дубовый щит, на котором лежит король Свидегер. Потемнело лицо подгорного правителя, осунулось от боли и яда. А в его плече торчит та самая погибельная стрела, и вся еще дрожит, будто от злобы и ненависти.

ГЛАВА 21

ДРЕВНЕЕ ПРЕДАНИЕ

Третий день шла осада подземной крепости. Третий день волна за волной накатывали на неприступные стены полчища злыдней, песьеголовцев и волколаков. Третий день берендеи умело и мужественно отбивали все наскоки нечисти, не допуская врага более к своим воротам и уж тем более внутрь цитадели. И третий день лежал на грани жизни и смерти в дальних чертогах владыка Свидегер.

День и ночь не отходила от него заплаканная Хильда, не смыкая глаз. А вокруг третий день хлопотали лекари и знахари подземного племени. И в их числе - Прок Пеколс, которого берендеи приняли за равного, а в чем-то даже более искусного знатока, чем они. Разрывался старый земник между пещерами, куда непрерывно приносили и приводили раненых - и тронным залом, где на своем царственном одре лежал владыка Подгорного Царства.

- Эх, сюда бы владыку Куреяса - ну или Мамая, - сокрушался про себя старый барздук. - А что уж тут я со своими скромными познаниями?

Но чародей как в воду сгинул - ни весточки, ни слуху, ничего. Но, тем не менее, ни один берендей почему-то не сомневался в том, что он объявится вновь. Ибо эта надежда придавала сил в неравной борьбе - а по-иному и быть не могло. Ждали берендеи подмоги, которую должен с собой привести южный витязь Майсур - ждали свою родню из далеких, разбросанных под Лесистыми горами в скрытых от посторонних пустошах и пещерах, колен подземной чуди. Ждали третий день.

Надеялся на возвращение Мамая и сам владыка Свидегер. Это случайно услышала Хильда, наклонившись к своему смертельно раненому отцу, когда он, забывшись в горячке, вдруг несколько раз прошептал: "Майсур! Майсур! Где ты, старый друг? Прости меня..." И снова забормотал нечто несуразное в бреду, заметался на скомканной постели.

И не меньше, чем сами берендеи, ожидали скорого прихода Мамая и земники, проводившие в дежурстве на крепостной стене

тревожные бессонные ночи. Хотя здесь, в подземелье, освещенном лишь призрачными отблесками волшебного лунного камня, день от ночи не сильно отличались. Полный мрак никогда не наступал - просто свет становился слабее, будто кто притушил неведомую лампаду в вышине каменных сводов, и всё вокруг погружалось в плотную густую мглу. А утром - или то, что берендеи называли утром - начинало немного светлеть и развидняться, и вскоре ночная пелена таяла и расползалась, улетучиваясь невесть куда. Серая, мерцающая, полупрозрачная дымка заполняла всё пространство огромной пещеры, края которой скрывались за белесым туманом. Но приходивший тусклый рассвет не приносил ничего радостного - с высоты крепостной стены был виден мост со снующей туда-сюда нечистью, скачущие через спины друг друга волколаки, да треклятые псоглавцы, опасавшиеся близко подбираться к воротам и валу, чтобы не угодить под кипящую смолу или умело сброшенную глыбу. Иной раз меткий глаз из берендеев, выцелив из самострела оборотня, ловко скашивал его стальным болтом. И сразу же прятался - ибо в ответ тут же получал тучу черных стрел, выпущенных мерзкими злыднями.

- Измором пытаются взять, твари, - говаривал ратникам помоложе старый Кром, который уговорил-таки Пеколса отпустить его снова на стену.

И смачно сплюнул вниз.

Рядом тут же тонко пискнула въедливым комаром стрела - и, угодив в каменный зубец, за которым укрывался старый мечник, разлетелась на мелкие куски.

- Ишь ты, - рассмеялся Кром. - А вот на тебе, сволочь!

И показал из-за укрытия кукиш.

Берендеи захохотали, заулюлюкали, засвистели, дразня врага. А снизу в ответ донесся бессильный яростный вой волколаков - и ругань на мерзком наречии злыдней.

- Развлекаемся, господа? - раздался веселый голос, и на стене с новым разводом показался начальник крепостной стражи. - Смена пришла!

Дежурные вытянулись по стойке, отдав честь клинками.

- Господин Кром, как прошла ночь? Спокойно? - спросил Тарус, осторожно выглядывая из-за каменного зубца.

- Как видите, сударь! - гаркнул старший мечник. - Только вот стреляют, заразы...

И тут же спохватился, прикусив язык. Дежурные еле сдержались от смеха.

Тарус окинул их лукавым взглядом и сказал:

- Вольно!

И от себя добавил:

- Ступайте вниз отдыхать, ребята...

А затем, увидав двух земников, кивнул им и пошел на встречу, слегка пригибаясь за укрытием.

- Как ваша грудь, сударь Лиго? - спросил начальник крепостной стражи, подойдя поближе.

- Хвала богам, всё в порядке, - ответил Лиго и тут же спросил сам: - А как его величество владыка Свидегер?

Тарус помрачнел.

- Король жив... - сказал он тихо, отведя в сторону глаза.

И земники поняли, что дела плохи.

- Ваш друг Пеколс прохлопотал возле него всю ночь, - хмуро продолжал Тарус. - Яд проник уже очень глубоко - и здесь без волшбы никак не обойтись, одними зельем и травами не поможешь. Буду честен с вами, господа - боюсь непоправимого...

И замолчал, глядя невидящим взглядом куда-то вбок.

Барздуки также помрачнели.

А спустя какое-то время Мартин осторожно спросил:

- Прошу простить меня, господин Тарус - а что с госпожой Хильдой?

Тарус поднял на земника глаза и слабо, самыми краешками губ улыбнулся, отчего его обвисшие от трехдневных хлопот и усталости усы слегка шевельнулись.

- Её светлость велели вам кланяться и просили передать, сударь, что как только владыка Свидегер придет в себя, он желает вас видеть!

И, замешкавшись, тут же поправился:

- Вас двоих, сударь!

Земники переглянулись.

- Так что у меня к вам просьба, господа, - сказал напоследок начальник стражи. - Будьте недалеко от королевских чертогов - вас сразу позовут!

И, кивнув на прощание, прошел дальше, осматривая крепостную стену и часовых на ней.

Барздуки долго смотрели ему вслед, а затем Мартин сказал:

- Да уж, сдал сильно старина Тарус за эти дни... Наверное, как и все мы.

- Угу, - немногословно согласился с ним Лиго и, легонько подтолкнув своего товарища, проворчал: - Идем-ка отсюда, дружище - и так мы тут с тобой задержались чересчур!

Мартин мгновенно обернулся:

- Здесь на стене - или вообще у берендеев?

Лиго устало улыбнулся:

- И то, и другое...

И, как бы обращаясь к самому себе, пробормотал:

- Да где же Мамай в конце концов?

Но Мартин только хмыкнул в ответ - ибо для него возвращение чародея означало неминуемое расставание с дочерью подземного владыки. И мысль о разлуке с огненнокудрой девой для молодого барздука была невыносимой.

***

Внизу земников уже поджидал уставший не меньше ихнего старший мечник.

Кром стоял у ступеней, ведших на самый верх стены, и, завидев барздуков, приветливо махнул им рукой.

- Не желают ли господа земники обмочить свои бороды в хмельном пиве? А то здесь ребята вот хотят с вами потолковать о том, о сем. Не каждый день, знаете ли, к нам прибывают гости из северных земель. И ведь не каждую ночь стоишь локоть об локоть на крепостной стене со своим сородичем из далеких лесов. Ну, так как?

Рядом одобрительно загудели молодые берендеи из ночной смены под началом старого мечника.

Барздуки переглянулись.

- Перекусить можно, потолковать тоже, - подумав, отозвался Мартин. - А вот бороды, увы, мы хотим оставить сухими - тут уж простите, братцы...

Кром слегка нахмурился, но тут же вмешался Лиго.

- Вот после победы все вместе и напьемся! - сказал он и усмехнулся.

Лица мечника и берендеев заметно просветлели - они также заулыбались в ответ.

- Айда за нами, ребята! - махнули им латники рукой. - Здесь есть недалеко одно славное местечко для служивых - именно как раз для всех нас!

И двинулись гурьбой ко входу в пещеры.

- Ловко выкрутился, - шепнул Мартин на ухо Лиго, идя следом за берендеями.

Тот только кивнул головой.

Однако отдохнуть так и не пришлось. Потому что буквально у дверей того самого славного местечка земников перехватил вестовой.

- Сударь! Вас желают видеть в тронном зале! - сказал гонец. - Следуйте за мной, господа!

И, ловко развернувшись, чеканным шагом заторопился вперед, не оглядываясь.

- Ну, как-нибудь в следующий раз посидим, старина, - сказал Мартин старому мечнику.

Кром только понимающе развел руками.

Снова переходы, подземные лазы, пещеры изрытой, словно сотами, каменной тверди подгорной крепости. Где уже, где шире, где выше, а где настолько низко, что шли, пригибаясь. Чадящие факелы то тут, то там отбрасывали причудливые тени, которые то опережали, то бежали вдогонку за гонцом и спешащими за ним земниками. И наконец последний поворот - и суровая стража у резных огромных дверей, отворяющихся с мерзким скрипом.

Вошли в пустынный тронный зал - шаги гулко отдавались эхом в высоких сводах.

- Оставьте нас одних, - будто из ниоткуда сказал низкий голос.

Вестовой поклонился - и исчез за огромными двустворчатыми дверьми. Земники остались сами в громадном зале, настороженно оглядываясь.

Из-за трона на низких толстых ножках вышел невероятных размеров толстяк с удивительной пышности и длины усами, заплетенными в косы. Сложив пухлые ручки на выпирающем вперед чреве он склонил голову набок и некоторое время разглядывал молча, время от времени щуря свои махонькие глазки. Наконец он удовлетворенно хмыкнул и спросил низким голосом:

- Надеюсь, вы догадываетесь, кто я такой?

Земники молчали, рассматривая в свою очередь интересного толстяка.

- Хорошо, - кивнул он. - Я - Торн Торнквальд, главный советник его величества короля Свидегера. Можете называть меня ваша светлость.

Барздуки молча склонили головы - титул советника говорил о том, что сам сударь Торнквальд является ближайшим родственником владыки Свидегера.

Толстяк еще раз хмыкнул.

- Кто из вас сударь Лиго из рода Бирзулисов? - спросил снова советник.

- Я, ваша светлость, - сказал Лиго.

- Очень древний и славный род, смею заметить, - сказал толстяк. - Отзвуки деяний вашего отца, воеводы Лютня, докатились из северных земель и в наши подземные пустыни. Очень жаль, что ваш отец покинул подлунный мир так рано, сударь Лиго.

- Благодарю вас, ваша светлость, - тихо сказал земник.

Торнквальд посмотрел еще некоторое время на него - а затем перевел свой взгляд на Мартина.

- А вы, стало быть, и есть сударь Мартин из рода Бубиласов? - спросил советник подземного короля.

- Именно так, ваша светлость, - кивнул дружинник.

Толстяк смотрел на него долго своим немигающим, как у птицы, взглядом. Затем спросил:

- Скажите, а воевода славного племени барздуков сударь Бортень Бубилас кем вам приходится? Родным дядей - или же более далекой родней?

Земники переглянулись - советник, видимо, о делах нагорных был осведомлен не хуже, чем о подземных событиях. И взгляды эти не укрылись от проницательного толстяка.

- Да-да, судари мои, такова моя служба, - развел пухлыми ручками советник. - Я должен знать и ведать всё, что творится в обеих мирах. Ибо все эти события так или иначе затрагивают интересы нашего Подгорного Царства. Так кем вы приходитесь воеводе Борню, сударь Мартин?

- Двоюродным племянником, ваша светлость, - ответил Мартин. - Дядюшка Бортень взял меня на воспитание еще в детстве, когда мои родители погибли.

Торн одобрительно кивнул, а затем снова спросил:

- А могу я поинтересоваться родом ваших занятий, сударь Мартин? Ну, вообще, так сказать - ибо сейчас, понятное дело, вы сопровождаете своего товарища в трудном и, надеюсь, славном походе вместе с вашими спутниками.

- Я дружинник, ваша светлость, - ответил Мартин. - Моя задача - охранять кордоны Земигольского края от всякой нечисти...

- Дружинник? - брови главного советника взметнулись вверх и он с интересом посмотрел на молодого барздука.

- Именно так, ваша светлость, - кивнул земник.

- Так-так-так, - забормотал себе под нос советник, будто забывшись, а потом снова спохватился. - Скажите, сударь Мартин, а есть ли у вас в Земиголье жена или, скажем, невеста, которая вас дожидается? Вы с кем-то обручены?

Барздуки переглянулись снова между собой и незаметно улыбнулись - теперь им становился понятным этот странный допрос.

- Никак нет, ваша светлость, - отчеканил Мартин. - И более того добавлю, что и девушки у меня еще не было...

Торнквальд одобрительно кивал головой, немигающе глядя на молодого барздука.

- Вы уж простите меня за эти вопросы, господа, - сказал наконец толстяк, - но есть одно щекотливое дело, которое нужно решить очень и очень скоро. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь?

И советник посмотрел на земника в упор.

Барздуки благоразумно молчали.

- Да, меня предупреждали, что вы оба хорошо воспитаны, как для земников, - сказал толстяк и, заметив удивленные взгляды барздуков, тотчас же замахал руками. - Нет-нет, не подумайте ничего плохого, господа! Просто мы, берендеи, сколько себя помним, испокон веков подчинялись королевской воле и власти. Про вас же, лесную чудь из северных земель, всегда было известно, что вы никому никогда не подчинялись и выбирали себе своих владык сами, причем сроком на один год.

- Позвольте дополнить вас, ваша светлость, - сказал Лиго, склонив голову.

И, заметив одобрительный кивок, продолжил:

- Ваша светлость, на Вечевом Сборе, который происходит ежегодно на Янов день, мы выбираем себе только воеводу. Но воевода не царь и не король - он просто возглавляет дружину для охраны наших нерушимых кордонов от врага. Таковым предводителем войска земников был и мой отец в свое время, которого за отвагу выбирали много лет подряд. Таковым же славным воеводой является ныне и сударь Бортень Бубилас, дядя моего товарища Мартина. А сами же мы подчиняемся вирсайтам, или старшинам, которые стоят во главе каждого рода. Так что я понимаю, куда вы клоните, ваша светлость - и могу заверить вас, что сударь Мартин Бубилас происходит из очень древнего и знатного рода вирсайтов нашего племени.

И поклонился советнику короля.

-Так-так-так, - снова забормотал толстяк, а затем, сложив ручки на огромном, затянутым в парчу чреве, сказал:

- Видите ли, господа, как вы уже и сами догадались, я пекусь не только об интересах нашего Подгорного Царства и его владыки короля Свидегера - но также и о нашем будущем, будущем всего племени берендеев. Как вы уже знаете, у его величества нет сына - единственной его наследницей является его дочь. И события последних дней поставили под сильнейший удар весь наш сложившийся уклад - самому существованию Подгорного Царства грозит сильнейшая беда.

И, выждав некоторое время, добавил:

- Владыка умирает - дни его сочтены. Мы остались без наследника и правителя - и по нашим древним законам, трон должен перейти наследнику, которого... нет!

И посмотрел в упор на земников.

Те, потрясенные, молчали.

Советник тихо продолжил:

- И вот поэтому, господа, брак ее светлости королевны Хильды с чародеем Маркисуатом казался владыке Свидегеру

самым лучшим выходом из этого тупикового положения. Ну, а остальное вам уже известно - что никакого брака не будет...

И снова развел пухлыми руками.

Барздуки молчали, даже не зная, что сказать в ответ.

- Но события последних дней, господа, помимо всего прочего вселили в нас и надежду, - сказал спустя некоторое время советник и посмотрел на дружинника: - Надеюсь, вы уже поняли, о ком идет речь, сударь Мартин? Ибо ее светлость госпожа Хильда последние дни только и говорит о вас, молодой человек!

Мартин вдруг густо покраснел - и в глазах его вспыхнула радость. Что совершенно не укрылось от внимательного взора советника, который скрыл свою улыбку в густых пышных усах.

- Собственно, я хотел бы узнать, сударь Мартин, один щекотливый вопрос - как вы смотрите на то, чтобы предложить свою руку ее светлости госпоже Хильде?

И открыто посмотрел прямо в глаза молодому барздуку.

Оба земника опешили, разинув рты. Затем захлопали глазами и закрутили головой, словно не веря своим ушам. Затем переглянулись между собой - и наконец снова уставились на советника. Но тот стоял, сложив руки на животе, с самым невозмутимым видом - и по-прежнему с одуряющей прямотой смотрел на Мартина.

- Но, сударь... - забормотал дружинник, а затем спохватился и поправился: - Простите, ваша светлость...

И вконец запутался, покраснев пуще прежнего.

- Хорошо, - одобрительно кивнул головой советник. - Я спрошу вас со всей прямотой, но несколько по-иному. Вы любите госпожу Хильду?

Мартин только открыл рот - и тут же снова захлопнул его. А затем, полностью смешавшись, тихо шепнул:

- Да, ваша светлость...

Толстяк склонил голову на бок и хитро посмотрел на него.

- Вот и чудесно, мой дорогой! Вот и славно! - воскликнул советник. - Вашему товарищу сударю Лиго Бирзулису предначертано спасти весь мир - а вам суждено спасти в трудную годину всего лишь его малую часть: Подгорное Царство!

И, быстро шмыгнув к земникам, толстяк ловко вклинился между ними и, взяв обоих под руки, мягко, но настойчиво куда-то потащил.

- Не удивляйтесь, господа, моим словам, - кивнув головой, продолжал советник. - Я знаю, о чем говорю. Ибо вы, сударь Лиго, с оберегом из перунита на груди, что можете делать так далеко от дома?

И советник хитро подмигнул ему.

- Перунита нынче и днем с огнем не сыщешь - последние его остатки были на Арконе в храме Святовита. И раз у вас на груди, милейший, заколка из этого самого ценного в подлунном мире материала - значит, поход ваш не так прост, как вы хотите это представить. Ибо в обычном походе вас вряд ли бы стал сопровождать сам витязь Маркисуат - он, знаете ли, мои любезные, на мелочи не разменивается. Для этого есть чародеи рангом пониже!

Лиго только захлопал глазами проницательности толстяка.

- Да-да, не удивляйтесь, господа, - улыбался Торнквальд. - И я даже догадываюсь, куда вы направляетесь - к этим странным запорогам, которые сейчас, пожалуй, являются единственной силой, способной противостоять наступающему мраку после падения славной Русколани.

И вдруг нараспев сказал:

- Из древних сказок
Всадник с юга
Березу с рунами волшбы
Возьмет с собой -
И змей ужасный,
Черный витязь,
Повержен будет
Той стрелой..

Толстяк указал на рунный перстень на руке земника и заметил:

- Да, в Подгорном Царстве известно это древнее предание. И кто такой всадник с юга мы тоже хорошо знаем. Зато теперь вот нам выпала честь свидеться с той самой березой с рунами волшбы на руке - ведь это вы, сударь Лиго Бирзулис, не так ли?

Лиго ошарашено молчал - советник же только лукаво улыбался.

А затем, повернувшись к дружиннику, загудел снова:

- Что же касается вас, сударь Мартин, то скажу вам вот что - ваш приход также был предначертан в древнем предании. Правда, в другом и менее известном - оно из века в век тайно передавалось лишь в роду нашего подгорного племени берендеев. Посмотрите-ка сюда, господа!

И толстяк, который уже подвел земников к одной из каменных стен, богато украшенных искусной резьбой, указал на витиеватую надпись, вплетавшуюся в диковинный узор.

- Это старые подгорные руны, - тихо сказал советник, - наша древнейшая азбука берендеев. Вам они вряд ли знакомы - но надпись эта, выбитая еще в незапамятные времена, гласит следующее...

И под сводами древней твердыни зазвучали слова старинного предания - земники стояли и слушали низкий, с переливами голос Торнквальда:

- Сольются вместе солнца свет и лунное сиянье,
И под горами снова возродится царство.
Сквозь стылый камень древо прорастет -
И воссияет славой берендеев государство.
Враги не поколеблют древних стен,
Ведь цитадели света нерушимы.
И племя древнее из двух колен
В союзе солнца и луны непобедимо!
И вновь возвысится старинный трон,
Простой дружинник женится на королеве,
Правление их будет долгим, как волшебный сон,
Как сладостные грезы в Вековечном Древе.
Сольются вместе солнца луч и лунный блеск,
Во мраке подземелий вспыхнет пламя,
Огнем любви всё вычистит окрест,
И вновь зардеет берендеев знамя!

Голос Торна затих. Молчали и сами земники, потрясенные услышанным. И лишь когда они слабо зашевелились, советник вдруг будто встрепенулся:

- Всё сходится, господа. Племя древнее из двух колен - это мы с вами, дорогие мои. Мы - берендеи, поклоняющиеся луне, и вы, барздуки-солнцепоклонники - вместе мы являемся последними племенами чуди в этом мире. И нам начертано богами вновь воссоединиться в едином союзе - ибо, как гласит предание, простой дружинник женится на королеве. Простой дружинник - это вы, сударь Мартин. И вам судьбой предопределено возвысить наш старинный трон берендеев! По крайней мере, так считает наш владыка Свидегер - ему в предсмертных грезах открылось значение древнего предания. Также считает и ее светлость госпожа Хильда, и все мы, советники короля...

И посмотрел на молодого барздука.

- Вы готовы встретиться со своей судьбой лицом к лицу, сударь Мартин? - спросил Торнквальд, возвысив голос.

И когда земник кивнул, советник улыбнулся:

- Идемте в опочивальню, господа - король желает вас видеть...

***

В комнате подземного владыки остро пахло лекарствами, травяными настоями, отварами и бог знает чем еще. Да так, что щипало глаза с непривычки - отчего земники даже заморгали. Сам король лежал на своем одре, возле которого хлопотали лекари берендеев. Тут же находилась и заплаканная Хильда,

которая лишь мельком подняла свои глаза на вошедших. Однако в этом убитом горем взгляде проскользнула какая-то теплая искра при виде Мартина. Но дочь подгорного властелина тут же опустила глаза.

Свидегер лежал, широко раскинув руки - грудь его тяжело вздымалась, лицо почернело и, казалось, усохло еще больше. Жизнь явно покидала некогда могучее, а сейчас совершенно иссохшееся тело владыки.

Торн Торнквальд тихо скользнул между собравшимися в опочивальне, наклонился к одному из лекарей и они о чем-то стали шептаться.

Хильда снова быстро взглянула на Мартина, слегка качнув головой. И было в этом взгляде что-то такое болезненно-острое, что пронзило душу молодого барздука не хуже каленой стрелы. Земник замер. Как вкопанный, утопая в огромных глазах возлюбленной.

Но в этот миг Лиго толкнул локтем своего товарища. К ним обоим быстро подбирался Прок Пеколс с каким-то дымящимся варевом в тяжелой медной ендове.

- Как владыка? - тихонько спросил его Лиго.

Пеколс в ответ только тяжело вздохнул.

- А ты-то сам как, старина? - посмотрел на явно усталый вид своего слуги земник.

Пеколс пожал плечами.

- Мне-то что будет, сударь? - шепотом ответил он. - Я-то здесь, почитайте, в полной безопасности был - под стрелами не пригибался и от копий не уворачивался. Вы-то как сами, сударь? Изволновался же я, когда вы вслед за Тарусом на стену рванули - душа так и ныла, будто чуяла что. А уж когда вас тварюка эта стрелой долбанула - то я чуть не сомлел, когда мне это рассказывали...

- Хвала богам, всё обошлось, - отмахнулся Лиго.

А затем, немного помявшись, спросил:

- А как госпожа Хильда? В порядке?

- Да какой там, - округлил глаза Пеколс. - Сами небось видите, что заплаканная вся, ночами глаз не смыкает, возле батюшки своего день-деньской сидит. Только...

И запнулся, поперхнувшись.

Лиго быстро глянул на него:

- Что еще такое?

- Да как вам сказать, сударь, - спрятал глаза Пеколс.

- Как есть, так и говори, не увиливай...

Пеколс снова вздохнул:

- Тут же вот какое дело-то, сударь. Горе горем - а про

Мартина нашего нет-нет, да и спросит что-нибудь. И ведь сами же знаете небось, что сбежала она отсель еще в тот же самый день на стену с врагами биться. А я так кумекаю, что всё из-за того же - из-за чувств. Вот оно как бывает, сударь!

Лиго посмотрел на старого слугу, но тот по-прежнему пялился в каменный пол у себя под ногами.

- Ну, я пойду, сударь, вы уж не обессудьте, - сказал Пеколс и бочком, бочком попятился от своего хозяина.

И тут по комнате пробежал не то вздох, не то его слабый отголосок:

- Король очнулся...

И действительно, лекарь с советником замерли на полуслове - Свидегер явно приходил в себя, открыв глаза и силясь понять, где он и что с ним. Наконец взгляд его стал более осмысленным и он обвел ним всю опочивальню. С трудом разлепив истрескавшиеся пересохшие уста, владыка тихо сказал:

- Вы привели их? Где мой советник?

Торнквальд тут же оказался возле постели короля.

- Да, ваше величество, я здесь, - прогудел пышноусый берендей. - Слушаю вас...

Свидегер поманил его одними глазами, и, когда советник нагнулся к его самому лицу, король сиплым шепотом спросил:

- И как он?

- Согласен, ваше величество...

Свидегер откинулся вновь на подушки, немного пожевал губами, а затем снова спросил:

- Где моя дочь?

- Я рядом, отец, - сказала Хильда, поглаживая руку умирающего отца.

И тут Свидегер вдруг сделал над собой усилие - и сел на кровати. Вокруг только охнули - и кинулись подкладывать ему под спину подушки.

- Где эти земники? Пусть подойдут! - неожиданно громко сказал вдруг подземный владыка своим пусть и ослабевшим, но все еще каркающим голосом.

И когда барздуки приблизились, оглядел их с ног до головы.

Земники опустились на одно колено.

- Да, ваше величество, - сказали они, склонив головы.

Свидегер сделал движение рукой.

- Встаньте... - быстро шепнул барздукам Торнквальд.

А когда земники поднялись, король начал хрипло говорить, тяжело дыша:

- Как играют с нами боги, господа... Еще недавно вы были всего лишь чужаками из дальних стран, плененными на моих

кордонах - а я же был могущественным владыкой Подгорного Царства. Теперь же рука моя ослабела - а вы стали друзьями для всех нас!

Владыка тут посмотрел на Лиго:

- Вы, сударь Лиго Бирзулис, несете тяжкую ношу - и делаете это более чем достойно для нашего колена волшебной чуди. Поэтому это не для вас, а для меня великая честь встретиться с вами...

- Благодарю, ваше величество... - прошептал земник, и на глаза его навернулась влага.

- Вы, господин Пеколс, - продолжал дальше подземный властелин, обведя опочивальню взглядом и выхватив из окружающих старого барздука. - Вы стали для нас больше, чем братом - ваши золотые руки и светлая голова спасли не одну жизнь берендея. Поэтому наш дом - это и ваш дом, сударь!

Пеколс от растерянности даже раскрыл рот и чуть не выронил ендову с целебным отваром - крутившийся рядом молодой лекаришка поддержал старого барздука под руки. А тот только стоял и часто-часто моргал, даже не пытаясь скрыть слезы.

- А вы, сударь Мартин... - здесь старый король немного запнулся, но затем его голос снова обрел свою уходящую силу: - Вы же, сударь Бубилас, хоть и отважно бились на стене за нашу свободу - правда, не более храбро, чем мы, берендеи, - но вам досталась самая главная награда...

И тут Свидегер твердо посмотрел на молодого дружинника.

- Скажите, сударь, вы любите мою дочь? - неожиданно спросил король.

Мартин и все остальные замерли - наступила полная тишина, которую нарушало лишь потрескивание смолистых факелов на стенах.

- Да, ваше величество... - тихо прошептал земник, густо покраснев.

- Несмотря на то, что она, по нашим обычаям, должна быть отдана другому? - твердо вопрошал владыка, сверля взглядом барздука.

- Да, ваше величество... - еще тише сказал Мартин.

- А любит ли она вас, сударь? - продолжал давить на земника подземный властелин.

- Увы, не знаю... - прошептал вконец убитый вопросами барздук.

- А как вы думаете, сударь? - каркал голос Свидегера. - Или как вам подсказывает ваше сердце?

Земник молчал, уткнувшись взглядом в каменный пол, и чувствуя всеми порами своего тела, как его сверлит глазами

подземный владыка.

- Как вы, простой ратник - пусть и из знатного рода, но всё же простой дружинник - могли помыслить о том, чтобы полюбить дочь короля?! Ну, отвечайте!!!

Но Мартин молчал. А Свидегер жег его взглядом, испепелял до самой глубины души.

- Уж не это ли сыграло свою роль, что моя дочь это прежде всего дочь короля? - пламенел голос подземного владыки.

И тут Мартин вдруг быстро вскинулся и одарил подгорного властелина таким взглядом в ответ, что тот невольно отшатнулся, как от пощечины.

- Ваше величество! - зазвенел гневный голос молодого барздука. - Боюсь высказать вам свое непочтение - но мне плевать на все царства и богатства в мире! Я готов их променять все скопом на один только взгляд вашей дочери! Один ее взгляд и вздох значат для меня больше, чем всё на свете...

И тут Свидегер хрипло расхохотался, откинувшись на подушки. Но вместе со смехом из его рта вырвался кровавый мокрый комок - и владыка зашелся в тяжелом кашле. И лишь спустя минуту он наконец поднял свои горящие глаза на барздука - Мартин молча продолжал смотреть на него.

- Ты не боишься, что я прикажу отрубить тебе голову? - просто спросил король.

- Рубите, ваше величество! - отчеканил барздук и, выхватив из ножен клинок, протянул его рукоятью владыке и опустившись на колено.

- Отец!!! - закричала Хильда и, отвернувшись, разрыдалась.

Свидегер молча смотрел на земника долгим немигающим взглядом. Вокруг стояла вязкая плотная тишина - даже факелы, казалось, замерли.

- Встаньте, сударь Мартин, - наконец хрипло проговорил король. - Он еще пригодится и вам, и нашему Подгорному Царству.

А когда земник поднялся, подземный властелин уже чуть более мягко сказал:

- Вы можете повторить еще раз те слова, которые сказали в тот день, когда вас всех вместе с чародеем привели ко мне?

- Да, ваше величество, - тихо ответил земник.

- Вы смелый барздук, господин Бубилас, - хмыкнул король. - Ну, раз так, повторите-ка их еще раз - и при всех!

Мартин поднял свою голову, посмотрел на Свидегера, затем на Торна Торнквальда, затем обвел взглядом всех окружающих - и наткнулся на понимающие глаза Лиго, который только молча и одобряюще кивнул головой.

- Я хочу предложить вашей дочери, ваше величество, свою руку и сердце! - звонко сказал Мартин. - Клянусь любить ее больше всего на свете - и защищать до конца своих дней, пока дышу! И, как видите, говорю это также при всех! И от своей клятвы не отступлюсь никогда - разве что смерть заставит меня это сделать...

Все онемели - лишь Торнквальд, а также Лиго и Прок спрятали свои еле заметные улыбки, опустив голову вниз.

- Что скажешь ты, дочь моя? - каркнул Свидегер, глядя на Хильду.

Дева молча сглотнула комок, вытерла узкой ладонью заплаканные красные глаза и сказала:

- Я люблю его, отец... Я согласна...

- Даже если я прикажу вас выгнать обоих вон, за пределы моего царства?! - вдруг крикнул король.

- Да!!! выкрикнула в ответ Хильда, гордо вскинув голову и взметнув копной огненнокудрих волос. - Да, да и еще раз да!!!

Свидегер сверлил ее взглядом - но она также смотрела твердо ему в ответ.

Наконец подземный властелин отвел глаза - и громко и четко сказал:

- Именем нашего великого предка, властелина Подгорного Царства владыки Берендея я, законный его наследник и король Свидегер, отменяю помолвку своей дочери Хильды с чародеем Майсуром - и объявляю свою дочь помолвленной с сударем Мартином из знатного рода Бубиласов славного племени барздуков!

И откинулся на подушки, тяжело дыша и закрыв глаза.

Вокруг все потрясенно молчали.

И лишь только двое в этой наступившей тишине смотрели друг на друга, ничего больше не замечая.

И даже когда все вокруг пришли в себя и стали их поздравлять, когда опочивальня короля наполнилась одобрительным и радостным гулом голосов, они всё стояли и продолжали смотреть, смотреть и смотреть. И ничего в этом мире не было способно нарушить их полный любви и переизбытка чувств взгляд - ничего, кроме внезапно всё разорвавшего звука горна, который донесся в опочивальню короля от самой каменной стены.

ГЛАВА 22
ПОДМОГА

Горн всё звучал и звучал - и когда наконец стих, все в королевской опочивальне зашевелились, глядя друг на друга и

словно не веря самим себе.

- Подмога... - несмело кто-то шепнул из окружавших ложе владыки советников. - Это горн Медных голов!

- Дождались... - еле слышно сказал второй.

А Торн, дотоле глядевший на влюбленную пару, только хмыкнул и что-то пробормотал - но Лиго, стоявший рядом, расслышал эти слова:

- То добрый знак...

И лишь успел он это промолвить, как зазвучал горн с новой силой - и чуть ближе, и другим голосом.

- Ба! Да ведь это же звуки рога Железноголовых! - воскликнул кто-то из берендеев.

И подземные обитатели радостно загомонили - ведь на подмогу пришел уже не один, а целых два берендейских рода.

Но не успели они это обсудить, как эхо донесло звуки еще одного трубного гласа.

- Среброглавые!!! - еще более оживились берендеи.

Выходило, что на помощь подоспели все оставшиеся роды подземных жителей - и весть эта сулила победу, скорую и долгожданную.

И со звуком третьего горна встрепенулись и Мартин с Хильдой, дотоле не видевшие и не слышавшие ничего вокруг. А вместе с ними зашевелился на древнем ложе и подземный властелин, смертельно раненный отравленной стрелой злыдня.

- Хвала богам... - пробормотал Свидегер, открыв глаза и тяжело закашлявшись.

Хильда и Пеколс кинулись к нему - но он отстранил их движением руки, замотав головой.

В этот миг двери опочивальни распахнулись - и вместе со свежим воздухом в комнату стремительно вошел Тарус, начальник крепостной стражи.

- Ваше величество! - гаркнул он, и тут же осекся.

Но на него никто даже не шикнул.

Тарус виновато огляделся по сторонам и чуть тише начал:

- Ваше величество! Пришла помощь от всех берендейских кланов - каждый наш род прислал сильную дружину своих лучших латников. Идет битва за мост - враг отступает и скоро будет разбит!

Берендеи снова радостно зашумели.

- Кто... Кто привел помощь? - натужно откашливаясь, спросил король.

Тарус опустил голову и тут же замолчал.

Свидегер впился в него своим взглядом - а затем снова откинулся на подушки и сказал:

- Можешь не отвечать, Тарус! Я и так знаю, кто...

И, немного помолчав, произнес:

- В который раз наш спаситель - Майсур! Вот кто!

И тяжело закрыл глаза.

Все враз посуровели, не зная, что сказать и боясь даже произнести имя чародея, чтобы не гневать короля - и лишь только Хильда, Лиго и Торнквальд заметили легкую улыбку, мимолетно промелькнувшую на изрезанном глубокими морщинами челе подземного владыки.

У Лиго отлегло на сердце - земник понял, что Свидегер готов забыть былые обиды и глубоко в душе рад возвращению старого товарища.

А потому барздук сделал шаг вперед и, припав на колено и склонив голову, сказал:

- Ваше величество! Позвольте покинуть вас и отправиться на стену вместе с сударем Тарусом - в данное время моё место там!

Начальник крепостной стражи быстро глянул на земника, спрятав в своих усах улыбку.

А Мартин смотрел всё это время на Хильду, еще не совсем придя в себя после речи о помолвке. А потому слова Лиго прозвучали для него, как удар. Он слегка мотнул головой, словно приходя в себя, а затем, будто опомнившись, также опустился на колено и отчеканил:

- Ваше величество! Позвольте и мне!

Свидегер посмотрел на обоих коленопреклоненных земников и сказал:

- Идите, друзья мои! Да хранят вас боги!

А затем, повернувшись к начальнику крепостной стражи, добавил:

- Сударь Тарус! Я жду вас с победой! И сохраните мне этих двух славных барздуокв, ясно? Головой отвечаете!

- Да, ваше величество! - снова рявкнул Тарус, не поднимая глаз. - Будет исполнено!

И вскочил на ноги, поклонившись королю и круто развернувшись к выходу.

Земники также отдали честь - и направились к двери. При этом на какое-то мгновение Мартин задержался у входа - и его глаза встретились с глазами Хильды.

- Береги себя... неслышно шептали ее губы.

Мартин кивнул - и вышел вон, более не оглядываясь.

Свидегер всё это видел своим внимательным цепким взглядом, от которого не могло ничего укрыться. Владыка слегка сжал руку своей дочери - а когда она обратилась к нему, он тихо сказал:

- Хвала богам! Я дождался сегодня всего, о чем можно было только мечтать. С подмогой вернулся мой старый друг, а кроме дочери теперь у меня есть еще и сын. И уже сегодня я дождусь победы и над врагом! Жаль только, что не смогу дождаться только одного...

- Чего же, отец? - спросила Хильда.

- Жаль, что я не смогу увидеть внуков... - чуть слышно промолвил король и закрыл глаза.

И по его суровой обветренной щеке покатилась скупая мужская слеза.

***

- Боюсь, сударь, что здесь обойдутся и без нас! - громко сказал Лиго, когда земники и Тарус выбежали на стену и посмотрели вниз.

Битва шла полным ходом - на той стороне моста теснили врага и сбрасывали его в пропасть черные кованые шлемы клана Железноголовых. А за ними, чуть дальше, было видно, как рубятся им навстречу в сверкающих светлых доспехах берендеи из рода Среброглавых, оправдывая свое название блестящими шишаками с высокими острыми навершиями.

- Железо крепче серебра!!! - орали берендеи из клана Железных голов, тесня врага и подзадоривая своих сородичей.

- Белый доспех не ржавеет!!! - отвечали им Среброголовые, усиливая натиск.

- Медные колпаки носят не дураки!!! - орали издалека с третьей стороны.

Мартин и Лиго одобрительно цокали языками, наблюдая за схваткой.

- Во дают, черти! - восторженно сказал кто-то рядом.

И когда Лиго обернулся - увидел мечника Крома, который также следил за сечей.

И в этот миг противно и мерзко свистнула стрела, выпущенная кем-то снизу - но Кром в мгновение ока дернул Лиго за шиворот. И вовремя - каленый отравленный наконечник стукнулся о каменный зубец и разлетелся на мелкие осколки.

Лиго шумно выдохнул и сказал:

- Я ваш должник, сударь Кром!

Но старый мечник только отмахнулся рукой и ответил:

- Пустое, сударь! Поставите мне как-нибудь кружку доброго пива - и дело с концом!

- Ты бы поберегся действительно, Лиго, - сказал Мартин, осуждающе покачав головой.

- Ну, тут уж не знаешь, кому теперь и беречься больше - тебе или мне! - подмигнул товарищу Лиго. - Берендеи не простят,

ежели в битве пришибут их будущего короля! А уж одна берендейка - так точно!

И весело рассмеялся.

- Да ну тебя! - отвернулся Мартин, густо покраснев.

- Ладно, не обижайся, - примирительно толкнул его локтем Лиго. - Ты вот лучше скажи - видишь ли где Мамая?

Мартин стал внимательно смотреть вдаль - но, сколько бы земники ни вглядывались, нигде даже и намека не было присутствие чародея.

- Странно это... - пробормотал Лиго. - Где же наш друг?

Но ответа пока не было.

А в крепости тем временем засвистели рожки, протяжно завыли горны и застучали барабаны. И во дворе цитадели забегали и засуетились латники, строясь в ряды.

- Господа барздуки! - раздался рядом звонкий голос Таруса. - Мы готовим вылазку навстречу своим собратьям! Вы с нами?

И, не дожидаясь ответа, стал быстро спускаться по ступенькам. Земники - за ним.

С тяжелым скрипом стали раскрываться огромные кованые ворота подземной твердыни. Медленно ширилась щель крепостной арки - сперва на палец, затем на ладонь, наконец на локоть. И также тягуче, как открывались ворота цитадели, тянулось время. гулко стучало сердце, отдаваясь в висках под шлемом. А там, за стеной, бесновалось и грозно вспенивалось море страшного врага - визжащие от ярости злыдни, скачущие воющие волколаки, рычащие песьеголовцы, исходящие пеной ненависти ко всему светлому. И пока медленно открывались ворота древней твердыни, всю эту мерзкую черную ораву сдерживал лишь поток кипящей смолы и камней, падавших сверху, со стены - чтобы вся эта нечисть преждевременно не ворвалась внутрь.

И когда ворота распахнулись полностью, звонкий голос прокричал:

- Златоград!!!

И кто-то из старших мечников махнул рукой.

Поток смолы и огня тут же прекратился.

На мгновение повисла тишина - нечисть и берендеи какой-то миг смотрели друг на друга, тяжело дыша. Как будто замерло всё вокруг - только слышно было сопение из-под шлемов.

И вдруг всё кратковременное затишье рухнуло.

Два потока хлынули навстречу - и ударились крепко, и разлетелись во все стороны пеной окровавленных тел.

- Ай-йя!!! - мерзко орали песьеголовцы и злыдни, бросаясь на берендеев.

- Златоград!!! - отвечали им подземные жители, смыкая щиты и выставив вперед копья, на которые со всего размаху насаживались волколаки.

Забурлила кровавая сеча, будто закипел своим смертельным варевом огромный котел.

- Плечо в плечо!!! - кричали, подбадривая друг друга, берендеи.

- Локоть к локтю!!! - отвечали они сами себе.

И шаг за шагом, мерно и неотвратимо теснили от стены неприятеля.

А позади дружины, в крепости, звенели рожки и горны, надсадно гудели медные трубы, били литавры и барабаны.

Копейщики отбрасывали врага, прикрывшись щитами и ощетинившись стальным ежом, об иглы которого разбивались все наскоки нечисти. Закованные в крепкие латы мечники прорубали во вражьем месиве широкие проходы - только мерно вздымались раз за разом их сверкающие клинки. А лучники со стены сыпали облаками стрел и дротиков, вымывая гибельным дождем из черной кучи окровавленные тела.

- Златоград!!! - кричали берендеи и отбрасывали нечисть от стен свой цитадели всё дальше и дальше, опрокидывая врага в пропасть или загоняя на узкий каменный мост.

И вот уже закованная в броню дружина дошла до середины - а там, с той стороны, уже неслись громкие крики навстречу:

- Белый доспех не ржавеет!!! Держитесь, Золотые головы - идем на выручку!!!

И с удвоенной силой рубились берендеи, нещадно уничтожая врага. Выли разодранные в бою глотки волколаков, страшно клацали зубами песьеголовцы, вращали глазами в бессильной злобе злыдни, скребя когтями о камень - но слишком уж были неравны теперь силы. Спасти нечисть могло теперь разве что чудо.

И вдруг... Будто стылым холодом дунуло в огромной подземной пещере - и казалось, что даже неверный серый свет, источавшийся сверху, наполовину померк. Битва стала замирать - словно в предчувствии чего-то страшного и неведомого.

Застыли клинки берендеев, опустились их копья, а звонкие крики застряли в горле. Колдовская тяжесть стала наливать руки и ноги, приковывая к земле. Студеное гибельное марево накрыло место битвы - и даже нечисть странно засуетилась: волколаки поджали хвосты и начали тихо поскуливать, а злыдни заскрежетали зубами и в ужасе закрывали глаза, сбиваясь в дрожащие кучи.

И вдруг Лиго ужалила прямо в сердце огненная стрела!

Заколка на его груди вспыхнула так ярко, что находившиеся рядом с ним берендеи невольно зажмурило глаза и отступили. Вокруг барздука образовался пустой круг. А оберег пылал багряно алым цветком, выбиваясь из-под кольчуги - и немилосердно обжигал своего хранителя.

- Лиго! - закричал испуганно Мартин, бросаясь к товарищу.

Но Лиго лишь держался за грудь, мотая головой и мыча что-то невнятное.

А там, далеко, у самого начала моста, из-за сторожевых башен, раздался жуткий леденящий хохот.

- Иди ко мне! - могильно завывал голос. - Иди-и-и!!!

И снова засмеялся так, что мороз продрал Мартина по коже.

И в ответ на этот страшный зов Лиго безвольно сделал вперед один шаг, второй, третий - а затем еще и еще.

И так же безвольно расступались перед ним берендеи и нечисть, будто скованные все колдовскими чарами, не в силах им противостоять.

- Лиго!!! - в ужасе кричал Мартин, хватая своего товарища за руки.

Но Лиго с остекленевшим взглядом шел и шел вперед, будто во сне - а вокруг, где только что гибли в схватке смертельные враги, стояла могильная тишина и покой.

Оцепенение охватило всю громадную пещеру.

И вот впереди, быстро приближаясь к земнику, словно что-то заструилось незримое навстречу, потекло вперед стремительно и жутко - будто прозрачная огромная гадюка быстро ползла по мосту. И за несколько шагов до барздука это нечто вдруг остановилось, словно разглядывая земника - и в призрачном мерцающем свете пещеры показалось, что невидимый змей свивает жуткие кольца.

И снова замогильный хохот, от которого мороз по коже - а затем злобное шипение.

- Так вот ты каков, хранитель оберега! - страшно смеялось прозрачное чудовище. - Не слишком ли велика ноша для такого маленького человечка, как ты?

И опять захохотало леденяще.

А потом тишина, сопение в ней, тихий скрадывающийся шорох - и снова жуткий голос, но уже ближе:

- Не боишься умереть, маленький земник, здесь, под землей, так далеко от дома и от своих светлых рощ и зеленых трав? Что занесло лесную чудь в глубокие подземные лазы с таким бесценным сокровищем?

Но Лиго молчал, застыв на мосту.

Снова шорох - и опять мерзкий свистящий шепот у самого

уха.

- Я мог бы раздавить тебя в один миг, как мошку - но только какой в этом прок? - смеялся жуткий невидимый голос. - Намного интересней раздавить твою волю, земник!

И снова шуршание камней под ногами - будто кто-то или что-то ползало вокруг.

- Не тронь его! - заорал Мартин, стоявший недалеко и наблюдавший с широко открытыми от ужаса глазами, как вокруг Лиго свивает кольца прозрачное чудовище, угадывавшееся в дрожании стылого воздуха.

Голос захохотал.

Невидимый бросок - и уже Мартин с ужасом ощутил зловонное холодное дыхание у своего лица.

Сопение, затем тишина - и удаляющийся шорох.

А потом глухой удар по ногам, будто из ниоткуда - Мартин, как подкошенный, грохнулся наземь, ударившись о камни.

- Гадина! - выругался земник.

Но мерзкий хохот был ему в ответ.

Мартин вскочил и крикнул в никуда:

- Да ты хоть покажись на глаза, трусливая тварь!

И вдруг снова невидимый стремительный бросок - и у самого лица кошмарный шепот, ледяными щупальцами заползающий глубоко в душу.

- Ну, хорош-ш-шо... - зашипел голос. - С-с-смотри...

И воздух перед земником вдруг дрогнул - и стал приобретать форму, уплотняясь в полупрозрачное чудовище, невиданное доселе. Лицо подземной твари напоминало человеческое, только искаженное будто гримасой злобы и ненависти, застывшей на века - а вот ниже пояса тело переходило в жуткий змеиный хвост, находившийся в постоянном движении и свивавший кольца.

- Виевич... - выдохнул в ужасе вдруг кто-то из берендеев.

И это слово, будто стон, понеслось над головами подземных латников.

- Виевич...Виевич... Виевич... - шуршала волна тихих голосов, переливаясь вдаль, до самой твердыни.

И слово это значило смерть - ибо все сонмы нечисти даже и сравниться не могли с этими жуткими кошмарными созданиями преисподней, полулюдьми-полузмеями.

Но в тот самый миг, когда древнее чудище явило себя берендеям, Лиго будто встрепенулся и вскрикнул, как от ожога. А затем, схватившись за грудь и раздирая невероятным усилием нагрудник с нашитыми на нем стальными кольцами, выхватил заколку, ярко пылавшую в его руке.

- Валио!!! - заорал земник, бросаясь на чудовище и

замахиваясь клинком.

Но меч его рассек только воздух - подземная тварь стремительно отшатнулась.

- Тебе с-с-смерть!!! - злобно прошипело чудовище.

И тут вдруг что-то громыхнуло - да так, что сверху посыпались мелкие камни. А затем яркая вспышка ослепила и берендеев, и земника, и жуткого виевича.

И когда Лиго открыл глаза - то увидел перед собой постоянно меняющееся изображение, будто в кривом зеркале. То змеиная морда с ненавистью смотрела на него, то уже его собственное лицо, то замелькали перед ними лица берендеев и морды волколаков - всё смешалось в жуткой свистопляске личин.

И ниже их, прямо из груди кошмарного оборотня-змеевича, торчала бронзовая стрела, всё еще дрожа.

- С-с-смерть... - шипели все эти меняющиеся личины.

Но земник рубанул что есть силы своим клинком - и тут же был отброшен неведомой силой назад.

- Отдай заколку... - загнусил шепеляво жуткий голос.

И виевич заструился вперед.

Но в тот самый мог, когда он готов был сомкнуть свои кольца вокруг земника - снова яркая вспышка. И в середине взорвавшегося пламени вдруг объявился огненный витязь с пылающим мечом в руке.

- Мамай! - радостно охнул Мартин, бросаясь к Лиго.

А витязь шагнул навстречу земникам - и улыбнулся:

- Простите, друзья мои! По-моему, я слегка задержался!

Сказал так просто, будто бы ничего вокруг и не происходило.

И, повернувшись, описал огненным клинком сверкающую дугу - и с маху опустил меч на голову змеевича.

Страшно закричала нечисть в огромной пещере, завыли волколаки, завизжали злыдни. А из разрубленного пополам тела виевича раздался жуткий рев, переходящий в свист, от которого закладывало уши и раскалывалась голова.

Посыпались сверху камни, задрожал древний мост, загудели стены огромной пещеры. А из пропасти, будто отзываясь на крик оборотня-змея, докатился глухой страшный гул.

И замерло всё - только судорожно свивался в предсмертных муках змеиный хвост чудовища.

Чародей наступил на него - а затем вонзил в него свой огненный меч. И когда судороги прекратились, взял и просто отшвырнул ногой остатки с моста в пропасть.

- Убирайся в ад, откуда и явился, - сказал вслед мертвому виевичу чародей.

А затем повернулся к земникам и подмигнул:

- Как же я рад вас видеть снова, Лиго и Мартин!

И раскрыл руки для объятий.

***

Третий день шумно пировали берендеи в подземной крепости, радуясь победе и встрече после долгой разлуки. Ходили, обнявшись, по винным погребам и кабачкам, орали песни, тузили в шутку друг друга, вспоминали все последние события.

А вспомнить было что - и встречу разделенных родов вместе, и битву с лютой нечистью.

- Говорят, серебро со временем темнеет, железо ржавеет, а медь синеет, - подшучивали златоградцы над берендеями из других кланов. - Одно только золото и блестит!

- Блестит-то оно, это точно! - отшучивались латники из иных родов. - Да вот только охраняет его железо, да сталь, да бронза!

- Ишь ты, железная башка! - замечал кто-то из Среброголовых. - А про серебро-то и забыл! Нас-то куда дел?

- А куда вас денешь-то? Вы завсегда со Златоградом рядом ошиваетесь - золотишко и серебришко вместе, будто в мошне! - поддел кто-то из усатых бывалых ратников.

И все гоготали.

Смеялся и Лиго вместе со старым мечником Кромом и юным латником Горготой, смеялся и вечно взъерошенный Прок Пеколс, которого наконец-то отпустили из покоев короля. Ибо теперь у постели подземного владыки и своего старого друга денно и нощно дежурил Мамай - и стараниями чародея удалось вырвать из цепких когтей смерти подземного владыку.

Одного только Мартина не было видно - и то понятно, он не отходил от Хильды ни на шаг.

Скучал немного по товарищу Лиго, хмурился иногда, задаваясь вопросом, потерял ли он друга - или все же доведут они вместе этот поход до конца?

Но когда земника хлопал кто-либо по плечу, участливо спрашивая, почему он голову повесил, Лиго только улыбался в ответ - и колотил кружкой по столу, требуя добавки. Один только Прок Пеколс его понимал, не отходя теперь от хозяина ни на шаг.

- А ежели я по девкам пойду, Прок? Ты тоже за мной по пятам будешь следовать? - спрашивал его Лиго.

- Ну, мало ли что там, сударь, - отшучивался Пеколс. - Может, поддержать там чего надо!

- Вот я тебе задам, олух! - смеялся Лиго.

И слуга вторил ему.

Однако это, тем не менее, не мешало Пеколсу каким-то образом навещать толстушку Мелинду - и по его блудливым

глазам было видно, что у них всё ладилось.

Кром, правда, поначалу ворчал и даже грозился, несмотря на все заслуги Пеколса, оттаскать того за бороду привселюдно - но после шумного разговора со своей сестрицей выскочил из дому будто ужаленный, и махнул рукой:

- Делайте, что знаете! Не малые дети, в конце концов!

- Эй-эй, язык-то прикуси про малых детей! - высунулась в двери Мелинда, уперев руки в бока.

И старый мечник от греха подальше сбежал в пивную. И там, как ни смешно, к концу попойки уже сидел, обнявшись, с Пеколсом - и каждый орал на свой лад свою песню.

Вспоминали, как дружины берендеев выгнали остатки нечисти из подземных лазов и нор - и там, на поверхности Лесистых гор, залитой ярким солнечным светом и покрытой ковром густых рощ и дубрав, их встретила такая картина. Огромные бородатые великаны, заросшие рыжей мохнатой шерстью, добивали выскакивавших отовсюду из пещер волколаков, песьеголовцев и злыдней. И разорванными в клочья телами нечисти были усеяны все горные склоны.

- Хум! Хум! - довольно пыхтел ближайший великан, укладывая дубиной вокруг себя визжащих от страха и ужаса оборотней.

А затем, закончив свое дело, оперся на вывороченный с корнями дуб, послуживший ему самодельной палицей, и удовлетворенно огляделся по сторонам.

Завидев изумленных берендеев и земников, замерших у входа, громила широко, но добродушно осклабился и прогремел:

- Славно потрудились нынче!

И, отвесив неуклюжий поклон, сказал:

- Не бойтесь, други мои! Меня зовут Веремуд - я, стало быть, из древнего племени великанов-асилков, или, как еще нас называют, велетов. А вон там, вдали, орудует брательник мой младший - Асмудом кличут его...

Но в этот миг из кустов прямо под ногами велета вдруг попытался прошмыгнуть мимо затаившийся было волколак - но великан неожиданно при его размерах шустро обернулся и, схватив зверюгу за хвост, размахнулся им и шмякнул что есть мочи оземь: только брызги и разлетелись.

- Экая мерзкая образина! - хмыкнул Веремуд и смачно сплюнул.

...Много, много чего было вспомнить земникам и берендеям. Ибо после такой победы будто воспрянуло всё Подгорное Царство - забрезжила впереди надежда, что вновь загремит слава государства берендеев не только по всем Лесистым горам, но и

всем окрестным землям: словно стали сбываться все древние пророчества.

Витязь Майсур был восстановлен во всех своих правах - и поговаривают, что даже в узком кругу приближенных владыка Свидегер даже попросил у него прощения.

После битвы также торжественно объявлено было и о помолвке Мартина с дочерью подземного владыки Хильдой - правда, до свадьбы, по старому обычаю, им еще приходилось подождать. Но влюбленным это было вовсе не помехой - они не расставались день и ночь.

Но наступил, увы, и этот миг.

В комнату, где уединенно сидела, не отрывая глаз друг от друга, молодая пара, однажды вошли Мамай и Лиго - и молча остановились у резной двери.

И Мартин понял их без слов.

Так же молча он посмотрел на Хильду. Она на мгновение закрыла свои дивные очи - и из-под ресницы выкатилась хрустальная слеза.

- Удел девы ждать - а витязя воевать, - прошептала дочь подземного владыки. - Иди, любимый...

И отвернулась, стараясь скрыть охватившее ее отчаяние.

Чародей и Лиго тихонько вышли из каменной горницы, прикрыв за собою дверь.

Через полчаса во двор спустился и Мартин.

Накинув на плечи хорошо выстиранную котомку, набитую под самую завязку, и приладив у пояса старинный клинок, подарок подгорного владыки, земник кивнул своим товарищам. А затем еще раз посмотрел на древнюю подземную цитадель берендеев, ставшую ему вторым домом...

Уходили молча, без шума и огласки. Просто берендеям было объявлено, что господа барздуки и чародей убыли по срочному делу. Но не успели еще затихнуть их шаги в потайных каменных проходах, как про их деяния подгорные жители уже стали слагать песни. И многие из них, как догадывались сведущие в этих делах сказители, были обязаны своим появлением дочери подземного владыки.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ